

Н. А. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКАЯ

МИЛЛІОНЫ БУРЛАКОВЫХЪ

РОМАНЪ.



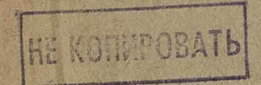
Изданіе М. Дидковскаго — Рига
Крѣпостная 43/45



Н. А. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКАЯ

Милліоны Бурлаковыхъ

Романъ







Изданіе М. Дидковскаго — Рига
Крѣпостная 43/45
1929 г.



Типографія „Vārds" Рига
Бл. Плавучая ул. № 24
Телефонъ 23409



„. . Мнѣ отмщеніе,
И Азъ воздамъ“.

I.

Отъ густого спускающаго къ самой рѣкѣ сада тянулась по лугу широкая тѣнь. Цвѣли яблони, цвѣла сирень, пестрѣлъ лугъ синими и желтыми глазочками. По высокому берегу, разнотѣнистыми зелеными кущами тѣснились густые кустарники, свѣшивались къ водѣ плакучія ивы, маня подъ тѣнь на влажно зеленѣющую мураву. То высокой, желто песочной стѣной высился нагорный берегъ величавой рѣки Волги, то спускался сочно зелеными уступами къ спокойному теченію водъ, отражающимъ синеву небесъ и быстрый суетливо ныряющій летъ ласточекъ. Чего—чего не отражала только въ себѣ глубокая прорѣзывающая отъ края и до края всю русскую землю, кормилица Волга! Какія только струги, плоты, лодки и бревна ни переправляла она отъ Москвы рѣки и до самаго Каспія! Чего только ни видѣли, ни слышали ея воды! Сколько кровавыхъ битвъ, сколько окровавленныхъ изувѣченныхъ тѣлъ потоплено въ ея свѣтлыхъ струяхъ отъ самаго начала Руси! Сколько слезъ выплакано надъ ней, сколько тяжелыхъ капель бурлацкаго кроваваго пота скатилось въ нее! Сколько крѣпкихъ думъ казацкой

вольницы пронеслось надъ ней! Сколько сладкихъ соловьиныхъ пѣсенъ и ласковыхъ шопотовъ прозвучало надъ ней! Длинная вереница вѣковъ русской жизни пронеслась надъ рѣкой Волгой. Молчаливо и безстрастно течетъ и течетъ она куда и откуда повелѣла ей десница Божья, никого ни о чемъ не спрашивая, ничего никому не разсказывая.

Противъ нагорнаго берега разстилается низкій луговой. Изъ подъ синихъ высотъ, звенятъ надъ нимъ колокольцами непрестанныхъ трелей пѣсни жаворонка, низко, надъ самой травой, рѣжутъ воздухъ быстролетныя ласточки; въ камышахъ гнѣздится, копошится и свиститъ всякая птица; въ тѣнисто-изумрудныхъ заросляхъ плещется мелкая и крупная рыба. Широко и вольно протекаетъ Волга по любовно объемлющей ее родной Руси.

— Сенька—а—!... Сенька—а—а, лошадь пора запрягать!.. За бариномъ въ городъ пужай!..—пронесся звонкій женскій голосъ и сразу растаялъ въ тепломъ сіяніи дня, надъ искрящейся поверхностью рѣки.

Въ тѣни свѣсившейся ивы, на зеленомъ бугоркѣ сидѣлъ надъ самой водой сѣденькій щупленькій человѣкъ и, сбросивъ пиджакъ, насадивъ на удочку кусокъ сырого мяса, ловилъ раковъ большихъ, усастыхъ, звонко шлепающихъ мокрыми черными шейками, растопыривающихъ цѣпкія клещи. Одинъ за другимъ, они попадали изъ зеленыхъ зарослей въ плетеную круглую корзинку, гдѣ барахтались другъ на другѣ, поводя длинными крѣпкими усами.

Сѣденькій человѣкъ, прикрывъ корзинку крышкой, охватилъ колѣни сомкнутыми руками и, глядя передъ собой ласковыми свѣтлыми глазами, мирно задумался.

— Красота-то какая, Господи! — вслухъ произнесъ онъ, любовно окидывая взглядомъ блещущую подъ солнцемъ рѣку и противуположный, къ самому горизонту раскинувшійся, звенящій птичьей пѣсней, сочно-зеленый берегъ.

— И рече безумецъ въ сердцѣ своемъ: нѣсть Бога.—Онъ ухмыльнулся и сокрушенно покачалъ головой.

Солнце, сквозь листву склоненной ивы, осторожно подобралось къ преждевременнымъ сѣдинамъ, перебираемымъ порхающимъ надъ рябою вѣтеркомъ. Тихо и мирно катилась рѣка, тихо и мирно было на душѣ Ильи Афанасьевича, погруженнаго въ созерцаніе красоты любимаго міра Божьяго. Не хотѣлось покидать уединенный надъ рѣкой уголокъ, но время близилось къ обѣду. Илья Афанасьевичъ собралъ уду, корзинку полную раковъ и бодрой прямой походкой зашагалъ по крутому подъему мимо оврага къ усадьбѣ.

Новая щегольская пролетка, выѣхавъ изъ тѣни березовой рощи, мягко покатилась по узкой луговой тропѣ. Кучеръ Сенька, натянувъ синія возжи, въ красной рубахѣ и черномъ плисовомъ кафтанѣ безъ рукавовъ, молодцовато сидѣлъ на козлахъ, весь озаренный косыми лучами солнца, разлившагося золотомъ по лугамъ и рѣчной дали.

Заслышавъ бѣгъ пролетки, изъ гущины сада выбѣжала къ калиткѣ широкостая круглолицая дѣвушка въ ситцевомъ пестромъ платьи и, защитивъ ладонью глаза отъ слѣпящихъ костыхъ лучей, пошла навстрѣчу.

— Чтожъ вы запоздали, дядюшка? Пожалуй, и къ вечернѣ не поспѣемъ. — Она подошла къ остановившейся пролеткѣ, взгянувъ исподлобья и мгновенно отводя взглядъ отъ

лица подъѣхавшаго, богатырски сложеннаго человѣка среднихъ лѣтъ.

— Экая ты богомолка сдѣлалась! Съ чего это такъ? — Грузно ступая на подножку, онъ сошелъ съ пролетки.

— Грѣхи замаливаю, — усмѣхнулась она, откусывая кончикъ стебелька и глядя себѣ, подъ ноги.

— Чьи?

— Мои... а можетъ и ваши.

— Ну-ну, замаливай. Грѣховъ то у меня много.

— Лошадь отпрягать аль нѣтъ, Никита Афанасьевичъ?— Обернулся съ козелъ веселый Сенька.

— Барышню въ монастырь свезешь, — бросилъ онъ на ходу.

— А чтобъ и вамъ съѣздить матушку Серафиму провѣдать?!

— Некогда мнѣ.

Вошли въ садъ. По бокамъ усыпанной желтымъ пескомъ дорожкѣ, разросся густой, сладко пахнущій жасминъ. У поворота, она свернула, а онъ, пройдя дальше, вышелъ на прямую широкую аллею, ведущую къ террасѣ, выложенной узорными каменными плитками. Въ плетеномъ креслѣ, протянувъ ноги на табуретъ, сидѣла моложавая чрезмѣрно нарядная женщина, съ красивыми золотистыми волосами и слегка подкрашенными щеками.

— Мнѣ письма есть?

— Есть. — Онъ бросилъ ей на колѣни два конверта.

— Изъ города звонили Синицынъ и Пестровъ, что вечером пріѣдутъ обязательно, — вскрывая письма, проговорила она.

— Ладно, пусть пріѣзжаютъ. Къ сестрѣ Серафимѣ поѣдешь или нѣтъ?— Онъ опустил-

ся въ камышевое кресло, заскрипѣвшее подъ его тяжестью.

— А чтожъ, пожалуй, поѣду на часокъ.

— Анну съ собой возьми.

— И не подумаю. Довольно я ее цѣлый день вижу. Надоѣла она мнѣ.

— Кто-жъ тебя неволилъ ее выписывать?

— Да я и не пеняю. Пусть поживетъ, подышетъ свѣжимъ воздухомъ, но не для чего мнѣ ее съ собой всюду таскать.

— Ей и поправляться то нечего. Здоровѣе меня.

— Пусть погоститъ. Богъ съ ней.

— Не люблю я приживалокъ въ домѣ.

— Да ты не безпокойся: Нюшкина мать не пріѣдетъ.

— Очень радъ, хотя и не безпокоюсь.

Во время обѣда очень обильнаго, всѣ, кромѣ Ильи Афанасьевича, ѣли много. Постороннихъ никого не было, а потому лакей прислуживалъ въ бѣлой косовороткѣ на подобіе московскаго ресторана Тѣстова. Женской прислугѣ, въ этихъ же случаяхъ, разрѣшалось ходить босикомъ. Разговаривала больше Елисавета Ивановна, оживившаяся послѣ прочтенія полученныхъ изъ столицы писемъ. Никита Афанасьевичъ отвѣчалъ односложно, занятый ѣдой и сложными размышленіями о крупныхъ комерческихъ дѣлахъ. Илья Афанасьевичъ ѣлъ мало, довольствуясь овощами, хлѣбомъ и квасомъ. Вина, обильно подливаемаго въ свой стаканъ хозяиномъ дома, онъ давно не пилъ, благодушно и терпѣливо выслушивая однѣ и тѣ-же, часто повторяемыя насмѣшки брата.

— Брось ты это шутовство, братъ Илья. Дерни-ка со мною вмѣстѣ. Довольно тебѣ дурака валять.

— Пей самъ, Никита, а я ужъ ни того... Не гожусь тебѣ въ собутыльники.

— Ну, и дуракъ, — небрежно бросалъ Никита Афанасьевичъ, до крайности увѣренный въ самомъ себѣ, въ правотѣ каждаго своего поступка, каждаго слова.

Когди Елисавета Ивановна, вставая изъ за стола, велѣла распорядиться, чтобы подали пролетку, Анна и глазомъ не повела, ни однимъ словомъ не выразила желанія ѣхать съ ней вмѣстѣ.

— Я къ оврагу пойду книжку читать, — бросила она мимоходомъ.

— Коли я задержусь у матушки, распорядись ка, Нюша, насчетъ ужина. Пусть Авдотья выдастъ на три лишнихъ персонъ.

Послѣ отъѣзда Елисаветы Ивановны, Анна къ оврагу не пошла. Взявъ работу — вышиваніе крестикомъ, она усѣлась на боковой аллейкѣ, то и дѣло поглядывая въ раскрытыя окна хозяйскаго кабинета.

Никто не зналъ, да и не интересовался знать о чемъ думала и какова была внутренняя жизнь Анны. Она больше молчала, слушала что говорили другіе, интересовалась что дѣлали и какъ жили окружающіе ее, ни къ кому никогда особенной привязанности не имѣла; свою же нелюбовь и недоброжелательство умѣла хорошо скрывать. Она была дочерью мелкаго московскаго чиновника, съ трудомъ содержавшаго свою семью и, годъ тому назадъ умершаго. Елисавета Ивановна, потихонько отъ мужа, поддерживала денежной помощью ея мать, приходившуюся ей дальней родственницей. Посылала ей и ея дочери свои, вышедшія изъ моды, ненужныя ей вещи и изрѣдка, когда Никита Афанасьевичъ отлучался надолго по дѣламъ, приглашала погостить въ свой домъ; отводила имъ дальнія комнаты, держала на разстояніи и, когда бывали

гости, ни въ гостиныя, ни въ столовую не приглашала.

Мать Анны часто жаловалась на судьбу' на свою неудавшуюся жизнь. День и ночь она мечтала, какъ бы ей выдать свою единственную дочь за богатаго человѣка, ибо ни въ чемъ иномъ не видѣла возможностей счастія, какъ только въ деньгахъ. Ее сильно безпокоило, что дочь не унаслѣдовала отъ нея былой красоты, мужчинамъ особенно не нравилась и, по скудности средствъ, почти нигдѣ не бывала. Единственная надежда была на Елисавету Ивановну, обѣщавшую въ минуту хорошаго настроенія пріискать ея дочери богатаго жениха. Анна вѣрила мало этимъ обѣщаніямъ, давно подмѣтивъ, что Елисавета Ивановна была полна заботы только о себѣ и своей личной жизни. Хотя сердце у нея было достаточно воспріимчивое, но вліяніе черстваго къ людямъ и до крайности эгоистичнаго мужа сильно на ней сказывалось.

Анна охотно пользовалась приглашеніями Елисаветы Ивановны, ибо ничего такъ не любила, какъ роскошь ея богатѣйшаго дома. Къ ней же самой она питала хорошо скрываемую завистливую ненависть. Никиту Афанасьевича она раньше побаивалась и избѣгала. Илью Афанасьевича презирала за то, что онъ былъ бѣденъ и жилъ въ домѣ брата, помогая ему въ конторскихъ дѣлахъ. Бѣденъ былъ Илья Афанасьевичъ оттого, что, довѣрчивый и простой сердцемъ, поручилъ унаслѣдованные отъ отца капиталы ловко обобравшему его мошеннику. За то же относился къ нему свысока и его младшій братъ Никита, умѣвшій изъ тысячъ дѣлать милліоны и считавшійся съ людьми лишь постолько, посколько они ему могли быть полезны.

Анна, ко всему прислушивавшаяся и все наблюдавшая, вскорѣ перестала сторониться хозяина дома и была особенно рада, что матери удалось жалостливыми письмами вызвать у Елисаветы Ивановны приглашеніе пріѣхать на все лѣто погостить въ имѣніе «Береговое», въ которомъ она никогда не бывала.

Хотя Елисаветѣ Ивановнѣ и не нравилось, но Анна, по наущенію матери, называла ихъ теткой и дядей, хотя родство было весьма отдаленное.

— Что жъ ты не попросила тетку съ собой тебя взять? — окликнулъ ее Никита Афанасьевичъ, стоя у раскрытаго окна кабинета и покуривая сигару.

— А такъ...—Не сразу отвѣтила она. Неопредѣленная улыбка приподняла углы толстыхъ яркихъ губъ.

— Отвѣтъ загадочный. Ты на все отвѣчаешь—а такъ. Впрочемъ, оно удобно. Если это пріемъ сознательный,—привѣтствую.

Склонивъ голову надъ работой и продолжая улыбаться, Анна молчала.

— Ты слышишь, Анна?

— Слышу.

— Ну, и какъ же?

— А зачѣмъ мнѣ на все отвѣчать? Кому отчетъ давать? Что знаю, то про себя знаю,— разсмѣялась она, блеснувъ крѣпкими ровными зубами.

— Э, да ты, какъ я вижу, философъ! А все таки, почему же въ монастырь не поѣхала съ теткой? Вѣдь ты же собиралась. Ну-ка, скажи.

— А такъ... передумала.

— Не скажешь, значитъ?

— Нѣтъ, не скажу.

— Ну-ну, молчи,—ухмыльнулся Никита Афанасьевичъ, стряхнулъ за окно большой ко-

нецъ нагорѣвшаго пепла и повернулся, чтобы опять сѣсть за письменный столъ.

— Дядюшка, погодите. Я сейчасъ скажу вамъ два слова.—Она отложила на скамью работу, обогнула раздѣлявшую ихъ лужайку съ клумбами цвѣтовъ, подбѣжала къ окну и, ставъ на выступъ стѣны, наклонилась впередъ, держась за оконную раму.

— У меня есть къ вамъ просьба. Дайте мнѣ, дядюшка, десять рублей,—не опуская глазъ, твердо произнесла она.

— Десять рублей?! Деньги большія. А зачѣмъ тебѣ?

— Да я нечаянно разбила хрустальное блюдце у тети на туалетномъ столѣ. Пока, подставила другое. Если замѣтитъ—осерчаетъ зачѣмъ въ комнату ходила.

— А ты для чего тамъ была?

— Пудриться ходила.

— Ну, вотъ это ужъ дура. Къ чему тебѣ пудриться!—Онъ вынулъ изъ бумажника двадцатирублевку.—На. Купи завтра же блюдце, и пудры то же купи, что бы не лазить по чужимъ комнатамъ; а то, чего добраго, и въ мои комнаты полѣзешь,—шутливо произнесъ онъ.

— Вотъ спасибо! Тутъ мнѣ и на ленты хватитъ.

Она спрыгнула съ выступа и, довольная, побѣжала обратно. На широкой, крѣпкой спинѣ затрепалась толстая, вьющаяся на концѣ черная коса. Мелькали крѣпкія большія ноги. Отъ всей фигуры, съ сильно развитой грудью, вѣяло здоровьемъ и физической силой.

Здоровенная дѣвченка и, кажется, себѣ на умѣ,—провожая ее взглядомъ, подумалъ Никита Афанасьевичъ, впервые признавшій въ ней не подростка, всегда робко исподлобья глядѣвшаго на него и боязливо сторонивша-

тося, но взрослую не совсѣмъ понятную ему дѣвушку.

Елисавета Ивановна вернулась изъ монастыря, отстоявшаго въ пяти верстахъ отъ усадьбы, когда солнце совсѣмъ закатилось. На темно синемъ куполѣ замигали свѣтильники; отъ рѣчной глади повѣяло свѣжимъ вѣтеркомъ, разстилавшимъ по лугамъ и рощамъ быстро густѣющія, неуловимо скользящія, льнущія къ землѣ тѣни.

II.

На слѣдующее утро, которое было воскресеньемъ, Илья Афанасьевичъ всталъ, едва взошло солнце.

Въ одномъ бѣльѣ, съ засученными рукавами сорочки, онъ вышелъ на порогъ флигеля, гдѣ находилась контора и его скромная комната; вытирая полотенцемъ только что умытое лицо, онъ любовно оглядывалъ раскинувшіяся дали луговъ, полей и рощъ и виднѣющіяся на крутомъ берегу золоченыя маковки монастырской церкви, утопавшей среди зелени пустого и обширнаго сада со всѣми его угодьями: огородами, пасѣкой и фруктовыми деревьями.

Согласно давно установившейся привычкѣ, Илья Афанасьевичъ ложился рано и вставалъ съ восходомъ солнца, не принимая участія въ позднихъ развлеченіяхъ брата и его жены. Изъ города, почти ежедневно, пріѣзжали гости, играли въ карты и ужинали. Никита Афанасьевичъ любилъ серьезную карточную игру; Елисавета Ивановна любила устраивать веселые ужины и прогулки съ гостями по озареннымъ луною аллеямъ парка. Илья Афанасьевичъ уходилъ послѣ обѣда къ себѣ во

флигель, гдѣ въ одиночествѣ любилъ читать выписываемый изъ столицы журналъ «Ниву» съ приложеніями, а въ лѣтнее время, пока не стемнѣетъ, писалъ иконы и дарилъ ихъ монашкамъ и въ сельскую церковь.

Въ воскресные дни, онъ пѣшкомъ отправлялся въ монастырь, отстаивая раннюю и позднюю обѣдню, а затѣмъ шелъ въ покои сестры своей игуменьи матери Серафимы и пилъ у нея утренній кофе.

Наскоро прибравъ постель, онъ надѣлъ костюмъ поновѣе, взялъ палку, выйдя на порогъ флигеля, кратко помолился, обернувшись на востокъ и, обогнувъ еще спящую усадьбу, направился къ высокому берегу рѣки, вдоль котораго вилась узенькая, протоптанная дорожка. Волга, сіяя чешуйчато-золотой рябью, катилась навстрѣчу плавно, въ безшумной торжественности утра — восходящему солнцу.

Илья Афанасьевичъ бодро шагалъ по росистой тропѣ, держа въ рукѣ соломенную шляпу съ большими полями и подставляя лицо несущемуся отъ рѣки свѣжему вѣтру.

Когда онъ подошелъ къ высокой, бѣлой оградѣ монастыря, солнце совсѣмъ поднялось, объявъ тепломъ и свѣтомъ всѣ дали, поля, луга и рощи.

— Хорошо... хорошо мнѣ съ тобою, Господи! — вслухъ произнесъ Илья Афанасьевичъ, прижавъ руку къ груди и поднявъ глаза къ свѣтлымъ утренне-синимъ небесамъ. Онъ оглянулся, нѣтъ ли кого по близости, опустился на колѣни и земно поклонился Тому, Кого не видѣлъ, не осязалъ, но Чью близость чувствовалъ всей силой пламенной души.

Пожилая монашка открыла калитку тяжелыхъ воротъ. По выстланнымъ вдоль всего двора каменнымъ плитамъ, онъ прошелъ къ

церкви съ позолоченными макушками. Позади нея, густо разросся обширный садъ, спускавшійся къ самой рѣкѣ, надъ которой низко склонялись плакучія ивы, уронивъ въ ея зеленую прибрежную рябь длинныя тонкія вѣтви. Съ двухъ сторонъ сада, тянулись монастырскія постройки. Маленькій домикъ матери Игуменьи стоялъ отдѣльно, утопая въ зелени, окруженный грядками скромныхъ цвѣтовъ, ею самой взращиваемыхъ и поливаемыхъ.

Четко и чисто выбрасывая слова, молодая монашка, стоя подлѣ праваго клироса, тоненькимъ голоскомъ читала псалмы. Обѣдня еще не началсь. Мать игуменья, высокая, сухощавая пожилая женщина, стояла впереди всѣхъ. Опустивъ глаза и шевеля губами, она перебирала длинныя черныя четки.

Илья Афанасьевичъ сталъ на свое обычное мѣсто въ уголку. Кромѣ него, какъ это всегда бывало на ранней обѣднѣ, никого изъ прихожанъ не было. Въ открытое окно вливалась свѣжесть ранняго утра, запахъ росистыхъ луговъ, щебетъ и свистъ пробужденныхъ птицъ. Илья Афанасьевичъ особенно любилъ и цѣнилъ эти раннія обѣдни безъ прихожанъ. Истово крестились и клали земные поклоны, рядами стоявшія монашки; солнце еще не ударяло всѣми лучами въ окна храма, и огоньки лампады сіяли ярче въ сизомъ полусвѣтѣ высокой церкви съ расписными стѣнами и куполомъ усыпанномъ звѣздами по голубому фону.

Послѣ второй обѣдни, Илья Афанасьевичъ прошелъ въ покои матери игуменьи, состоявшіе изъ небольшой пріемной съ овальнымъ столомъ, гарусомъ вышитыми креслами и стульями и второй комнатой—ея кельей, съ простой деревянной кроватью, комодомъ для бѣлья, полочкой съ книгами священнаго писа-

нія, кивотомъ съ образами и налоемъ съ большимъ раскрытымъ евангеліемъ старинной печати.

— Здравствуй братъ. Рада видѣть тебя.— Мать Серафима протянула блѣдную сухую руку, которую Илья Афанасьевичъ почтительно поцѣловалъ. Она опустилась въ кресло; вслѣдъ за ней сѣлъ и онъ.

Юная послушница, въ черной косынкѣ, съ тонкимъ строгимъ профилемъ, опущенными глазами и безшумной походкой, внесла на подносѣ кофе со сливками, масло и горячія монастырскія булки. Не подымая глазъ, она низко поклонилась Ильѣ Афанасьевичу, разставила на столѣ принесенное и удалилась.

— Какъ тебя Богъ милуетъ?

— Спасибо, сестра. Дни бѣгутъ,—и не оглянешься!

— А я что то сдавать начинаю. Безсонница одолѣваетъ. Монастырь растетъ, дѣла прибавляется; за день набѣгаешься, устанешь, ночь придетъ, а сна нѣтъ, да и нѣтъ.

Мать Серафима умолкла, задумавшись о всѣхъ тѣхъ сложныхъ, міру невѣдомыхъ монастырскихъ дѣлахъ и заботахъ, которыми съ утра до ночи была полна ея жизнь. Она думала сейчасъ о томъ, что написанное ею, во время безсонницы, отвѣтное письмо архимандриту Нижегородскому она не пошлетъ, а напишетъ другое, замѣнивъ отказъ согласіемъ принять на испытаніе его племянницу, о которой слышала, что нравъ у нея для монастырской жизни мало подходящій. Въ свѣтѣ дня, мать Серафима проще разрѣшала вопросы, казавшіеся ей ночью сложнѣе и труднѣе.

— Брата Григорія не видалъ?—прервала она свои думы, наливая Ильѣ Афанасьевичу вторую чашку крѣпкаго горячаго кофе.

— Видалъ на дняхъ.

— Ну, какъ онъ?

— Все то же. Развѣ его передѣлаешь? Деньги и вино, вино и деньги. Сквозь нихъ на всю жизнь смотритъ. На иное какъ бы ослѣпъ. И Никита такъ же. Уперлись на этомъ, и не столкнешь.

— Да, подѣлилась наша семья,—грустно покачала головой мать Серафима.—Никита, Григорій и покойный братъ Петръ, упокой Господь его душу, къ деньгамъ, а мы съ тобой—прочь отъ денегъ. Молюсь о нихъ усердно и скорблю о духовной слѣпотѣ ихъ.

Опять умолкла мать Серафима, опустивъ голову въ клобукѣ съ ниспадающимъ до самаго пола чернымъ широкимъ, какъ мантія, пустымъ покрываломъ. Усталое отъ безсонницы лицо выглядѣло строго. Тонкія, почти безкровныя губы, были сухи, подъ глазами лежали глубокія тѣни. Задумчивый, какъ у брата Ильи, свѣтлый и ласковый взглядъ смягчалъ строгое впечатлѣніе блѣднаго сухого лица, придавая ему располагающую мягкость, за которой отгадывалось доброе, милосердное сердце.

— А Маріанна что? — послѣ долгаго молчанія, подняла она на брата тихій взглядъ.

— Все тоскуетъ и худѣетъ: не любъ ей Григорій съ его пышными хоромами.

— Этакій грѣхъ взялъ на свою душу! Чуть ли ни отъ самыхъ воротъ монастыря вырвалъ дѣвушку. Вотъ они — милліоны что дѣлаютъ! Дьявольскую службу служатъ, отцовъ родныхъ подкупаютъ.

— Да, жалко Маріанну. Тяжелый крестъ наложилъ на ея плечи Господь.

— Эта донесетъ крестъ до конца. Прошлый разъ, когда Григорій по дѣламъ отлучался, она ко мнѣ урвалась; плакала горько, тосковала, но сердцемъ смиренна и послушна волѣ Божьей. Она хоть и зачахнетъ, изъ силъ вы-

бьется, а духъ сохранитъ въ себѣ до конца сильный. Не чета Елисаветѣ: та слаба духомъ. Не спокойна я за нее. Живетъ словно птица. Щебечетъ, порхаетъ и жизни не разумѣетъ.

— Это-то вѣрно.

— Вчера у меня тутъ сидѣла. Вздумала куда то на воды ѣхать; собирается мужу сказать. Не слѣдуетъ ей никуда ѣхать. Дома ей надо быть, — помолчавъ, добавила мать Серафима.

— Ты права, мать Серафима; дома бы ей лучше оставаться.

— Коли я, сидя за высокой стѣной, это понимаю, какъ же она сама не домекаетъ, что оба брата — Никита и Григорій одного закала, одинаковыхъ возможностей. Разница лишь въ томъ, что Никита пошелъ противъ Бога вот-крытую, сдѣлавъ себѣ кумиръ изъ милліоновъ, а Григорій, чтобы въ почетѣ и властей міра сего пребывать, фарисействуетъ, церкви да монастыри посѣщаетъ, митрополитамъ услуживаетъ, вмѣстѣ съ губернаторомъ, къ себѣ на обѣды зоветъ. А жизнь то какую ведетъ?! Безбожную, безстыдную. Въ соборѣ ктиторомъ состоитъ; слышала намедни, псалтырь даже тамъ читаетъ. Ужъ не знаю, вѣрно ли это.

— Вѣрно, вѣрно, — вздохнулъ Илья Афанасьевичъ.

— Не только грѣхъ, но и соблазнъ великій учиняетъ. Завѣдомо оскорбляетъ Бога и фарисействуетъ передъ людьми. Сколько ни говорю, — не доходитъ къ сердцу. Много лжи, злобы, обмана и несправедливости расплодилось на землѣ. Несутся люди къ пропасти, какъ слѣпое стадо. Вразуми ихъ, Господи!.. — Тяжело вздохнула мать Серафима, остановила свой взглядъ на любимомъ братѣ своемъ, который, съ самой ранней юности, раздѣлялъ ея

мечтанія уйти изъ міра, ея любовь къ Богу, ея жажду праведной жизни.

— Слава Отцу и Сыну и Святому Духу,— раздался за дверью голосъ юной послушницы.

— Войди, Аглая, — отозвалась мать Серафима.

— Матушка, гости пріѣхали. Куда прикажете размѣстить?

— Позови мать Анастасію.

Илья Афанасьевичъ поднялся, поцѣловалъ руку сестры и, той же дорогой, отправился домой. Солнце начинало сильно грѣть, небо было сине и глубоко. Отъ Волги вѣяло прохладой и неслась, съ медленно плывущихъ по теченію плотовъ, чья то звонко переливающаяся пѣсня.

III.

Въ комнатѣ Елисаветы Ивановны былъ полный разгромъ. Въ два большихъ раскрытыхъ сундука складывалось нарядное бѣлье, дорогіе туалеты и всякая ненужная дамская мелочь. Горничная и домашняя портниха сбились съ ногъ: отъѣздъ хозяйки дома въ Кисловодскъ былъ назначенъ на слѣдующее утро, а еще оставалось многое недошитымъ и недоглаженнымъ. Елисавета Ивановна была въ пріятно возбужденномъ настроеніи, довольная, что мужъ, безо всякихъ препирательствъ, согласился на ея двухмѣсячный отъѣздъ, и что въ Кисловодскѣ она встрѣтитъ пріятную компанію московскихъ друзей, откуда сама была родомъ. Она любила блеснуть передъ ними роскошью своихъ туалетовъ и брилліантовъ.

Анна, съ безразличнымъ выраженіемъ ли-

ца, помогала укладывать вещи, пришивала пуговки, подшивала рюши и воланы.

— Анна, возьми эти ленты и продѣнь-ка въ новое бѣлье. Да ты поживѣе; этакъ укладка и къ вечеру не кончится.

— А для чего вы тащите такую уйму вещей? Ихъ и въ годъ не переносить.

— Ужъ ты не разсуждай, пожалуйста. — Елисавета Ивановна бросила на Анну недовольный взглядъ и уловила на ея губахъ насмѣшливую улыбку.

— Надоѣла она мнѣ! Очень хорошо, что выпроваживаю ее завтра, — подумала Елисавета Ивановна, чувствовавшая за послѣдніе дни сдерживаемое недоброжелательство Анны, за то, что собравшись неожиданно въ Кисловодскъ, она вмѣсто того, чтобы оставить, какъ предполагалось раньше, гостить ее до осени, отправляла, по совѣту матери Серафимы, обратно въ Москву, обѣщая выписать снова, когда вернется.

Анна сѣла на диванъ, заваленный вещами для укладки и принялась за продергиваніе лентъ въ шелковое бѣлье. Хотя лицо ея оставалось совершенно спокойно, и крѣпкіе, привыкшіе ко всякой работѣ, пальцы проворно продѣвали розовыя и голубыя ленты, однако, на сердцѣ кипѣла злоба. Каждый жестъ, каждое слово Елисеветы Ивановны ее раздражали; ея красивая наружность была ей до крайности противна. Она не въ силахъ была примириться съ мыслью, что именно эта, противная ей, Елисавета Ивановна пользуется милліонами своего мужа, наряжается, носитъ роскошное бѣлье, разѣзжаетъ, веселится, ей же иногда бросаетъ ненужныя крохи и безцеремонно отъ нея отдѣлывается.

— А свои вещи ты уже всѣ сложила,

Анна? Завтра въ 9 часовъ надо быть на вокзалѣ.

— Давно сложила. Много ли мнѣ складывать? Полъ чемодана.

Въ отвѣтѣ Анны Елисаветѣ Ивановнѣ почудился скрытый упрекъ.

— Коли мѣсто есть, возьми съ собой три пары моего батистоваго бѣлья и голубой пикейный костюмъ съ соломенной шляпкой.

— Спасибо. Очень даже пригодится, — равнодушно произнесла Анна.

Никита Афанасьевичъ вернулся изъ города поздно, былъ чѣмъ то раздосадовавъ и весь вечеръ не выходилъ изъ кабинета. Къ ужину онъ вышелъ ни на кого не глядя и ѣлъ молча, просматривая какія то бумаги. Елисавета Ивановна, озабоченная своими дѣлами, не обращала вниманія на молчаливую угрюмость мужа. Случалось это съ нимъ нерѣдко, въ связи съ финансовыми осложненіями въ крупныхъ дѣлахъ, которыми онъ ворочалъ по многимъ отраслямъ.

— Если у тебя есть какія нибудь срочныя порученія въ Москву, имѣй въ виду, что Анна завтра уѣзжаетъ, — вставая изъ за стола, обратилась къ мужу Елисавета Ивановна.

Онъ поднялъ голову. Съ насупленными бровями и тяжелымъ взглядомъ, онъ производилъ непріятное впечатлѣніе.

— Ну и пусть уѣзжаетъ. Какія тамъ могутъ быть порученія черезъ нее, — буркнулъ онъ, презрительно пожавъ плечами.

— Ты хотѣлъ панаму обмѣнять, такъ вотъ и перешли въ магазинъ.

— Самъ обмѣняю.

— Ты въ Москву собираешься? Когда?

— За границу прійдется скоро по пароходнымъ дѣламъ ѣхать.

— Вотъ это хорошо. Я попрошу тебя привезти мнѣ дорожный несессеръ.

— Не знаю. Тамъ видно будетъ. — Онъ собралъ со стола бумаги и грузной походкой направился въ кабинетъ.

— Опять кошку въ домъ пустили!.. Эй, кто тамъ!.. Чтобы я этой дряни тутъ не видѣлъ! — раздался по всему дому его грубой окрикъ.

Молодой лакей со всѣхъ ногъ пустился въ поиски за шмыгнувшей куда то любимой кошкой старухи няньки Елисаветы Ивановны, жившей въ домѣ на покоѣ.

Поднявшись по витой деревянной лѣстницѣ въ мезонинъ, гдѣ расположены были комнаты для пріѣзжающихъ, Анна, не зажигая огня, подошла къ раскрытому окну, выходившему въ садъ какъ разъ надъ кабинетомъ хозяина. Она сѣла на узкій подоконникъ, перекинула напередъ густую косу, распустила ее, тряхнула головой и задумалась. На сердцѣ была тоска и злоба. Не хотѣлось возвращаться въ Москву въ маленькую бѣдную квартирку, гдѣ охала надъ счетами мать, подводя грошевые расходы. Вспомнила отца, внезапно умершаго годъ тому назадъ; вспомнила, какъ, вернувшись со своей службы, онъ усаживался къ столу и, разложивъ на немъ газетный листъ, весь вечеръ набивалъ табакомъ гильзы, получая за этотъ трудъ даровыя папиросы изъ сосѣдней табачной лавочки. Послѣ смерти отца, она съ матерью существовали шитьемъ бѣлья для моднаго магазина въ пассажѣ. Скромная обстановка ихъ жизни была ей до крайности противна. Она презирала бѣдность и бѣдныхъ людей и чувствовала себя хорошо лишь въ этихъ богатыхъ хоромахъ.

Въ открытое окно доносилось изъ кабинета покашливаніе Никиты Афанасьевича. Съ

новымъ приливом зависти, она думала о только что услышанной поѣздкѣ заграницу, такъ просто предпринимаемой, о роскошныхъ туалетахъ его жены, которая она успѣла всѣ пересмотрѣть, помогая укладкѣ, о той непроходимой пропасти, отдѣлявшей ее, дочь бѣднаго безличнаго чиновника, отъ роскошной жизни, которой она успѣла насладиться только одинъ лишь мѣсяцъ, благодаря фантазіямъ Елисаветы Ивановны.

Въ тишинѣ поздняго вечера, она отчетливо разслышала тяжелые шаги въ кабинетѣ. Въ квадратѣ свѣта, падавшаго изъ его окна на площадку передъ домомъ, увидѣла тѣнь Никиты Афанасьевича, подошедшаго къ окну. Потянуло запахомъ дорогой сигары. Анна вся перегнулась изъ окна такъ, что густые длинные волосы низко свѣсились по стѣнѣ дома.

— Злой онъ сегодня — думала Анна, силясь еще болѣе перегнуться, чтобы увидѣть стоявшаго подлѣ окна Никиту Афанасьевича. — Весь ужинъ молчалъ насупившись как сычъ. Любитъ онъ тетку или нѣтъ? Пожалуй, что не очень. Мама говоритъ, что въ сорокъ лѣтъ мужчины любятъ молодыхъ... совѣтуетъ искать жениха въ зрѣлыхъ годахъ. А гдѣ ихъ найти этихъ жениховъ?! Тетка и не подумаетъ меня сосватать. Коли сама за себя не похлопочу, такъ и останусь киснуть въ нищетѣ. Эхъ, жаль, что уѣзжаю! . . . А взять бы да и не уѣхать!... — Анна встрепенулась отъ неожиданно блеснувшей мысли и замерла, прислушиваясь къ чьему то вѣщему голосу, беззвучно нашоптывавшему ей дерзкія, соблазнительныя мысли. Сердце забилось учащено, къ лицу прилила кровь.

— А почему бы не попробовать?!... Вѣдь подарилъ же двадцать пять рублей, когда я

попросила десять... И еще допрашивалъ почему не поѣхала съ теткой. Кто его знаетъ!... Ну ка, возьму да и не поѣду...

Анна оперлась головой о раму окна, закрыла глаза, наморщила лобъ и стала напряженно думать, крѣпко стиснувъ грубоватые пухлые пальцы. Въ кабинетѣ давно потухъ свѣтъ, изъ темнаго сада потянуло сыроватой свѣжестью; кругомъ было тихо и сонно, а она все сидѣла и сидѣла на подоконникѣ, во власти нахлынувшихъ мыслей, въ которыхъ отгадывала сказочныя возможности, лишь бы съумѣть дерзко подойти къ порогу и рѣшительно постучиться въ дверь загадочныхъ случайностей.

— Ей Богу, не пойду! — наконецъ, рѣшительно произнесла она, спрыгнула съ подоконника, не раздѣваясь легла на кровать, закинула руки подъ голову и, широко открытыми, что то видящими глазами устремилась въ темноту.

IV.

Елисавета Ивановна, въ дорожномъ костюмѣ, раньше обычнаго часа вышла въ столовую къ утреннему кофе; вышелъ и Никита Афанасьевичъ. Лакей и казачекъ сносили въ таратайку сундуки, чемоданы и дорожныя кордонки.

— Да что же это Анна не идетъ? Скажи ей Маша, что скоро пора ѣхать. Пусть идетъ кофе пить, а то не поспѣетъ, — озабоченно поглядывая на часы, обратилась къ горничной Елисавета Ивановна. Черезъ нѣсколько минутъ, горничная вернулась, доложивъ. что барышня

расхворялась, совсѣмъ ослабѣла и никакъ не можетъ встать.

— Ну, вотъ этого еще не доставало! — Сразу разстроилась Елисавета Ивановна и, съ выраженіемъ отчаянія, посмотрѣла на мужа. — Чтожъ теперь будемъ дѣлать? Я не могу изъ за нее оставаться.

— И не для чего. Поѣзжай. Отлежится сегодня, и уѣдетъ завтра или послѣ завтра.

— А если разболѣется? Кто тогда будетъ съ ней возиться?

— А разболѣется, такъ вызову доктора и велю свезти въ лѣчебницу.

— Ахъ, какъ это некстати. Терпѣть не могу подобныхъ сюрпризовъ! — досадливо повела плечами Елисавета Ивановна. — Пойду посмотрю что съ ней такое.

Анна лежала на кровати одѣтая, какъ была съ вечера. Подъ утро, она проснулась рано и сразу вспомнила всѣ неожиданныя, но прочно осѣвшія въ мозгу мысли. Поставивъ на стулъ подлѣ кровати тазъ съ водой, она опять легла, для виду, положивъ на голову мокрое полотенце. Отъ слишкомъ короткаго сна ея лицо было слегка блѣдно; загадочная улыбка то и дѣло подергивала углы рта. Она провела странную ночь, въ которой явь и сны сплетались, перепутывались то остерегали, то манили. Ей чудилось присутствіе какой то таинственной силы, распластавшей надъ ней беззвучно рѣявшія темныя крылья. И жутко, и чудесно было безсловесное заманиваніе яркими картинами блеска и роскоши. Подъ невидимыми темными крылами, она черпала силы для дерзновеннаго шага, для вызова судьбѣ, для перваго удара въ поединкѣ съ жизнью, не давшей ей того, безъ чего она считала жизнь безцѣльнымъ, ненавистнымъ прозяба-

ніемъ. Подъ утро, жребій былъ брошенъ: она почуяла въ себѣ силы и безъ колебаній ставила на карту совѣсть и честь, показавшіяся ей въ эту ночь отжившей басней для трусливыхъ и нерѣшительныхъ людей.

Заслышавъ по лѣстницѣ голосъ и шаги Елисаветы Ивановны, Анна насунула на самые глаза мокрое полотенце, сдѣлала страдальческое лицо и поглубже уткнулась въ подушку.

Дверь распахнулась съ шумомъ, запахло дорогими духами.

— Анна, что съ тобой случилось? Что у тебя болитъ?

— Тошнило всю ночь... не знаю что и сдѣлать... голова болитъ, ломитъ все тѣло...

— Чтожъ ты вчера молчала? Надо было сказать; а теперь хлопотъ только надѣлала.

— Развѣ я знала?. . . что же вы браните меня... я не виновата. — Анна всхлипнула и совсѣмъ зарыла лицо въ подушку.

— Я не браню тебя, а только очень все это непріятно. Никита Афанасьевичъ вызоветъ доктора.

— Не надо доктора. Я полежу, и завтра все равно уѣду; не хочу безпокойствъ дѣлать.

— Ну хорошо, тамъ видно будетъ, — примирительно отозвалась Елисавета Ивановна. Ей стало жаль дѣвушку. — Маша поухаживаетъ за тобой. Спросишь у Никиты Афанасьевича денегъ на дорогу, а это возьми съ собой въ Москву. — Елисавета Ивановна положила на ночной столикъ двадцатипятирублевую бумажку, дотронулась торопливой лаской до головы Анны и спѣшно спустилась внизъ.

Весь день, запершись на ключъ, Анна провела въ своей комнатѣ, читая романъ, припрятанный изъ библіотеки Никиты Афанась-

евича и перешивая подаренныя ей платья. Поздно вечеромъ, она заслышала рѣзкій повелительный голосъ хозяина дома. На площадкѣ передъ ея окномъ, опять легла квадратная свѣтовая полоса. У Анны сильно забилось сердце. Перегнувшись за подоконникъ, опять она прислушивалась къ малѣйшему шороху изъ кабинета. Услышавъ быстрые шаги горничной, она стремительно спрыгнула съ окна, сняла съ двери крючокъ и легла на кровать.

— Баринъ спрашиваютъ, можете ли завтра въ Москву ѣхать?

— Ахъ, Машенка, я и сама не знаю какъ быть. Нисколько мнѣ не лучше.

— Они сказывали, что коли не легчаетъ вамъ, такъ завтра дохтура позовутъ, али въ лечебницу васъ отправятъ.

— Не хочу я доктора, и безъ него обойдется. Не знаю какъ и рѣшить. Спроси, Машенька, можно ли мнѣ съ дядушкой поговорить про отъѣздъ. Ужъ я какъ нибудь спущусь къ нему въ кабинетъ.

Маша принесла отвѣтъ, что баринъ велѣли прійти черезъ четверть часа.

Къ великому удивленію горничной, Анна настойчиво принялась просить, чтобы она принесла ей пунцовый шелковый пеньюаръ Елисаветы Ивановны.

— Да что это вы, барышня, придумали? Баринъ признаютъ его и мнѣ влетитъ во-какъ.

— Я скажу, что сама взяла; ты не бойся, я не выдамъ.

— А на что вамъ этакій нарядный халатъ? Надѣньте свое платье.

— Не могу я, Машенька, одѣваться... совсѣмъ я ослабѣла. Ты принеси, а я подарю тебѣ шелковую ленту.

Маша соблазнилась и, фыркая въ кулакъ,

подала Аннѣ роскошный парижскій пеньюаръ. По уходѣ горничной, Анна тщательно напудрила лицо и очень искусстно подвела глаза черным карандашомъ, незамѣтно исчезнувшимъ съ туалета Елисаветы Ивановны. Подъ тонкимъ слоемъ пудры, лицо ея сразу измѣнилось къ лучшему, стало нѣжнѣе и, какъ бы, тоньше; его единственное украшеніе — большіе продолговатые глаза блеснули загадочно и странно, обведенные темной охрой. Небрежно прихвативъ распущенные волоса, она запахнулась въ мягкій алый шелкъ, взглянула въ зеркало и долго любовалась, не узнавая себя. Собравъ въ себѣ силы для дерзкаго, рѣшительнаго шага, она спустилась съ лѣстницы, прошла рядъ большихъ слабо освѣщенныхъ комнатъ, неслышными шагами подошла къ дверямъ кабинета и остановилась: ноги подкашивались, сердце колотилось, отъ лица отлила кровь.

— Охъ страшно... Страшно! А ну, какъ прогонитъ, вытолкаетъ?!. Тогда всему конецъ.. Охъ, помоги мнѣ, Господи!..

Собравъ все свое мужество, она неувѣренно постучала въ дверь.

— Кто тамъ? Войдите.

Она вошла и остановилась у стола, глядя на Никиту Афанасьевича расширенными отъ сильнаго волненія глазами, странно блестящими, загадочными отъ подведенной тѣни.

Онъ не сразу поднялъ голову, склоненную надъ кипой дѣловыхъ бумагъ.

— Это ты?!—Онъ удивленно вглядывался въ странно измѣнившееся лицо. — Ты чего жъ это вырядилась въ теткинъ халатъ?

— Холодно мнѣ... Лихорадитъ. Мнѣ тетя его подарила. Я на минутку къ вамъ, насчетъ отъѣзда.

— Ты что же, — завтра не можешь еще ѣхать?

— Я въ Москву не поѣду... совсѣмъ не поѣду, — не опуская глазъ, твердо произнесла Анна, не узнавая своего голоса и не вѣря, что эти слова были произнесены ею.

Никита Афанасьевичъ тяжелымъ, непонятнымъ для Анны взглядомъ, продолжалъ всматриваться въ нее.

— То есть, какъ это не поѣдешь?

—Не поѣду. Выгоните, — опять вернусь... Что хотите дѣлайте... Я не могу безъ васъ... руки на себя наложу, — чуть слышно договорила она послѣднія слова и закрыла лицо руками.

У Никиты Афанасьевича дрогнули тонкія бритыя губы и съузились глаза. Острымъ взглядомъ, онъ окинулъ крѣпкую молодую фигуру.

— Съ ума, что ли, спятила?! — Онъ поднялся изъ за стола и, заложивъ руки въ карманы, что то напряженно думая, не спускалъ съ нее глазъ. У нея, отъ страху, начали дрожать колѣни.

— Выгонитъ... конецъ всему!.. — пронеслось въ головѣ. Дрожащей рукой она схватилась за спинку кресла.

— Ты, Анна, понимаешь ли то, что сейчасъ сказала? Знаешь ли кому говоришь эти слова?

— Все понимаю. Ну что жъ, выгоните, такъ руки на себя наложу. Мнѣ все равно. Безъ васъ жить не стану. Довольно настрадалась и намучилась, думая о васъ.

— А тетка?... Забыла, что тетка есть?

— Мнѣ все равно. Никого не знаю, никого не вижу кромѣ васъ...

— Ты совсѣмъ сумасшедшая. Развѣ я свободенъ?!

— Гдѣ любовь, тамъ и свобода.

— Что ты затѣяла, Анна?! — Тяжело шагая, онъ прошелъ мимо нея къ раскрытому окну, дернулъ крахмальный, ставшій тугимъ, воротничокъ, закурилъ папиросу и остался молча стоять спиной къ ней.

Она опустилась въ кресло, прижавъ обѣ руки къ тяжело бьющемуся сердцу и вдругъ почувствовала, какъ волна дикой радости наполнила все ея существо. Она тоже молчала и, закрывъ глаза, прислушивалась къ чему то, что неслышно и невидимо чертило передъ ней пестрые узоры, суля украсить ими ея бѣдную неинтересную жизнь.

— Дяденька, милый... дорогой!.. — робко обозвала она.

Онъ круто обернулся и подошелъ.

— Одумайся. Ты дѣвушка, а я человѣкъ несвободный.

— Нѣтъ у меня силъ ни о чемъ думать кромѣ какъ о васъ. Изъ за этого я и заболѣла. Всю ночь проплакала... Свободны вы или нѣтъ, для меня все равно. Всю мою жизнь для васъ на карту ставлю. Что мнѣ Елисавета Ивановна! Развѣ она любитъ васъ? Коли я знала бы, что любитъ, можетъ быть, и переломила бы себя, схоронивъ въ сердцѣ любовь. Въ Кисловодскъ вонъ поѣхала, чтобы другими мужчинами тамъ увлекаться. Мало ли что я знаю!.. — загадочно добавила она. — А я васъ и на денекъ не оставила бы, будь вы совсѣмъ даже нищій.

— Да, какъ же! Очень вамъ мы нужны безъ денегъ, — ѣдко усмѣхнулся онъ.

— Кому и не нужны, а я съ вами, хоть и безъ одного гроша, пойду на край свѣта.

— Эй, берегись, Анна! Говорю берегись: я на шутки не годенъ.

— Милый, желанный, какія тутъ шутки! — блеснула она мелкими, ровными зубами. — Ничего я не боюсь, на смерть пойду, только не гоните отъ себя. — Она протянула къ нему обѣ руки.

— Вотъ ты какая! — Онъ крѣпко сжалъ въ сильныхъ пальцахъ протянутыя къ нему руки. — Ну, а все же ты дура. Вѣдь мнѣ сорокъ пять, а тебѣ восемнадцать. Тебѣ надо молодого, румянаго парня.

— Не хочу я никого. Вы лучше всѣхъ.

— Ну смотри: помни свои слова, и коли что, ужъ на меня не пеняй.

— Никита Афанасьевичъ!.. — Она бросилась ему на грудь, тряхнувъ головой, чтобы разсыпались длинные густые волосы.

— Постой... постой, дай мнѣ опомниться, дай съ мыслями собраться. Ошеломила совсѣмъ. Оставь... иди, пока, къ себѣ. — Осторожно, онъ отстранилъ ее отъ себя.

— Ладно, я уйду, а только поклянитесь, что не отправите.

— Не бойся, я не врагъ себѣ. Дай одуматься, о тебѣ же позаботиться. Завтра рѣшимъ. Вскружила ты мнѣ голову.

— Нѣтъ, я не могу такъ уйти. Умоляю васъ, выйдите попозже въ садъ. Я буду ждать подлѣ калитки.

— Хорошо, приду часовъ въ одиннадцать, когда прислуга ляжетъ спать.

Когда за Анной захлопнулась дверь, Никита Афанасьевичъ грузно опустился въ кресло, разстегнувъ воротъ и откинувъ голову, тяжело перевелъ дыханіе. Онъ былъ сильно взволнованъ. Анна предстала передъ нимъ совершенно въ иномъ видѣ. Неуклюжая широко-

костная дурнушка, одѣтая въ дешевый ситецъ, преобразилась, какъ по волшебству, въ загадочно притягивающую женщину. Изъ всегда молчаливо сомкнутыхъ устъ, онъ услышалъ горячее признаніе, отъ котораго у него закружилась голова. Вся наружность ея, сразу преображенная, была мало обыденна, со странно горящимъ настойчивымъ, полнымъ гипноза взглядомъ.

— Да, это сила!.. Не чета пустоголовой Елисаветѣ, — громко произнесъ онъ и, въ ту же минуту, почувствовалъ сильное раздраженіе. До крайности самолюбивый, онъ, съ нѣкоторыхъ поръ, старался не останавливаться на нѣкоторыхъ мысляхъ по отношенію жены; онъ отмахивался отъ нихъ, какъ отъ назойливой мухи. Елисавета Ивановна, поглощенная заботами о себѣ, своихъ нарядахъ и удовольствіяхъ, за послѣдніе годы стала слишкомъ мало удѣлять заботъ и вниманія для своего мужа. Онъ отходилъ на второй планъ; это раздражало его сильнѣе и сильнѣе. Оказалось, что безгласная и, какъ онъ думалъ, безличная Анна подмѣтила то, что болѣзненно уязвляло его гордость и самолюбіе. Слишкомъ привыкъ Никита Афанасьевичъ быть, благодаря милліонамъ, всюду на первомъ мѣстѣ и считать себя, во всѣхъ отношеніяхъ, выше другихъ. Слова Анны: «Развѣ она любитъ васъ?.. Мало ли что я знаю!» попали въ желаемую точку.

— Надо выпытать, что она тамъ знаетъ. Не спроста сказала, — все болѣе и болѣе раздражаясь, думалъ онъ. Продолжать работу у письменнаго стола онъ не могъ. Потушивъ свѣтъ и закуривъ сигару, сидѣлъ у раскрытаго окна, то давая волю наростающей обидѣ, то смѣняя ее на мысли, волнующія и притяги-

вающія къ новымъ переживаніямъ, которыя, съ первой появившейся на вискахъ сѣдиной, считалъ для себя навсегда отлетѣвшими.

Когда потухла на свѣтлѣющихъ небесахъ послѣдняя звѣзда, Анна, крадучись, вернулась въ свою комнату; пропитанная влагой и ароматной свѣжестью ночи, она бросилась ничкомъ на нетронутую постель, преисполненная сознанія, что съ восходящимъ новымъ днемъ, для нея восходитъ заря новой жизни, полной нежданнаго, негаданнаго блеска.

V.

На утро Анна проснулась очень поздно, разбуженная горничной.

— Баринъ спрашиваютъ васъ внизъ; насчетъ Москвы, значитъ. Можете ли ѣхать али какъ?

Протирая глаза, Анна ничего не могла понять: крѣпкій сонъ отшибъ у нея память.

— Да, да, Машенька, скажи, что я сію минутку спущусь. Я совсѣмъ здорова. Видишь, какъ крѣпко спала.

Она сразу вспомнила все происшедшее наканунѣ; сердце забилось отъ радости, но тотчасъ же охватила и тревога:

— Не передумалъ ли? А вдругъ какъ все на смарку и отправитъ въ Москву, чтобы раздѣлаться? Не уѣду безъ него, хоть убей не уѣду. Буду въ городѣ ждать... — запрыгали въ головѣ мысли. Еле сдерживая сильнѣйшее волненіе, она спустилась внизъ.

Никита Афанасьевичъ сидѣлъ на террасѣ. На колѣняхъ была разложенная газета, рядомъ на столикѣ — пачка писемъ. Онъ разговаривалъ съ управляющимъ, отдавая приказанія въ

сжатой и точной формѣ. Анна увидѣла его строгое, показавшееся ей непривѣтливымъ, лицо и еще болѣе встревожилась. Продолжая разговоръ, онъ кивнулъ ей головой, едва бросивъ въ ея сторону взглядъ. Она не подозрѣвала, что онъ ни на минуту не сомкнулъ глазъ, и потому его усталое лицо казалось строже и непривѣтливѣе. Анна спустилась съ террасы, взяла лейку и стала поливать въ два ряда посаженныя розы. Незамѣтно скашивая глаза, онъ слѣдилъ за ея ловкими, сильными движеніями рукъ, за крѣпкими ногами съ большой ступней, обутыми въ бѣлыя полотняныя туфли на босую ногу. Двѣ длинныя толстыя косы, туго заплетенныя, спускались ниже пояса, перевязанныя пышными алыми лентами, купленными на деньги имъ подаренныя.

Какъ только управляющій ушелъ, Анна поднялась на террасу и сѣла на стулъ противъ него.

— Что-то скажетъ? Помяни Господи Царя Давида и всю кротость его, — мысленно повторяла она.

Никита Афанасьевичъ бросилъ бѣглый взглядъ на ея лицо, подмѣтилъ легкое дрожаніе толстыхъ губъ и отлившій румянецъ.

— Ну какъ?—Неопредѣленно спросилъ онъ. На губахъ мелькнула еще незнакомая ей мягкая улыбка. — Не просвѣтлѣло въ головѣ? Не отрезвилась?

— Не отъ чего отрезвляться: какъ была въ плѣну, такъ и останусь. Совсѣмъ разумъ теряю... Скажите мнѣ хоть одно ласковое словцо.

— Ну, такъ вотъ что: первое дѣло — осторожность. Поѣзжай въ Москву и жди меня. Я пріѣду черезъ недѣлю, а тамъ ужъ обо всемъ сговоримся.

— Убейте, не поѣду... — испуганно воскликнула она. — Не поѣду я въ Москву. Я тамъ измучаюсь безъ васъ.

— Да вѣдь нельзя же тебѣ тутъ оставаться! И то, меня сегодня братъ Илья спросилъ, скоро ли ты въ Москву уѣдешь.

— Ну, это ужъ отъ матери Серафимы, не иначе. Я отлично понимаю, что онъ не отъ себя спросилъ.

— Тѣмъ болѣе нужна осторожность.

— Отъ Елисаветы Ивановны телеграмма? —перебила его Анна. Ея острый, все замѣчающій взглядъ упалъ на распечатанный синій листокъ подлѣ пачки съ письмами.

— Да, отъ нея. Новую заботу создаетъ изъ за безалаберной манеры забывать вещи. Оставила въ шифоньеркѣ всю шкатулку съ бриллiантами и проситъ немедля прислать съ секретаремъ. Какъ я могу послать его, когда, въ связи съ моимъ отпускомъ заграницу, дѣлъ у насъ по горло съ отправкой грузовъ и съ заказами новыхъ пароходовъ.

У Анны блеснули глаза:

— Поручите мнѣ. Милый, дорогой, поручите! Самое будетъ лучшее: и васъ выручу, и сама буду спокойнѣе, что въ Москву не поѣду. Я ей скажу, что вы велѣли мнѣ свезти, потому что секретарь занятъ. Ужъ я знаю, почему у меня такая мысль хорошая въ голову пришла,—загадочно улыбнулась она.

Никита Афанасьевичъ молчалъ, обдумывая.

— А у васъ пуговка на рукавѣ отваливается. Да вы не рвите ее; я сейчасъ прихвачу. Не впервые.

Она, бѣгомъ, принесла иголку съ ниткой и, быстрой рукой, стала прикрѣплять пуговку.

— Вы вотъ не знаете, а сколько разъ я

штопала вамъ носки и пуговки пришивала. — Улыбаясь, она заглянула ему въ глаза.

— Умница. Ты, вижу, толковая.

— Я и въ Кисловодскъ съѣзжу съ толкомъ, если отправите со мной шкатулку. Довезу въ цѣлости.

— Ну чтожъ, поѣзжай.

Анна радостно вспыхнула и, закрѣпляя нитку, прижалась щекой къ его рукѣ.

— Охъ, и люблю же я васъ!

— Будь осторожна,—могутъ подглядѣть.

— Терпѣнья моего нѣтъ!..

— Обожди, все пройдетъ. Надо съ толкомъ. Ну, такъ значитъ завтра же выѣзжай со шкатулкой въ Кисловодскъ. Въ субботу выѣдешь обратно, переночуешь въ Саратовѣ въ «Европейской», а утромъ сядешь въ скорый на Москву въ первый классъ. Я закажу купэ и въ поѣздѣ найду тебя. Коли отъ меня не будетъ въ Саратовѣ телеграммы, значитъ все остается какъ уговорено.

— До Саратова я въ третьемъ доѣду, а то денегъ уйма на дорогу пропадетъ.

— Не бойся: денегъ, авось, на тебя хватитъ,—опять улыбнулся онъ незнакомой Аннѣ улыбкой, и лицо его—строгое, съ сухой линіей тонкихъ губъ стало привлекательнымъ отъ этой рѣдкой, мягкой, много обѣщающей улыбки.—Однако, пора мнѣ въ городъ ѣхать. Нѣмцы изъ Штетина прикатили по пароходному большому дѣлу, будемъ сговариваться. Я лошадь верну, ты съѣзди въ монастырь попрощаться съ матерью Серафимой.

— Говорить или нѣтъ, что въ Кисловодскъ посылаете?

— Не для чего скрывать. Скажи, что передъ отъѣздомъ заграницу я заѣду къ ней. Ну, до вечера не увидимся. Прощай.

— Можно васъ до калитки проводить?

— Не надо. Будь во всемъ осторожна.

— Скучно мнѣ безъ васъ. Буду вечера дожидаться.

— Не скучай. Много-много еще впереди. —Онъ посмотрѣлъ на нее смущающимъ долгимъ взглядомъ.

— Эй, Лаврентій!.. Маша!.. Велите лошадь подавать!—раздался, черезъ минуту, изъ комнаты его зычный повелѣвающій голосъ.

VI.

Анна не выполнила приказа Никиты Афанасьевича и не дала телеграммы о своемъ пріѣздѣ въ Кисловодскъ. Сообразно какимъ то своимъ мыслямъ, она предпочла пріѣхать такъ, что бы ее не ждала Елисавета Ивановна. Поѣздъ пришелъ утромъ. Яркое солнце слѣпило глаза. Отъ горнаго бодрящаго свѣжаго воздуха дышалось легко. Нарядная публика, бѣлые туалеты, яркихъ цвѣтовъ зонтики, длинные газовые, ниспадавшіе со шляпъ, вуали, говоръ и смѣхъ пріѣзжихъ и встрѣчавшихъ, пёстрая картина богатаго курорта поразила Анну, но не смутила ея увѣренности. Въ скромномъ костюмѣ изъ синей дешевой шерстяной матеріи и черной шляпкѣ, оставаясь незамѣтной, она зорко выглядывала публику, не желая встрѣчи съ Елисаветой Ивановной, на которую, впрочемъ, не особенно разсчитывала, зная ея привычку поздно начинать день. Убѣдившись, что на вокзалѣ ея нѣтъ, Анна отправилась въ гостиницу, гдѣ жила Елисавета Ивановна, и взяла первый предложенный ей номеръ, не справляясь о цѣнѣ, съ непремѣннымъ

желаніемъ оказаться какъ можно ближе къ теткѣ. Комната оказалась прекрасная, дорогая, съ балкономъ на улицу.

— Кофе прикажете подать? — спросилъ лакей, внесшій ея чемоданъ.

— Кофе съ бутербродами и сладкими булочками, — увѣренно произнесла она, торжествуя имѣть дорогую комнату въ лучшей гостиницѣ и заказывать что ей угодно изъ буфета.

У нея былъ запрятанъ подъ корсетомъ мѣшочекъ, въ которомъ лежало пять сотенныхъ — «Катенекъ» какъ она называла, данныхъ ей Никитой Афанасьевичемъ, такъ же просто, какъ бы это было пять десятирублевыхъ. Такой суммы никогда не было не только въ ея рукахъ, но и въ ея скромномъ родительскомъ домѣ.

Когда лакей вышелъ, она оглядѣла освѣщенную солнцемъ веселую комнату, крытую ковромъ, съ мягкой мебелью, обитой дорогимъ кретономъ, зеркальнымъ шкафомъ, широкой мягкой кроватью за шелковой ширмой и мраморнымъ умывальникомъ. Только въ эти минуты она поняла со всей ясностью, какъ всесильны деньги, къ которымъ всегда тянулось ея сердце и помыслы. Она сдѣлала лишь первый шагъ, но уже отдавала себѣ ясный отчетъ, что пойдетъ на что угодно, лишь бы продвигаться за черту, которую она такъ храбро перешагнула. Она ощущала въ себѣ притокъ небывалыхъ силъ, наполнявшихъ ее увѣренностью и предчувствіемъ, что избранный ею путь приведетъ къ блестящимъ достиженіямъ.

Она была несказанно обрадована, когда подъ ея комнатой этажомъ ниже, черезъ распахнутую чьей то рукой балконную дверь, до-

несся хорошо ей знакомый голосъ Елисаветы Ивановны, отдававшей горничной сразу нѣсколько порученій. За утро, она успѣла узнать отъ этой же горничной, что барыня въ нижней комнатѣ до страсти избалована, по всему видать — милліонерша и швыряется деньгами; что богатые господа завсегда въ гостяхъ бываютъ, и она съ ними ужинать въ ресторанъ ходитъ. Анна все это намотала себѣ на усъ и виду не подала, что это ея тетка. Днемъ, она вышла въ паркъ и издалека — слѣдила за Елисаветой Ивановной, все время находившейся въ компаніи нарядныхъ дамъ и мужчинъ. Вечеромъ Анна сидѣла у себя на балконѣ, слушая болтовню и смѣхъ, несшіеся съ нижняго балкона, гдѣ до поздняго вечера сидѣли гости; слышно было какъ ужинали, пили вино, чокались и произносили шутливые тосты. Ничего предосудительнаго Аннѣ не удалось подмѣтить, но беззаботная и веселая жизнь Елисаветы Ивановны раздражала ее все болѣе и болѣе.

— Вотъ какъ ты тутъ веселишься! Ну, ужъ ладно, повеселюсь и я, — съ недоброй улыбкой произнесла она, заглядывая черезъ балконныя перила внизъ, откуда ей видна была лишь часть теткиной руки, унизанной цѣнными кольцами, въ широкомъ газовомъ бѣломъ рукавѣ.

На слѣдующій день, она постучала въ ея комнату, сдѣлавъ видъ, что пріѣхала въ это утро. Елисавета Ивановна разсѣянно справилась гдѣ она остановилась, похвалила осторожность мужа, не велѣвшаго съ цѣнной шкатулкой останавливаться въ дешевой гостиницѣ, осталась довольна, что деньгами она снабжена достаточно и что уѣзжаетъ съ вечернимъ поѣздомъ обратно въ Москву.

— На, возьми себѣ эту шелковую блузку; надѣнь ее и погуляй по парку, осмотри Кисловодскъ. Кстати, почта тутъ не далеко, отправь эти письма. Днемъ я тебя не увижу, такъ какъ уѣзжаю въ горы, а вечеромъ, если не поздно вернусь, забѣги попрощаться.

— Какъ же, нашла горничную, чтобы письма твои на почту таскать,—подумала Анна и, вмѣсто почты, оставила ихъ у себя въ карманѣ. Прочитавъ оба письма, она также аккуратно вновь заклеила ихъ.

— Ладно, пусть прочтетъ, а я поразскажу свое, тогда и увидитъ ея вранье, — рѣшила она. Елисавета Ивановна писала мужу, что знакомыхъ мало, а потому скучновато, и она больше проводитъ время въ одиночествѣ въ своей комнатѣ или на балконѣ за чтеніемъ интересныхъ книгъ, чѣмъ въ паркѣ и ресторанѣ.

Анна знала, что Никиту Афанасьевича всегда сильно раздражала всякая ложь.

Горя нетерпѣніемъ поскорѣе его увидѣть чтобы крѣпче спаять связующее ихъ звено, Анна, уже безразличная и небрежная къ отношеніямъ съ Елисаветой Ивановной, предчувствуя близость своей власти въ роли соперницы, — поспѣшила уѣхать на вокзалъ, не зайдя къ теткѣ, хотя слышала внизу ея голосъ и смѣхъ пріѣхавшей съ нею компаніи.

— Скажешь, душенька, барынѣ снизу, что я очень торопилась на поѣздъ и некогда было забѣжать къ ней, — бросила она мимоходомъ горничной.

Стоя на вокзалѣ у кассы, Анна боролась съ сильнымъ желаніемъ взять билетъ перваго класса, въ которомъ никогда еще не ѣздила, но природная разсчетливость взяла верхъ, и

она купила билетъ третьяго класса, рѣшивъ беречь полученныя ею деньги.

— Все равно, отъ Саратова поѣду въ первомъ, — подумала она, и сердце ея забилось сильнѣе отъ радостно волнующаго ожиданія.

Большого усилія воли стоило ей не выпрыгнуть изъ поѣзда въ Симбирскѣ, чтобы подстеречь подлѣ конторы и хоть издалека увидѣть Никиту Афанасьевича; однако, въ данномъ случаѣ, она не посмѣла его ослушаться, боясь испортить первые, еще слабые штрихи своего новаго счастья. Долго тянулся скучный день въ чужомъ городѣ, въ дешевой гостиницѣ, безъ дѣла и безъ книги.

Не зная какъ убить время, ходила въ духотѣ знойнаго дня по городу, спускалась къ пристани, смотрѣла на причалившій большой пароходъ, переполненный публикой. На время его стоянки, пассажиры высыпали на пристань, гдѣ толпился всякій народъ и свалены были всякіе грузы для отправки. Цѣлой горой зеленѣли темно и свѣтлозеленые медовосладкіе сочные арбузы, которыхъ пассажиры раскупали нарасхватъ. Толкались крикливыя бабы съ вязками баранокъ и бубликовъ и съ глиняными горлачами, предлагая свѣжее густое молоко. Грузчики, толкаясь, крича и перебраниваясь, обтирая рукавомъ потъ, обильно струившійся по загорѣлымъ лицамъ, таскали на пароходъ всякій грузъ. Грохотали по скверной мостовой подъѣзжающія и отъѣзжающія пролетки.

Черезъ полчаса закипѣла подъ колесомъ вода, убрали, лязгая цѣпями, перекинутый отъ пристани мостокъ; пароходъ сталъ медленно поворачиваться выпуклымъ грузнымъ бокомъ, блестя золотыми буквами «Цесаревичъ Алек-

сѣй». На палубѣ, кому-то привѣтливо помахивая шляпой, стоялъ улыбающійся капитанъ въ щегольскомъ бѣломъ кителѣ.

Желанное утро, наконецъ, настало. Съ громыхающимъ, стремительно примчавшимся издалека, курьерскимъ поѣздомъ, началась для Анны первая глава ея новой жлзни, столь различной отъ предыдущихъ дней.

Въ Москвѣ, гдѣ Никита Афанасьевичъ долженъ былъ по всякимъ дѣламъ остановиться на двое сутокъ, Аннѣ былъ взятъ номеръ рядомъ съ его комнатой въ гостиницѣ «Континенталь». Къ матери она не явилась и ничего ей пока не написала. Такъ какъ съ обѣихъ сторонъ письмами обмѣнивались изъ экономіи весьма рѣдко, то даже и очень длительное молчаніе не могло вызвать никакихъ безпокойствъ. Никита Афанасьевичъ былъ съ утра до вечера въ отсутствіи, занятый сложными торговыми дѣлами, предоставивъ Аннѣ разъѣзжать по Москвѣ въ таксомоторѣ, чтобы на скорую руку купить себѣ хорошій дорожный чемоданъ и приличный костюмъ. Никита Афанасьевичъ везъ ее съ собой за границу, обѣщая накупить тамъ всякихъ нарядовъ.

— А изъ заграницы вернемся, какъ же дальше-то будетъ? — тревожно задала она ему вопросъ.

— Коли со мной рядомъ пошла, такъ сомнѣваться тебѣ нечего и заботиться не о чемъ. Поднялъ ношу, такъ ужъ не уроню, — послѣдовалъ твердый и увѣренный отвѣтъ.

— Неужто не сонъ?!.. Охъ, только бы не проснуться!—повторяла себѣ Анна.

Черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ въ Берлинъ, а затѣмъ и въ Парижъ, прежняя Анна, простоватая и угловатая, въ дешевенькихъ, безвкусно сшитыхъ платьяхъ,—навсегда



исчезла, уступивъ мѣсто нарядной женщинѣ, причесанной ловкой рукой хорошаго парикмахера, съ головы до ногъ, изысканно одѣтой въ лучшія заграничныя модели, которыя она, къ удивленію Никиты Афанасьевича, сумѣла сразу ловко носить, ничѣмъ не отличаясь отъ другихъ нарядныхъ женщинъ. Отъ счастья она расцвѣла и похорошѣла, и онъ не безъ гордости входилъ съ нею въ лучшіе рестораны, гдѣ оставлялъ на завтраки, обѣды и ужины не мало размѣнянныхъ сторублевыхъ бумажекъ. Анна, проведя двѣ недѣли за границей въ разъѣздахъ, останавливаясь вмѣстѣ съ Никитой Афанасьевичемъ въ самихъ дорогихъ отеляхъ, покупая дорогіе туалеты и дорогія вещи, хорошо поняла значеніе и силу милліоновъ. Она предпочла бы пройти черезъ какія угодно муки, но только не возвратъ къ своей прежней бѣдной и трудовой жизни.

VII.

По возвращеніи изъ заграницы, Никита Афанасьевичъ, срочной телеграммой не допускающей возраженій, вызвалъ изъ Кисловодска жену для присутствія на торжественномъ открытіи санаторіи, построенной на его и брата Григорія средства. Послѣ освященія прекрасно оборудованнаго помѣщенія, вся присутствовавшая губернская знать была приглашена на парадный завтракъ къ Григорію Афанасьевичу, занимавшему почетную должность городского головы. Никита Афанасьевичъ, до крайности честолюбивый, любилъ щегольнуть передъ губернской знатью роскошными брилліантами и туалетами своей жены. Въ данномъ

случаѣ онъ особенно настаивалъ на ея присутствіи, такъ какъ предвидѣлъ, что братъ Григорій, женившійся лишь нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, захочетъ похвастать не только новымъ убранствомъ своихъ роскошныхъ покоевъ и обильнымъ завтракомъ, но и красотой молодой жены и ея нарядами. Хотя противъ Елисаветы Ивановны у него назрѣло враждебное чувство оскорбленнаго самолюбія и ея пріѣздъ былъ ему въ тягость, однако онъ настаивалъ на ея присутствіи для «тона»; она была мастерица показать себя и поддержать честь имени извѣстныхъ по всей Волгѣ милліонеровъ и золотопромышленниковъ братьевъ Никиты и Григорія Бурлаковыхъ.

Анна сумѣла разжечь глухое раздраженіе Никиты Афанасьевича противъ своей жены разсказами о ея веселой жизни въ Кисловодскѣ, пересыпая эти разсказы всякими догадками и краснорѣчивыми замалчиваніями. Сильнѣйшій ударъ по его самолюбію былъ нанесенъ ею до поѣздки за границу, по дорогѣ изъ Кисловодска въ Москву, когда, якобы невзначай она вытащила изъ кармана прочитанное ею и вновь заклеенное письмо Елисаветы Ивановны къ пріятельницѣ въ Петербургъ, которое она поручила ей опустить на почту въ Кисловодскѣ.

— Матушки, что я надѣлала! И не подумала письмо опустить. Везу и везу съ собой,— воскликнула она, показывая его Никитѣ Афанасьевичу. — Секретовъ то тамъ, я думаю, и не обберешься, — ехидно ухмылнулась она.

— Давай-ка его мнѣ: я въ Москвѣ опущу.

Никита Афанасьевичъ не касался никогда переписки жены и никогда не позволилъ бы себѣ прочитать не ему адресованное письмо, не будь ловкихъ навѣтовъ Анны. Чувство, ру-

ководившее его рѣшеніемъ прочесть ея письмо было двоякое: убѣдиться насколько жена лгала ему въ своихъ письмахъ и насколько разсказы Анны были правдивы. Никогда Аннѣ не удалось узнать было ли это письмо опущено или было прочтено. Не узнала она и того, что это письмо было рѣшающимъ для окончательного перевѣса чаши вѣсовъ въ ея сторону, ибо свое самолюбіе Никита Афанасьевичъ ставилъ выше всего и не прощалъ даже малѣйшихъ уколовъ.

Елисавета Ивановна писала пріятельницѣ:

...«Пріѣзжай непремѣнно. Мы тутъ веселимся какъ никогда. На этотъ разъ, я тутъ одна, то есть безъ Никиты и, откровенно сознаюсь тебѣ, что не жалѣю, такъ какъ онъ становится ворчливъ и скученъ. Вспоминаю съ улыбкой, какъ еще недавно тайно ревновала его ко всякой женщинѣ и даже къ тебѣ. Теперь, съ полнымъ спокойствіемъ могу предоставить ему полную свободу».

— Вотъ и прекрасно! — злорадно улыбнулся Никита Афанасьевичъ, на всякій случай, припрятывая письмо.

Елисавета Ивановна пріѣхала наканунѣ торжества. Она была крайне не въ духѣ, такъ какъ пришлось на нѣсколько дней покинуть веселый образъ жизни среди своихъ друзей и знакомыхъ; однако, по натурѣ отходчивая, она скоро вернула обычное веселое настроеніе, предвидя возможность пріятно провести нѣсколько часовъ на завтракѣ у шурина и блеснуть парижскимъ туалетомъ и брилліантами.

Освященіе санаторіи было торжественное и парадное, съ присутствіемъ архіерея, съ большимъ количествомъ приглашенныхъ гостей, пріѣхавшихъ даже изъ Самары и Саратова. Кромѣ губернатора съ женой, предводителя

дворянства, вице губернатора и всѣхъ видныхъ чиновниковъ города, съѣхалось не мало богатыхъ купцовъ.

Григорій Афанасьевичъ, уже далеко не молодой, по наружному виду совсѣмъ не схожій съ братомъ Никитой, съ перваго взгляда казавшійся до крайности простодушнымъ, словоохотливымъ и обязательнымъ, былъ очень себѣ на умѣ. Подъ дѣланнымъ простодушіемъ скрывалъ распущенную и циничную натуру. Насколько младшій братъ Никита былъ въ обращеніи съ людьми серьезенъ, немногословенъ, часто угрюмъ и рѣзокъ, внушая къ себѣ у людей робкихъ даже нѣкоторый страхъ громадной фигурой и холоднымъ выраженіемъ лица съ тонкими губами и острымъ взглядомъ сквозь пенснэ — настолько Григорій Афанасьевичъ былъ веселъ и любезенъ, всегда съ готовыми незатѣйливыми остротами, которыми пересыпалъ рѣчь, то и дѣло разводя руками, какъ бы отдавая всего себя на судъ слушателей. Хотя онъ всегда отрекался отъ женитьбы, однако, неожиданно для себя самого въ такой мѣрѣ влюбился въ тихую, скромную и застѣнчивую дочь простого купца лѣсопромышленника, что сбилъ съ толку ея родителей, давшихъ ей согласіе на постригъ въ монастырь къ матери Серафимѣ. Не безъ участія денегъ, онъ уговорилъ ея отца выдать за него дочь. Зная крутой нравъ отца, не смѣя идти противъ его воли, двадцатилѣтняя Маріанна, день и ночь не осушая глазъ, пошла подъ вѣнецъ съ Григоріемъ Афанасьевичемъ. Ея сердце не могло принять его хотя бы ужъ за то, что онъ закрылъ передъ ней дверь въ тихую обитель, къ которой съ юныхъ лѣтъ рвалась ея душа. Ни царской роскоши подарки, ни выписанные заграничные туалеты, ни богатѣйшее убранство

покоевъ не тѣшили молодую узницу. Григорій Афанасьевичъ выбивался изъ силъ, чтобы привлечь къ себѣ сердце молодой жены, но оно оставалось чужимъ и холоднымъ. Бросился было къ матери Серафимѣ, прося ея вліянія, но монахиня встрѣтила брата суровой рѣчью, укоряя въ бракѣ съ дѣвушкой, сердце которой было отдано Христу. Прошло полъ года, и Григорію Афанасьевичу начала дѣлаться скучной его семейная жизнь съ молчаливой, пугливой женой, не терпящей выѣздовъ и пріемовъ, часто плачущей, избѣгающей встрѣчи съ нимъ. Упрямый и самолюбивый какъ и братъ Никита, Григорій Афанасьевичъ, забывая собственную вину, начиналъ раздражаться и корить Маріанну.

— Самое лучшее будетъ, коли отправите меня въ монастырь къ матери Серафимѣ, — робко произносила Маріанна.

— Ужъ этого не жди, матушка. Для сраму я женился, что ли?!

Какъ ни скрывалъ онъ отъ людей неудачи въ своей женитьбѣ, однако, люди это знали, и симпатіи были не на его сторонѣ, тѣмъ болѣе, что Маріанна, помимо скромности и тихости, плѣняла всѣхъ своей совершенной красотой.

Пріѣхавшій наканунѣ торжества ея отецъ, крутой, грубоватый старикъ, гнѣвно выговаривалъ дочери, искавшей предлога не присутствовать на освященіи санаторіи и завтракѣ. Много волненій пережилъ по этому поводу Григорій Афанасьевичъ, и впервые искренно раскаялся, что затѣялъ эту женитьбу.

— А ты ее, Григорій Афанасьевичъ, хорошенько плеткой постегай. Бабу учить надо, коли словъ не понимаетъ, — наставительно твердилъ купецъ, бросая изъ подъ густыхъ

сѣдыхъ бровей косые гнѣвные взгляды на заплаканное лицо дочери.

Григорій Афанасьевичъ не имѣлъ серьезнаго образованія, подобно брату Никитѣ; отецъ рано взялъ его въ дѣла, нуждаясь въ помощникѣ; но все же онъ считалъ себя во всѣхъ отношеніяхъ много выше мужицкой психологіи тестя, и Маріаннѣ нечего было бояться отцовской плетки въ рукахъ супруга.

— Ужъ кажется этимъ кончится, — раздраженно произнесъ Григорій Афанасьевичъ.

— Коли тронете, утоплюсь.

— Ну что: слышали?! — развелъ онъ руками.

— Говорю, что волю дали. У меня эдакихъ бы словъ не сказала, — ударилъ купецъ кулакомъ по столу.

Маріаннѣ пришлось покориться, пришлось надѣть на себя дорогое платье, многотысячными брилліантами украсить руки и уши, на шею надѣть длинное жемчужное ожерелье.

Неподвижная, съ опущенными глазами стояла она на почетномъ мѣстѣ рядомъ съ мужемъ подлѣ губернатора. Чувствуя на себѣ устремленные любопытные взгляды, она еще ниже опускала глаза.

— Развяжи ты свой языкъ. Молчишь, точно нѣмая. Говори, отвѣчай съ улыбкой, занимай губернатора и его преосвященство. Не срами меня... — то и дѣло нашептывалъ ей мужъ.

Маріанна изо всѣхъ силъ хотѣла говорить и занимать гостей, но ей это не удавалось. На прелестномъ смугловатомъ лицѣ то появлялась, то сразу исчезала напряженная улыбка, не гармонировавшая съ печальнымъ взглядомъ большихъ темныхъ глазъ. Слова обрывались, отвѣты звучали робко и застѣнчиво. Григорій

Афанасьевичъ, волнуясь и досадуя на жену, въ то же время испытывалъ удовлетвореніе самолюбію, перехватывая любующіеся взгляды и шопоты восхищенія.

— Ну, и красавица у васъ жена! — говорили ему послѣ завтрака, переходя кто къ карточнымъ столамъ, кто въ кабинетъ курить сигары и пить ликеры

Гости разъѣхались не скоро. Маріанна убѣжала къ себѣ, торопясь снять парадный уборъ и побыть одной со своими печальными мыслями за работой у большихъ пялецъ—коверъ въ монастырскую церковь къ алтарю.

Елисавета Ивановна уѣхала домой въ «Береговое», усталая отъ жары, рѣчей и тостовъ за нескончаемымъ завтракомъ. Въ кабинетѣ остались докуривать сигары Никита и Григорій Афанасьевичъ.

— Ну, слава Богу, все было хорошо, всѣ остались довольны. Губернаторъ нашъ молодецъ: рѣчь то какую закатилъ! Придраться нельзя, и Егора Савельвича ловко пришпилилъ. Наши, говоритъ, главные во всѣхъ дѣлахъ сотрудники и помощники Грирорій Афанасьевичъ и Никита Афанасьевичъ. Съ ними работаемъ на пользу и славу Царю и Отечеству. Ловко сказалъ, молодецъ! Утеръ ему носъ.

— Н-да, рѣчи говорить онъ мастеръ, — процѣдилъ Никита, развалясь въ креслѣ, протянувъ ноги по дорогому персидскому ковру, съ сигарой въ углу рта, лѣниво выпуская струйки дыма.

— Завтракъ-то хорошъ былъ. Ты что скажешь? Мой поваръ за поясъ заткнетъ кого хошь. — Григорій любилъ прихвастнуть умѣніемъ принимать и угощать гостей.

— А докторъ нашъ, кажется, ничего себѣ;

парень разумный и поворотливый, — замѣтилъ Никита.

— Трущовъ молодецъ! Хоть и молодъ, а мозги у него на мѣстѣ. Этотъ далеко пойдетъ; съ нимъ санаторія не пропадетъ. Эдакому не жалко деньги платить. По случаю торжества, я ему выдалъ двѣсти рублей наградныхъ, — и всѣмъ служащимъ по сто. Выразили благодарность, а Трущовъ особенное слово сказалъ: могу, говоритъ, поручиться вамъ и вашему брату, что до конца и во всѣхъ случаяхъ останусь вамъ преданнымъ.

Помолчали, каждый думалъ о своемъ. Григорій изъ синяго сифона наполнилъ стаканъ шипящей струей сельтерской воды и, залпомъ, выпилъ. Послѣ обильнаго завтрака, едо томила жажда.

— Да, все бы хорошо, а вотъ съ Маріанной бѣда: какъ ни крути, она свое да свое. На все одинъ отвѣтъ — не хочу. — Онъ всталъ, заложилъ обѣ руки въ карманы брюкъ и, отдаваясь теченію непріятныхъ мыслей, началъ ходить наискось по кабинету.

— И какого рожна ей еще надо? — недоумѣвающе, разводя руками, остановился онъ передъ братомъ. — Живетъ по царски, а отъ всего носъ ворочаетъ.

Никита, продолжая курить, неопредѣленно хмыкнулъ, окинувъ критическимъ взглядомъ неуклюжую, старѣющую фигуру брата, всегда, небрежно одѣтую въ быстро занашивающіеся провинціальнаго покроя, костюмы, его некрасивое лицо съ лукавыми глазами и отвислыми длинными усами надъ непріятными мясистыми губами.

— Знаешь пословщу: насильно милъ не будешь, — сказалъ онъ, помолчавъ.

— А милліоны, милліоны — то?!

— А это ужъ по дурости.

Въ ту же секунду, въ воображеніи Никиты Афанасьевича выплыло лицо Анны съ ея горящими жаднымъ блескомъ глазами.

— Эта не упуститъ,—мысленно похвалилъ онъ, вспомнивъ какъ она, во время путешествія, аккуратно записывала всѣ расходы изъ получаемыхъ отъ него крупныхъ суммъ, хотя онъ отчета у нея не спрашивалъ.

— Деньги счетъ любятъ. Зачѣмъ тратить вслѣпую,—говорила она. Никитѣ Афанасьевичу эта аккуратность въ деньгахъ понравилась; онъ оцѣнилъ ея порядокъ, котораго не могъ добиться отъ жены, тратившей безъ счета и безалаберно крупныя суммы; сколько ей ни дай, всегда оказывалось мало.

Долго молчалъ и обдумывалъ Никита Афанасьевичъ, пока, наконецъ, рѣшился заговорить о важномъ для себя вопросѣ. Съ братомъ Григоріемъ онъ былъ съ дѣтства друженъ и своей личной жизни они другъ отъ друга не скрывали. Хотя Никита Афанасьевичъ былъ, по натурѣ, очень скрытенъ, но брату охотно довѣрялъ свои секреты.

— Мнѣ нужна отъ тебя, Григорій, одна услуга очень деликатнаго характера и чтобы осталась въ полнѣйшей тайнѣ.

— Ну что жъ, изволь. Всегда радъ коли могу.

— Твоя эта отставная француженка Коллетъ въ Петербургѣ проживаетъ или уѣхала?

— Никуда не уѣхала.

— Ты съ ней сохранилъ чисто дружескія отношенія?

— Еще бы! Я всегда придерживаюсь правила—не плюй въ колодезь. Жениться я женился, но обставилъ ее какъ нельзя лучше, и

друзья мы остались хорошіе. Въ случаѣ чего, только мигну ей...—хихикнулъ Григорій.

— А секреты хранить она умѣетъ?

— На счетъ этого, братъ, безпокоиться нечего.

— Въ такомъ случаѣ, помоги мнѣ. Дѣло въ томъ, что въ моей семейной жизни оказалась сильная трещина. Я убѣдился, что Елисавета Ивановна дорожитъ не мной, а тѣмъ, что я несу ей со своей особой; слѣдовательно, стѣсняться мнѣ не приходится.

— Давно это у тебя? Можно узнать кто и гдѣ?—Григорій пересталъ двигаться по кабинету, сѣлъ и весь обратился въ слухъ и вниманіе. Больше всего въ жизни, его интересовали всякія исторіи тайныхъ отношеній, до которыхъ самъ онъ былъ настолько падокъ, что дѣвушки его избѣгали, а мужья не любили и опасались.

— Особа эта сейчасъ находится въ Петербургѣ. Я бралъ ее съ собой за границу и временно устроилъ сейчасъ въ гостинницѣ; но одной ей тамъ долго жить не слѣдуетъ: слишкомъ молода, мало ли кто пристанетъ. Я бы желалъ, что бъ она не оставалась безъ присмотру. Кромѣ того, ради ея матери и моей супруги, надо ей дѣло какое нибудь придумать, ну хоть, скажемъ, шикарный шляпный магазинъ. Ей самой по неопытности этого дѣла не осилить. Вотъ я и разсчитывалъ на твою Коллетъ. Денегъ я дамъ сколько тамъ понадобится; пусть Коллетъ возьметъ въ свои руки, а та только для виду, чтобы объясненіе было откуда деньги берутся на хорошее помѣщеніе и на жизнь. Будетъ говорить, что съ француженкой дѣло начала. Ты что скажешь?

— Хорошо, дѣловито придумалъ; и ко-

маръ носа не подточитъ. А кто жъ особа-то эта?

— Анна, знаешь, которая гостить пріѣзжаетъ.

— Что-о-о?? Анна?!—Григорій, отъ изумленія, вытаращилъ глаза—Да зачѣмъ тебѣ такая понадобилась? Толстомордая, да неуклюжая.

Никита Афанасьевичъ улыбнулся:

— А вотъ теперь какъ увидишь ее, тогда и поймешь. Скажу тебѣ, что не мало я видѣлъ женщинъ, мѣняющихся отъ обстановки, но такой метаморфозы и не придумаешь. Вѣдь дурнушка была, едва въ глаза смѣла смотрѣть, а что вышло! Расцвѣла, какой взглядъ, какой огонь въ глазахъ, съ какимъ шикомъ въ нѣсколько дней выучилась носить дорогія платья! Красавицей назвать нельзя, но въ ней появилось что то удивительное. Передъ ея огненными чувствами мудрено было устоять. Да впрочемъ, я не особенно и устаивалъ,— усмѣхнулся онъ и подробно разсказалъ брату какъ все произошло.

— Ловко, братъ, ловко! – хихикалъ Григорій, потирая, отъ удовольствія, руки.—А супруга, конечно, ни—ни не догадывается?

— На, прочти. — Никита Афанасьевичъ протянулъ письмо жены, адресованное подругѣ.

— Ц-ц-ц...—Григорій неодобрительно покачалъ головой.—Всѣ то онѣ такія: какъ разъѣдятся, да разбалуются на милліонахъ, такъ и давай лягаться. Ну, и шутъ съ ней. Коли такъ, что жъ тебѣ стѣсняться. Съ Кавказа она совсѣмъ вернулась?

— Послѣ завтра опять уѣзжаетъ. Пусть ѣдетъ, мнѣ же удобнѣе: надо въ Петербургъ

съѣздить съ Анютой повидаться, а то она съ ума тамъ сходитъ безъ меня.

— Ну, ладно братъ!—весело ударилъ по колѣну Григорій.—Поѣдемъ-ка вмѣстѣ въ Питеръ и сразу я все твое дѣло тамъ оборудую.

Елисавета Ивановна, въ свое двухдневное пребываніе дома, не замѣтила никакой перемѣны въ настроеніяхъ мужа. Какъ и всегда, до вечера онъ отсутствовалъ по дѣламъ въ городской конторѣ, дома же былъ, тоже какъ и всегда, мало разговорчивъ, погруженный въ просмотръ всякихъ докладовъ, отчетовъ и счетовъ.

— Ахъ, какъ скучно, что я обѣщала Аннѣ вторично вызвать ее сюда, — пожаловалась она, передъ отъѣздомъ, мужу. — Вернувшись изъ Кословодска, я хочу пригласить къ намъ Маріанну; Анютино присутствіе совершенно будетъ ненужно. Я замѣтилъ у нея непріятную манеру вслѣживать и высматривать.

— Не для чего ее и звать. Пусть занимается серьезнымъ дѣломъ, благо что желаніе есть.

— Какимъ же это дѣломъ?

— Хочетъ шляпный магазинъ открыть.

— Ну куда ей за такія дѣла браться! — пренебрежительно пожала плечами Елисавета Ивановна.

— Ничего, пусть пробуетъ. Денегъ на дѣло я даю, тѣмъ болѣе, что въ дѣло войдетъ француженка Коллетъ. Григорій говорилъ, что она компаньона искала — ну вотъ, пусть и работаютъ вдвоемъ.

Елисавета Ивановна, въ недоумѣніи, посмотрѣла на мужа:

— Когда же это все наладилось?

—И налаживаться тутъ, собственно, нечѣму.

Сказала мнѣ, что хотѣла бы трудиться, свое дѣло начать, да не на что. Я всегда готовъ поддержать желаніе работать: это полезнѣе, чѣмъ безъ дѣла слоняться.

— Однако, я вижу, что Анна очень ловкая дѣвченка. Не для того ли и больна она оказалась, чтобы остаться тутъ и вести съ тобой дѣловые переговоры? — усмѣхнулась Елисавета Ивановна.

— Не знаю, можетъ быть и для того.

— Почему же она со мной не поговорила? Было бы проще.

— Можетъ быть, въ силу твоего явнаго недоброжелательства ко всему, что называется трудомъ, — съ оттѣнкомъ ироніи произнесъ Никита Афанасьевичъ.

Елисавета Ивановна сочла за лучшее прекратить разговоръ, коснувшійся непріятной для нихъ обоихъ темы. Елисавета Ивановна ничего не умѣла и не хотѣла дѣлать. Она жила, чтобы ѣсть, пить, наряжаться и веселиться. Никита Афанасьевичъ любилъ трудъ ради труда и не уважалъ людей, ничего не дѣлающихъ.

— А если деньги пропадутъ?— помолчавъ спросила она.

— Не пропадутъ. Она хоть и помалкиваетъ, но не дура и съ дѣломъ справится; да и француженка не промахъ она.

— Посмотримъ что выйдетъ, — недовѣрчиво усмѣхнулась Елисавета Ивановна, очень далекая отъ истиннаго полженія вещей.

VIII

Въ отдаленной части богатыхъ хоромъ Григорія Афанасьевича было три комнаты, совершенно непохожихъ на всѣ остальныя какъ

по скромности обстановки, до крайности старомодной, такъ и по укладу жизни, которая въ ней велась. Казалось, что въ этихъ трехъ комнатахъ жизнь остановилась полъ вѣка тому назадъ; въ мирномъ застоѣ старины доживали свой вѣкъ двѣ старушки: мать братьевъ Бурлаковыхъ Парасковья Ивановна и ея приживалка вѣрный другъ Анфисушка. Послѣ смерти мужа — старика Бурлакова, Парасковья Ивановна, засѣвъ въ этихъ комнатахъ, отрѣзалась отъ всего міра, дала обѣтъ никогда ихъ не покидать, никуда не выходить и никого не видѣть, кромѣ своихъ дѣтей и самой близкой родни. Въ то время, какъ домъ, послѣ смерти старика, перестраивался Григоріемъ Афанасьевичемъ по новому и обставлялся по модному для новой жизни и новаго уклада по примѣру запада, — комнаты матери оставались нетронутыми. Отдѣлявшій ихъ длинный корридоръ, подобно вѣрному стражнику, не пропускалъ ни одной новой черточки изъ внѣшняго міра, ревниво оберегая старину вокругъ вѣрно преданныхъ ей, сроднившихся съ нею и между собой двухъ ея послѣднихъ обломковъ. Изъ этого, застывшаго въ своемъ движеніи мірка, выглядывало шесть оконъ въ заднюю часть густого большого сада, разбитаго еще дѣдомъ Бурлакова. Въ эту часть сада никто не ходилъ, дабы видомъ своимъ или голосами не безпокоить добровольную затворницу. Для ея услугъ была приставлена особая прислуга попроще, изъ деревенскихъ. Въ большіе праздники, мать Серафима пріѣзжала въ каретѣ навѣстить старушку мать. Илья Афанасьевичъ бывалъ аккуратно каждое воскресеніе. Несмотря на свои семьдесятъ восемь лѣтъ, Парасковья Ивановна сохранила совершенно свѣжую голову, очень здравый умъ и полную память.

Вскорѣ послѣ женитьбы второго сына, она пожелала видѣть его жену и сразу полюбила тихую, застѣнчивую и печальную Маріанну. Она поняла ея душевную драму, приласкала, и вскорѣ дала разрѣшеніе приходить безъ зова. Только въ этой комнатѣ съ пузатыми краснаго дерева комодами, неуклюжими диванами и креслами, тяжелыми столами съ витыми ножнами, тусклыми простѣночными зеркалами, вылинявшей, гарусомъ вышитой, оббивкой, неугасимой лампадой передъ большимъ кивотомъ, только здѣсь чувствовала Маріанна нѣкоторое облегченіе своему горю въ бесѣдѣ съ маленькой высохшей старушкой, всегда одѣтой въ простое черное сатиновое платье и съ такимъ же чернымъ повойникомъ на давно посѣдѣвшей головѣ. Парасковья Ивановна никогда не оставалась безъ дѣла. Старушка или вязала толстые бѣлые шерстянные чулки, или щипала корпію, отправляя то и другое въ монастырь къ дочери; читала священныя книги, а передъ ужиномъ играла съ Анфисушкой въ дурачки. Въ эту игру принималась иногда и Маріанна; ее включила старушка въ ту особенную любовь, которой любила сына Илью и дочь — монахиню Серафиму. Въ ней она сразу отгадала родное сердце, близкое по духу и по страданію своей смолоду неудавшейся жизни, какъ и жизни любимаго сына Ильи и монахини Серафимы, потерявшей жениха за десять дней до вѣнца. Парасковья Ивановна никогда не высказывала своихъ желаній, строго соблюдала всѣ посты, вставала рано, когда еще весь домъ крѣпко спалъ и ложилась въ девять съ половиной. Молилась она много и усердно, читая соотвѣтствующія молитвы и акафесты. Къ ея опочивальнѣ была пристроена небольшая молельня, вся увѣшенная старинными

образами семейными и даренными. Единственный подарокъ, который она принимала и который доставлялъ ей великую радость — были образа и частицы отъ мощей Святыхъ угодниковъ, которыя она заключала въ спеціальные ларцы. Крестясь, многократно прикладываясь и кладя передъ ними земные поклоны, она ихъ устанавливала подъ образами въ молельнѣ. Жизнь свою Парасковья Ивановна пріурочивала къ жизни любимой дочери Анны, въ постригѣ — матери Серафимы. Пользуясь, не смотря на очень преклонный возрастъ, хорошимъ здоровымъ и крѣпкимъ сномъ, она страдала лишь крайней слабостью ногъ и ходила съ большимъ трудомъ, опираясь на толстую простую суковатую палку, принадлежавшую ея покойному неугомонному мужу, грѣхи котораго она усердно замаливала. Громадное состояніе, нажитое старикомъ и пріумноженное двумя сыновьями было, какъ говорили хорошо знавшіе его жизнь люди, создано не всегда чистыми трудами, и пользовался онъ имъ для утоленія алчнаго честолюбія и въ угоду низменнымъ распущеннымъ страстямъ. Больше всѣхъ походилъ на него въ этомъ отношеніи сынъ Григорій. Илья и монахиня Серафима пошли въ мать трезвой ясностью ума и широкимъ, для ближняго, сердцемъ.

Приживалка Анфисушка, за пятьдесятъ лѣтъ совмѣстной жизни совершенно сроднившаяся съ домомъ Бурлаковыхъ, была вѣрнымъ другомъ Парасковьи Ивановны; во времена молодости, жалѣла ея трудную, полную всякихъ испытаній жизнь, умѣла посочувствовать и утѣшить. Выходила она изъ дому рѣдко, но знала всегда доподлинно все, что имѣло отношеніе къ семейству Бурлаковыхъ и, если считала это полезнымъ, ставила въ извѣстность

Парасковью Ивановну. Какъ и та, она всегда была чѣмъ-нибудь занята: шила, починяла, вязала и развлекала Парасковью Ивановну нескончаемыми, многократно повторяемыми разсказами изъ воспоминаній прошлаго. Она была крупнѣе фигурой и немного моложе Парасковьи Ивановны; носила такое же гладкое черное сатиновое платье, голову повязывала черной шерстяной косынкой, заколотой у подбородка; говорила неторопливымъ, лишеннымъ интонаціи голосомъ, повторяя на каждомъ шагу совершенно не вяжущуюся со смысломъ, одну и ту же фразу: «то се, пятое, десятое».

— Чтой-то наша Маріанна Макаровна не идетъ? Поразсказала бы намъ, то, се, пятое десятое, про торжество сегодняшнее, — говорила Анфисушка въ то время, какъ братья, сидя въ кабинетѣ, обдумывали планъ, какъ бы лучше и вѣрнѣе наладить новую жизнь Анны.

— Устала, видно. Для нея всякія веселья съ гостями, да со смѣхомъ и шутками хуже муки. Не любила и я, смолоду, веселыхъ компаній водить. Эхъ, ноги то у меня сегодня какъ ломитъ! Быть дождю безпремѣнно. — Кряхтя, старушка переложила на табуреткѣ подъ столомъ ноги, обутыя, не смотря на лѣто, въ теплые бархатные, на козьемъ мѣху ботинки.

— Дворецкій говорилъ, что наша Маріанна разряжена словно королева и красавицей выглядитъ писанной, только робка ужъ больно.

— А Елисавета Ивановна-то была, али на Кавказѣ прохлаждается?

— Какъ не быть, — была. Сказывалъ, что Никита, то, се, пятое, десятое, телеграммой вытребовалъ. Расфуфырилась, говорятъ, и

губы краской накрасила. Эта не сробѣетъ ужъ нѣтъ.

Постучались въ дверь, и вошла Маріанна.

— Можно къ вамъ, маменька?

— Входи, Маріаннушка. Только о тебѣ вспоминали. Ну какъ: устала?

Маріанна почтительно поцѣловала сухую морщинистую ручку старушки, поцѣловалась съ Анфисушкой и сѣла на диванъ съ выцвѣтшими, шитыми гарусомъ, полосами поблекшихъ розъ и желто-зеленыхъ листьевъ.

— Совсѣмъ устала, маменька. Григорій Афанасьевичъ гостей назвалъ и не перечесть. Куда ужъ мнѣ съ разговорами! Благодареніе Богу, губернаторъ больше съ Елисаветой Ивановной говорилъ. Какъ попала, наконецъ, въ свою комнату, такъ насилу отдышалась.

— Платье-то, небось, заграничное, дорогое?

— Мудреное, все шитое шелками... Жемчугами велѣлъ обвѣситься. Словно кукла сижу это я за столомъ, никакихъ словъ въ голову не приходитъ, только и думаю, какъ бы поскорѣе гости разъѣхались. Глядя на Елисавету Ивановну только и набиралась бодрости: со всѣми то она весело говоритъ и смѣхъ звонкій презвонкій, на всю столовую такъ и перекатывается.

— Она за словомъ въ карманъ не полѣзетъ, — отозвалась Анфисушка, наматывая клубокъ бѣлой шерсти.

— Она смѣлая, — вздохнула Маріанна. — Сердце у нея ко мнѣ доброе; спасибо ей, украдкой этакъ поглядитъ на меня и глазами знакъ подастъ, что, молъ, не трусь. Проситъ къ нимъ въ имѣніе погостить пріѣхать какъ вернется съ Кавказа. Чтожъ, я бы поѣхала, коли Григорій Афанасьевичъ отпуститъ. И къ

матери Серафимѣ оттуда ближе; чаще бы въ монастырь къ ней навѣдывалась. Вы думаете, маменька, Григорій Афанасьевичъ отпуститъ?

— Почему не отпуститъ? Не къ чужимъ въ домъ поѣдешь, — къ родному брату.

— Я къ матери просилась на Пасху, такъ вѣдь не пустилъ.

— Видно боялся, какъ бы не убѣгла совсѣмъ, — улыбнулась старушка, сняла очки въ простой желѣзной оправѣ и ласковыми глазами посмотрѣла на Маріанну, на ея блѣдноватое нѣжное лицо, полуопущенныя, длинныя и густыя какъ бахрома рѣсницы, гладко зачесанные, раздѣленные на проборъ темно-каштановые, съ золотистымъ отливомъ, волосы.

— До сихъ поръ не сбѣжала, такъ ужъ не убѣгу, — тихо промолвила она.

— Потерпи, Маріаннушка: стерпится — слюбится. Такая ужъ наша доля женская. Не ты первая. Не ты первая, не ты послѣдняя. Жизнь то вся наша, что шаръ съ горы спущенный: и не оглянемся, какъ къ доскѣ гробовой скатимся. Глянь-ко на меня: голова вся сѣдая и морщинами тѣло пошло, а, кажись, совсѣмъ намедни подъ вѣнецъ шла. Не тужи: будь ты въ тихомъ монастырѣ у матери Серафимы или въ покояхъ разукрашенныхъ у нелюбимаго мужа, — все едино въ сердцѣ своемъ послужить Господу можешь, творя не свою, но Его волю. Такъ то и жизнь твоя пройдетъ — не оглянешься, и слова мои старушечьи вспомнишь.

Парасковья Ивановна коснулась головы Маріанны. Та прильнула къ ласковой морщинистой рукѣ, и слезы молчаливыя и крупныя закапали на эту слабую отжившую свой долгій

вѣкъ руку, въ ласковыхъ прикосновеніяхъ которой, она — молодая и сильная черпала бодрость духа для постылой жизни среди чуждаго ей міра.

IX.

Елисавета Ивановна беззаботно предавалась удовольствіямъ шумнаго курорта и веселилась въ компаніи съѣхавшихся знакомыхъ и друзей, легкомысленно радуясь, что, наконецъ, ей удалось завоевать полную свободу, и мужъ не мѣшаетъ ей оставаться на Кавказѣ сколько ей угодно, не вызываетъ обратно, не надоѣдаетъ письмами, въ строкахъ которыхъ, какъ бывало раньше, сквозилъ укоръ и неудовольствіе. Она чувствовала себя какъ рыба въ водѣ, свободно бросая на всякія прихоти денегъ безъ счету, занятая нарядами, которые мѣняла по три раза въ день, довольная своей еще неотцвѣтшей наружностью, за которой тщательно ухаживала, тратя по два и по три часа на массажи тѣла и лица и на всякія притиранія. Она чувствовала себя помолодѣвшей, и ея настроеніе было еще радужнѣе.

Не имѣя дѣтей, никогда ни о комъ не заботясь, она, сама того не сознавая, жила только въ угоду себѣ. Происходила она изъ обѣднѣвшей дворянской семьи, окончила Московскій институтъ и вскорѣ вышла замужъ за Никиту Афанасьевича, сильно увлеченная его интересной наружностью, умѣньемъ независимо держать себя и широкими замашками знающаго себѣ цѣну богача и дѣльца. Характеръ у Елисаветы Ивановны былъ веселый и уживчивый, потому что она жила лишь для собственныхъ радостей, отстраняя съ пути все,

что могло этому мѣшать. По натурѣ, у нея было доброе сердце, но мало по малу, эта природная доброта стала, какъ бы, разсасываться подъ давленіемъ все болѣе и болѣе увеличивающагося эгоизма. Думать о существованіи чужого горя, чужихъ нуждъ — въ голову не приходило. Жизнь весело скользила, не вызывая никакихъ серьезныхъ запросовъ. Она не замѣтила того момента, въ который Никита Афанасьевичъ, съ дѣтства воспитанный на идеѣ труда, ищущій жизненнаго интереса въ постоянномъ движеніи впередъ, началъ относиться къ ней критически; сдѣлавъ шагъ въ сторону, постепенно уходилъ въ свою коммерческую жизнь съ ея широкими интересами, азартной игрой на милліоны и сознаніемъ своего превосходства и силы рядомъ съ лѣнивой и безсодержательной жизнью жены.

Въ то время, какъ въ сіяніи яркихъ солнечныхъ дней, среди веселья, смѣха, вина и поѣздокъ въ горы мелькали дни на Кавказѣ, Никита Афанасьевичъ былъ серьезно занятъ устройствомъ жизни Анны, поручивъ брату Григорію переговорить въ Москвѣ съ ея матерью. Братъ охотно взялъ на себя эту миссію, будучи весьма опытенъ во всѣхъ, подобнаго сорта, дѣлахъ.

Поднявшись на четвертый этажъ по темноватой узкой лѣстницѣ, пропитанной кухоннымъ чадомъ, Григорій Афанасьевичъ потянулъ ручку дребезжащаго звонка, поправилъ галстукъ и, улыбаясь своимъ лукавымъ мыслямъ, только что хотѣлъ повторить звонокъ, какъ услышалъ за дверью приближающіеся шаги въ туфляхъ и стукъ снятаго съ двери болта.

— Вамъ кого надо? — Любовь Петровна Суркова, въ простой ситцевой кофтѣ поверхъ

старенькой шерстяной юбки, съ болѣзненнымъ блѣднымъ незначительнымъ лицомъ, стоя на порогѣ, вытирала о передникъ руки.

— Я къ вамъ Любовь Петровна, проѣздомъ въ Петербургъ, зашелъ по одному дѣлу.

— Григорій Афанасьевичъ??... Батюшки, да я и вправду не узнала васъ. Пожалуйте, пожалуйте... простите за безпорядки... я стряпала. Пожалуйте вотъ сюда... Сейчасъ я передникъ сниму. Никакъ не ожидала васъ... — Любовь Петровна засуетилась, заволновалась неожиданному визиту никогда не посѣщавшаго ее богача. Она живо сбросила передникъ, оправила передъ косымъ зеркальцемъ рѣдкіе волосы, вытерла на сухо руки и вошла въ комнату, называвшуюся столовой и служившую для ѣды и работы.

— Ужъ не случилось ли, избави Господи, какой бѣды съ моей Анной? — встревожилась она.

— Анна здорова и благополучна. О ней я и пріѣхалъ, по порученію брата, переговорить съ вами, то есть увѣдомить васъ кое о чемъ пріятномъ. — Онъ положилъ шляпу на столъ, опустился на старенькій диванъ и закурилъ папиросу.

— Ужъ не замужъ ли за кого выходитъ?

— Дѣла ея такъ повернулись, что теперь и замужъ выйти ей будетъ не трудно. Словомъ, Никита Афанасьевичъ, оцѣнивъ ея серьезную дѣловитую натуру, пожелалъ устроить ея жизнь и обезпечилъ ее капиталомъ, чтобы дать возможность открыть выгодное дѣло. — Григорій Афанасьевичъ вкратцѣ разсказалъ объ участіи въ открываемомъ модномъ шляпномъ магазинѣ одной его знакомой француженки, съ которой Анна якобы и будетъ, на равныхъ началахъ, вести дѣло.

— Господи, да за что же этакое счастье Господь послалъ ей?! — со слезами благодарности воскликнула Любовь Петровна. — Сумѣетъ ли она оправдать къ себѣ довѣріе благодѣтеля? Вѣдь она, кромѣ бѣлья, ничего и не работала.

— Безпокоиться вамъ нечего. На первыхъ порахъ все дѣло возьметъ въ свои руки госпожа Коллетъ. Модели уже выписаны, нанято хорошее помѣщеніе, и ваша дочь переѣзжаетъ на дняхъ въ Петербургъ.

— Да чтожъ она мнѣ ни слова не написала? Какъ снѣгъ на голвву.

— А чтожъ ей было писать, пока не оформилось? Хлопотъ у нея сейчасъ не мало. Она просила меня передать вамъ этотъ пакетикъ: удѣлила изъ капитала, подареннаго ей братомъ на дѣло.

Любовь Петровна вспыхнула отъ неожиданной радости, не подозрѣвая, что деньги шли изъ кармана собесѣдника.

— Спасибо, Нюрочкѣ, что мать не забыла.

— Она скоро къ вамъ, на денекъ-другой, пріѣдетъ и сама все разскажетъ. Очень былъ радъ сообщить вамъ пріятную новость.

— Не знаю какъ благодарить васъ за вниманіе, а ужъ за Никиту Афанасьевича и Елисавету Ивановну будемъ, по гробъ, Богу молиться.

Григорій Афанасьевичъ, внутренно посмѣиваясь, ушелъ.

Развернувъ сложенныя кредитки, Любовь Петровна ахнула отъ радости, насчитавъ пять сторублевыхъ. Она была безгранично счастлива за дочь, ни минуты не сомнѣваясь въ истинно добрыхъ намѣреніяхъ Никиты Афанасьевича. Она была увѣрена, что деньги бы-

ли даны по настоянію его жены, которой Анна все же приходилась отдаленной родней.

Веселые дни на Кавказѣ быстро пролетѣли. Елисавета Ивановна, безъ особаго удовольствія, вернулась въ имѣніе на Волгу и, ради развлеченія, пригласила погостить Маріанну, которую знала еще мало, но чувствовала къ ней влеченіе за ея тихій нравъ и красоту. Маріанна рада была побыть вдали отъ нелюбимаго мужа; она стала смѣлѣе и разговорчивѣе и искренно полюбила Елисавету Ивановну за то, что та давала ей возможность безпрестанно ѣздить въ монастырь къ любимой матери Серафимѣ и даже провести тамъ нѣсколько дней.

За время своего пребыванія у Елисаветы Ивановны, Маріанна сильно сдружилась съ Ильей Афанасьевичемъ; его простая чистая душа была ей сродни. Они часто проводили вдвоемъ долгіе часы, спустившись по крутому берегу къ самой рѣкѣ подъ тѣнь плакучихъ ивъ. Забывая слѣдить не вздрагиваетъ ли натянутая леса, не клюетъ ли рыба, Маріанна, устремивъ вдаль прекрасные задумчивые и печальные глаза, разсказывала Ильѣ какъ съ самаго отрочества ее мучила мысль объ ужасныхъ страданіяхъ Христа, которыя она ясно представляла себѣ, подолгу глядя на большое Распятіе въ своей бѣдной деревенской церкви.

— Вотъ этакъ я все раздумывала про жизнь Христа, читала про жизнь угодниковъ и поняла, что какіе могутъ быть пиры да швырянье деньгами, коли во всемъ отчетъ надлежитъ дать Господу въ послѣдній часъ. Ужъ какъ я молила отца и мать не неволить меня и замужъ не отдавать, когда вся душа и сердце рвется въ обитель!—Она смахнула навернувшуюся слезу.

— Да, трудно тебѣ, милая. Хорошо понимаю, что трудно,—сочувственно поглядѣлъ на нее Илья.

— Ужъ такъ то тяжело, что и словъ не нахожу. Будь еще Григорій Афанасьевичъ вашего склада человѣкъ; все же мнѣ легче было бы. Что толку, что онъ псалтырь въ соборѣ читаетъ, а Евангеліе, Посланія Апостоловъ и псалмы на зубокъ знаетъ; жизнь то какую ведетъ?! Развѣ я не знаю! Про все наслышана. И сама теперь кое что подмѣчать стала, да молчу, потому какая я ему жена!.. Отпустилъ бы меня къ матери Серафимѣ и все тутъ, — заканчивала она всякіе разговоры одной и той же неотступно преслѣдовавшей ее мыслью. — Гляжу я на васъ, братецъ, и сдается мнѣ, что очень вы схожи мыслями и нравомъ съ сестрицей вашей матушкой Серафимой. Дивлюсь, какъ это вы, во слѣдъ ей, въ монастырь тоже не пошли?!

— Хотѣлъ, Маріаннушка, очень хотѣлъ и два раза совсѣмъ было уйти приготовился, да понялъ, что Господь мою жизнь на что то иное предназначилъ. Оба раза наканунѣ ухода, матушка внезапно расхворалась, едва отходили. У кровати ея, не раздѣваясь, первый разъ двѣ недѣли провелъ, а второй — больше трехъ. Въ жару, въ бреду была и то и дѣло повторяла: «охъ не отходи отъ меня Илюшенька.» Вотъ я и понялъ, что уходить мнѣ въ монастырь не слѣдуетъ и не знаю, какъ послужить Ему мнѣ предназначено. И тебѣ, Маріанна, не совѣтую тужить. Радуйся, что несешь крестъ для тебя труднѣйшій, чѣмъ бы несла его въ иночествѣ.

Такія бесѣды успокоительно дѣйствовали на Маріанну, вливали въ ея душу бодрость, примиряли со своей судьбой и съ нелюбимымъ

мужемъ, которому она начинала надоѣдать, и онъ, мало по малу, отходилъ отъ нея, возвращая себѣ прежнюю распущенную свободу.

Осенью Бурлаковы водворились на зимнее пребываніе въ свой городской домъ, гдѣ Елисавета Ивановна намѣревалась дать рядъ баловъ и обѣдовъ, на которые съѣзжалась губернская знать, во главѣ съ губернаторомъ и его семьей. Въ лицѣ Маріанны она нашла себѣ новое развлеченіе, рѣшивъ заняться ея воспитаніемъ, въ смыслѣ умѣнія держать себя въ салонѣ и принимать гостей. Однако, Маріанна, послѣ первыхъ же попытокъ со стороны Елисаветы Ивановны втянуть ее въ ненавистный ей міръ забавъ, ужиновъ, развлеченій и тряпокъ, дала рѣшительный отпоръ:

— Ужъ вы меня оставьте какъ я есть. Не стану я наряжаться и компанію вести съ вашими господами. Скучно мнѣ съ ними, словъ для разговора не нахожу. Не зовите меня, все равно я ѣздить не стану когда у васъ гости.

Елисаветѣ Ивановнѣ пришлось уступить, и она ограничилась дружбой и одинокими свиданіями со свояченицей.

— Что это за жизнь ты ведешь, Маріанна? Вѣчно одна, корпишь надъ какими то, никому не нужными, рукодѣліями или за чтеніемъ житія Святыхъ. Есть книги болѣе умныя и интересныя. Неужели тебѣ не скучно такъ жить?

— Не надо мнѣ другихъ книгъ. Я люблю эти. Конечно, скучно мнѣ жить, потому что мое мѣсто не въ міру, — грустно отвѣчала Маріанна.

Елисавета Ивановна, по прежнему была занята собой, своими выѣздами и пріемами, она сдружилась съ губернаторской семьей, которой была на руку расточительная, много

пожертвовавшая на благотворительныя учрежденія и базары «купчиха», какъ ее за глаза называла анемичная язвительная губернаторша. Она не обращала вниманія на то, что мужъ ея, все чаще и чаще, отлучался по какимъ то новымъ дѣламъ по нѣсколько недѣль сряду. Никогда не интересуясь дѣятельностью мужа, она привыкла принимать на вѣру все, что связывалось со словомъ дѣла.

— Да что это вы, душенька, опять одна. Я гдѣ же вашъ благовѣрный? Опять укатилъ?— спрашивала губернаторша. Елисавета Ивановна не замѣчала въ ея вопросахъ скрытой ироніи. Она не подозрѣвала, что въ городѣ уже многіе знали почему Никита Афанасьевичъ то и дѣло ѣздилъ въ столицу, и на кого онъ бросалъ крупныя суммы. Григорій Афанасьевичъ отъ удивленія разводилъ руками:

— Ну и ловкая особа. Кто бы подумать только могъ, что сумѣетъ къ рукамъ его прибрать. Никто Никиту обломать не умѣлъ; съ молоду всегда тугой и упрямый былъ, а эта дѣвченка крутитъ имъ какъ хочетъ. И форсу набралась какого! Командуетъ, и все тутъ.

Дѣствительно, произошло нѣчто совершенно неожиданное: Никита Афанасьевичъ, мало по малу, подпалъ подъ неограниченное вліяніе Анны, оказавшейся крайне деспотичной, жадной и настойчивой въ достиженіи намѣченной цѣли. Почувствовавъ подъ ногами почву, она быстро развернулась, выучилась командовать, забыла недавнюю бѣдность, признавала лишь право капитала, презирала всѣхъ, кто не имѣлъ своего выѣзда, раскошной обстановки и брилліантовъ. Черезъ француженку Коллетъ, она завела знакомства въ мірѣ опереточныхъ артистовъ и блестящаго полу-свѣта, гдѣ сумѣла завоевать себѣ, благодаря ужи-

намъ, туалетамъ, брилліантамъ, и не малой доли наглости, далеко не послѣднее мѣсто. Не смотря на жадность къ деньгамъ, она умѣла гдѣ надо швырнуть крупной суммой, умѣла ловко лгать, не стѣснялась, для собственной выгоды, очернить или сдѣлать зло. Съ Никитой Афанасьевичемъ вела ловкую, хорошо обдуманную игру. Онъ привязывался къ ней все сильнѣе и сильнѣе, не замѣчая скверныхъ чертъ ея вульгарной натуры. Безъ особаго труда, она добилась подарка прекрасно обставленнаго особняка на Каменностровскомъ проспектѣ и собственнаго выѣзда, не говоря о капиталѣ, положенномъ въ банкѣ на ея имя. Модный магазинъ, благодаря умѣнью и вкусу француженки, приносилъ хорошіе доходы; Анна поручила его исключительнымъ заботамъ Коллетъ, получала аккуратно свою долю, но совершенно имъ не занималась и не интересовалась, ибо намѣтила себѣ болѣе сложную и интересную цѣль — перевести въ свой карманъ возможно больше денегъ изъ кармана Никиты Афанасьевича, чтобы сказаться вполнѣ независимой и приступить къ самому для нея главному. Темныя силы были на ея сторонѣ.

Никита Афанасьевичъ, втайнѣ, страдалъ, что нѣтъ у него наслѣдника и некому будетъ передать налаженныя еще руками его отца крупныя дѣла по пароходству, экспорту товаровъ по Волгѣ и за границу и золотопромышленное дѣло. Большую роль въ охлажденіи къ женѣ была ея бездѣтность.

— Пропадетъ родъ Бурлаковыхъ! — безнадежно махалъ онъ рукой. — Помру безъ сына, безъ наслѣдника...

Къ веснѣ у Анны родился сынъ.

Никита Афанасьевичъ принялъ новорожденнаго на трясущіяся отъ волненія руки и,

впервые за многіе и многіе годы, прослезился.

— Сына подарила! Весь я теперь въ твоихъ рукахъ,— промолвилъ онъ, наклоняясь и цѣлуя въ лобъ слабую, блѣдную мать ребенка.

Анна поняла что творилось въ сердцѣ Никиты Афанасьевича, поняла, что отнынѣ ея власть надъ нимъ еще болѣе укрѣпилась.

На крестины, счастливый отецъ положилъ на имя сына своего Игоря сто тысячъ рублей. Съ этого дня, Анна стала обдумывать планъ, чтобы добиться самаго главнаго. Бояться ей было нечего, ибо и она, и ребенокъ были вполнѣ обезпечены, хотя и не въ той мѣрѣ, какъ жаждало ея ненасытное жадное сердце. Когда она убѣдилась, что въ существованіи Никиты Афанасьевича первое мѣсто занялъ его крошечный сынъ, она рѣшительно приступила къ выполненію плана, выразивъ желаніе пріѣхать съ малюткой погостить въ Симбирскъ, чтобы поближе быть къ Никитѣ Афанасьевичу.

— Да ты съ ума сошла?! Симбирскъ не Петербургъ: вмигъ всѣ узнаютъ и не оббершься скандала. Одна Елисавета Ивановна какого крика наведетъ.

Анна невозмутимо пожала плечами:

— До Елисаветы Ивановны мнѣ больше дѣла нѣтъ. Мать твоего ребенка я, значитъ твоя жена не она, а я.

Никита Афанасьевичъ уловилъ въ ея голосѣ незнакомыя ему до тѣхъ поръ упрямыя нотки.

— Ты отлично знаешь, что ты мнѣ ближе и дороже жены, зачѣмъ же скандалы подымать?!

— Я не хочу больше оставаться въ унизительной роли; передъ сыномъ своимъ не хочу

краснѣть. Или я, или она. Если мы тебѣ дороги, то требуй разводъ и женись на матери своего первенца и наслѣдника; если нѣтъ, я заберу сына и уѣду за границу. Станетъ подрастать, скажу, что его отецъ умеръ. Я хоть и молчу, а ты думаешь, мнѣ легко жить вдали отъ тебя, — солгала Анна. — Ужъ пусть такъ и было бы, но разъ у насъ есть сынъ, я ни за что не соглашусь больше на такую жизнь; Лучше въ могилу сойду отъ тоски по тебѣ.

Никита Афанасьевичъ глубоко задумался и много минутъ прошло, пока онъ снова заговорилъ.

— Чтожъ, ты права. Въ принципѣ, я съ тобой согласенъ, но какъ добиться отъ нея развода? Я предвижу, что она ни за что его не дастъ.

— Разумѣется, сразу не дастъ, а добиться можно. Прижми ее хорошенько, урѣзывай въ деньгахъ. Люби она тебя, ну тогда другое дѣло, а вся ея любовь однѣ тряпки, театры, да гости. Пріѣхала бы я въ Симбирскъ, вотъ и весь сказъ. Скандалъ ни скандалъ, а ужъ назадъ не повернуть, вотъ и начались бы переговоры.

— Нѣтъ, ужъ ты, пожалуйста, этихъ штукъ не затѣвай; не слѣдуетъ забывать, что губернаторъ, я и Григорій первыя лица въ губерніи и что не къ лицу мнѣ въ скандальныя исторіи попадать. Подожди, потерпи. Я обдумаю какъ и что и заговорю самъ съ Елисаветой Ивановной. Григорія настрочу: онъ поможетъ.

— Ты мнѣ это обѣщаешь?

— Даромъ словъ не трачу, — сама знаешь.

X.

Разговоръ съ Анной сильно взволновалъ Никиту Афанасьевича. Никогда еще она не говорила съ нимъ въ такомъ рѣшительномъ тонѣ о столь серьезномъ для него вопросѣ, никогда онъ не предполагалъ, что у нея можетъ родиться мысль разстаться съ нимъ. Въ тоже время, по нѣкоторымъ подмѣченнымь имъ чертамъ ея характера, онъ не сомнѣвался, что если она затѣяла этотъ разговоръ, то не задумается выполнить обѣщанное. Никита Афанасьевичъ не только любилъ, но и уважалъ ее за умѣнье скопить деньгу, за проявляемый ею большой интересъ къ его дѣламъ. Одѣвалась она и жила роскошно, но попусту денегъ не швыряла, всѣ расходы аккуратно записывала, не позволяла прислугѣ себя обворовывать и не разъ вызывала у него улыбку чрезмѣрной расчетливостью.

— Ладно, денегъ хватитъ; чего тамъ скупиться, — замѣчалъ онъ ей.

— Деньги не для того, чтобы ихъ безъ пользы бросать; я даромъ и полтинника не брошу.

Точный, логичный и разсудительный въ дѣлахъ Никита Афанасьевичъ совершенно не отдавалъ себѣ отчета, что хотя по другому, но внѣшняя жизнь Анны мало чѣмъ разнилась отъ жизни Елисаветы Ивановны, которой онъ ставилъ въ упрекъ безпорядочное швырянiе денегъ и бездѣлье. Хотя Анна и записывала всѣ расходы, хотя и не бросала даромъ и полтинника, зато тысячами и десятками тысячъ распоряжалась шутя, дабы онѣ переходили изъ кармана Никиты Афанасьевича въ ея владѣнiе. Быстро привыкшая къ роскоши, она ловко обставляла свой особнякъ на Каменно-

островскомъ изъ кармана Никиты Афанасьевича весьма цѣнными старинными вещами, стоимость которыхъ сама по себѣ составляла не малый капиталъ. Свое безразличное отношеніе къ модному магазину, который приносилъ не малые доходы въ умѣлыхъ рукахъ француженки, она называла своимъ «дѣломъ», принимая при этомъ озабоченно-серьезное выраженіе лица. Она имѣла свой выѣздъ, котораго у Елисаветы Ивановны никогда не было и, помимо всего этого, въ банкѣ на ея имя хранился крупный капиталъ, котораго у Елисаветы Ивановны тоже никогда не было. Никита Афанасьевичъ расцѣнивалъ жизнь и личность своей жены въ томъ невыгодномъ для нея свѣтѣ, въ которомъ Анна ему ихъ рисовала. То и дѣло возстанавливая его противъ жены, она добилась своего, вызвавъ у него острое раздраженіе ко всему, что имѣло къ ней соприкосновеніе. Анна ловко играла на его главной и самой чувствительной струнѣ: болѣзненно развитомъ самолюбіи и самомнѣніи.

У Никиты Афанасьевича развивалась сильная и нѣжная любовь къ малюткѣ сыну, въ которомъ онъ видѣлъ замѣстителя себѣ, помощника и утѣшеніе къ старости. Разстаться съ сыномъ онъ ни за что не смогъ бы. Его волновало и безпокоило малѣйшее недомоганіе малютки; не разъ онъ упрекалъ Анну, что та слишкомъ полагается на себя, что докторъ долженъ каждое утро навѣщать малютку, чтобы провѣрять мамку и ея уходъ. Никита Афанасьевичъ серьезно задумывался, не переселить ли мать съ ребенкомъ поближе къ себѣ, хотя бы въ Казань или Саратовъ, чтобы возможно было чаще навѣщать ихъ. Разговоръ съ Анной перевернулъ всѣ его мысли. Онъ

охотно передалъ бы ей всѣ законныя права жены, но какъ добиться этого, онъ не находилъ пути. Никакихъ нарушеній супружеской вѣрности онъ не усматривалъ за Елисаветой Ивановной, а разсчитывать на ея добровольное согласіе дать разводъ онъ ни въ какомъ случаѣ не могъ. Сильно озабоченный этими мыслями, онъ совѣтовался съ братомъ Григоріемъ. Тотъ только руками развелъ:

— Энъ, куда она стала гнуть! Ну, братъ, тутъ и чортъ ногу сломитъ. Развѣ Елисавета Ивановна на этакое пойдетъ?! Ни-ни! И думать брось. Кромѣ скандала ничего не получится. Отговори Анну затѣвать ссору попусту. Живетъ хорошо, беззаботно и ладно.

— Она не уступитъ. Изъ насъ двоихъ, говоритъ, я тебя люблю, а не Елисавета Ивановна. Чтожъ, это она права.

— Ну, братецъ ты мой, это еще бабушка на двое гадала, — лукаво усмѣхнулся Григорій. — Не говорилъ ли я тебѣ, оставь капиталы то на ея имя записывать. Вотъ и вышло на мое: чѣмъ теперь держать будешь? Коли заупрямится и впрямь куда-нибудь укатитъ, и за хвостъ теперь не поймаешь.

— Н-да, ты правъ былъ, — хмуро отозвался Никита Афанасьевичъ. Сколько онъ и Григорій не обдумывали, ничего найти не могли. Никита Афанасьевичъ не привыкъ чувствовать себя въ чьей-либо зависимости; создавшееся положеніе вещей его сильно раздражало, и онъ началъ срывать это раздраженіе на Елисаветѣ Ивановнѣ, считая ее главной виновницей запутавшагося клубка своей жизни. Изъ молчаливаго, онъ сталъ съ нею нетерпѣливъ, раздражителенъ и до крайности придирчивъ, находя всевозможныя упущенія или безпорядки въ домѣ, въ сервировкѣ стола,

въ недостаточно выдрессированной прислугѣ, въ скверномъ выборѣ винъ или въ однообразномъ меню. Не окончивъ обѣда, онъ швырялъ салфетку и уходилъ къ себѣ.

— Да что съ тобой творится, Никита? — Она подымала на него недоумѣвающій взглядъ, часто плакала, ѣздила въ монастырь жаловаться матери Серафимѣ, прося ее воздѣйствовать на брата.

Мать Серафима, зная свой авторитетъ въ семьѣ, вызвала его къ себѣ, ставъ на защиту Елисаветы Ивановны.

— Всякому надоѣстъ! — махнулъ онъ раздраженно рукой. — Ну какой отъ нея толкъ? Что она дѣлаетъ? Чѣмъ занята? Сорокъ лѣтъ стукнуло, а въ головѣ ничего не прибавилось. Тряпки да тряпки, вся жизнь—однѣ тряпки.

— Какая была, такая и осталась. Ничего новаго въ ней не вижу. Чтожъ ты спохватился вдругъ?! И себѣ, и ей напрасно жизнь портишь.

— Надоѣла она мнѣ. Говорить съ ней не о чемъ; глупа какъ утка.

— Береги семейный миръ. Пороху она не выдумала, а къ старости добрымъ и преданнымъ другомъ тебѣ останется.

— Эхъ, сестра, много ли ты понимаешь въ житейскихъ дѣлахъ, съ девятнадцати лѣтъ сидя за монастырской стѣной.

— Эхъ, Никита, жизнь черезъ какія хочешь стѣны перепрыгиваетъ. Отъ нея не укроешься. Сидя за стѣной, я людей не хуже тебя знаю. Елисавету твою всегда считала пустой и не большого ума женщиной, но въ ея привязанности къ тебѣ не сомнѣвалась никогда.

Никита Афанасьевичъ фыркнулъ носомъ:

— Ужъ коли писала въ письмахъ, что

мужъ ей надоѣлъ, такъ привязанности особой въ этомъ не вижу.

— Э, мало ли что языкъ иной разъ сболтнетъ по дурости. Кто это тебя противъ Елисаветы этакъ накалилъ? Не хорошо. Ты не больно-то поддавайся, а то, дьяволъ, и не оглянешься, какъ въ домъ войдетъ и жизнь твою по своему искалѣчитъ!

— Нѣтъ ужъ, сестра, про дьявола ты оставь. Ни въ какихъ чертей я не вѣрю. У самого голова есть на плечахъ.

Вскорѣ послѣ разговора съ матерью Серафимой, въ домѣ Никиты Афанасьевича неожиданно разразился первый ударъ надвигающейся грозы.

Намѣренно или боясь, что посланная телеграмма можетъ запоздать и не застать въ городской конторѣ Никиту Афанасьевича, Анна адресовала ему срочную телеграмму на домъ. Слуга подалъ ее во время обѣда.

«Игорикъ захворалъ. Температура высокая. Пріѣзжай поскорѣе. Анна».

Никита Афанасьевичъ измѣнился въ лицѣ, посмотрѣлъ на часы и стремительно сталъ допивать кофе.

— Скорѣе подать экипажъ, чтобы поспѣть къ курьерскому поѣзду, — отдалъ онъ приказаніе слугѣ.

— Что случилось, Никита? — встревожилась Елисавета Ивановна. — Какая нибудь непріятность?

— Дѣла,—нехотя бросилъ онъ.

— Ужъ конечно не забава, это я и сама понимаю. Неужели я не могу знать въ чемъ дѣло?!

— Некогда мнѣ разъясненіями заниматься, да и не къ чему.

Въ умѣ Никиты Афанасьевича впились

острыми клещами угрожающія слова «температура высокая». Ни о чемъ другомъ онъ въ эти минуты не могъ ни думать, ни говорить. Разспросы жены раздражали его до крайности.

— Однако, это становится совершенно невыносимо!—вспыхнула Елисавета Ивановна. — Съ нѣкоторыхъ поръ, ты относишься ко мнѣ хуже чѣмъ ко врагу. Скажи пожалуйста, чѣмъ это я такъ провинилась, что ты создаешь въ домѣ не жизнь, а какой то адъ Что ни скажу, что ни спрошу — все не такъ. Кромѣ рѣзкихъ словъ, я отъ тебя ничего ни слышу. Срываешься куда то ѣхать, поблѣднѣлъ, а я и спросить не смѣй. Что жъ это такое, наконецъ!

— А то, что ты мнѣ со своей глупостью, какъ кардонная кукла надоѣла, надоѣла и надоѣла, чортъ возьми!!!—загремѣлъ на всѣ комнаты Никита Афанасьевичъ, сорвался изъ за стола, со всего размаху швырнулъ стулъ и салфетку и, тяжело дыша, хлопнувъ со всей силы дверью, ушелъ къ себѣ, чтобы собраться въ дорогу. Вмѣстѣ со скомканной салфеткой полетѣла на полъ и телеграмма, забытая въ гнѣвной рукѣ.

Елисавета Ивановна, еле сдерживая слезы, подняла телеграмму, прочла, да такъ съ ней и осталась стоять, словно прикованная къ мѣсту. Слова, мысли запрыгали, закружились вихремъ. Сердце захолонуло. Она подняла брошенный мужемъ стулъ, опустилась на него и, не выпуская изъ рукъ телеграммы, силилась понять точный, кошмарный для нея смыслъ роковыхъ словъ. Безъ слезъ, съ измѣнившимся лицомъ она, не стучась, открыла дверь въ кабинетъ и прошла въ спальню мужа. Онъ стоялъ передъ зеркальнымъ шкапомъ, уже переодѣтый въ дорожный костюмъ и, вздрагивавшей рукой, какъ попало завязывалъ

галстухъ. Въ зеркальное отраженіе онъ увидѣлъ синій листокъ въ рукахъ жены. Ни одинъ мускулъ не дрогнулъ въ его лицѣ. Рядомъ съ тѣмъ что значилось въ этомъ листкѣ угрожающаго и самаго страшнаго, надвинувшаяся драма съ женой казалась ему малозначительной.

— Возьмите вашу телеграмму. Я ее прочла и требую полнаго разъясненія,—дрожащимъ голосомъ произнесла Елисавета Ивановна.

— Разъ вы прочли, то какого же вы хотите разъясненія?

— Этотъ Игорикъ... это кто же? А эта Анна?.. Неужели...

— Да, вы угадали. Анна — та самая Нюша, а ребенокъ—мой сынъ. Ну-съ, теперь сказано все. Черезъ десять минутъ я ѣду.

Елисавета Ивановна тяжело опустилась на кровать мужа и схватилась за голову.

— Но вѣдь это нѣчто кошмарное! Это чудовищно! И вы можете говорить мнѣ объ этомъ съ такимъ цинизмомъ! Или я съ ума схожу?!

Никита Афанасьевичъ, защелкнувъ замокъ несессера, круто повернулся къ ней.

— Послушайте, мой сынъ, мой единственный сынъ, котораго не вы мнѣ дали и который мнѣ дороже всего и всѣхъ — опасно боленъ. Сейчасъ, я ни о чемъ другомъ не могу думать. Дѣлайте и рѣшайте относительно себя какъ хотите. Пріѣду—переговоримъ.— Онъ надавилъ пуговку звонка и торопливо сунулъ въ карманъ чистый носовой платокъ. Вошелъ лакей съ готовымъ уложеннымъ чемоданомъ.

— Экипажъ поданъ? Ну, неси скорѣе. До свиданія, — бросилъ онъ Елисаветѣ Ивановнѣ, мимоходомъ пряча въ карманъ взятую у нея изъ рукъ телеграмму.

Вмѣсто предполагаемыхъ Никитой Афанасьевичемъ истерикъ, у Елисаветы Ивановны закипѣла въ сердцѣ страшная злоба и ненависть на «подлую дѣвчонку», которой она же, вопреки желаніямъ мужа, позволяла гостить въ своемъ домѣ, дарила ей платья, шляпки, костюмы и бѣлье, правда — ношенные, но все же такіе, какихъ та сроду не нашивала. Ея разсудокъ отказывался вѣрить тому, что самъ Никита Афанасьевичъ подтвердилъ съ такой холодной жестокостью. Не находя себѣ мѣста, Елисавета Ивановна металась по комнатѣ, громко сама съ собой гнѣвно разговаривая, угрожая Аннѣ, проклиная ее и ея ребенка. Какъ только вернулся со станціи экипажъ, она велѣла отвезти себя къ Григорію Афанасьевичу. Едва она вошла къ нему въ кабинетъ, нервы не выдержали: она разрыдалась, еле справляясь съ собой, чтобы связно передать происшедшее.

Григорій Афанасьевичъ сдѣлалъ изумленное лицо, качалъ головой, разводилъ руками.

— Ну и напасть!... Экая дѣвчонка ловкая!... Ничего уже тутъ, сестрица, не подѣлаешь. Коли сына она ему дала, тутъ ужъ весь сказъ, потому что о наслѣдникѣ онъ день и ночь мечталъ; тужилъ, зачѣмъ сына ты ему, Лизанька, не дала.

— При чемъ тутъ я?! Богъ не далъ... и хорошо что не далъ такому извергу.

— Отъ Бога то нашъ Никита далекъ; значитъ, во всемъ вину сложилъ на тебя. Теперь же, гдѣ сынъ, тамъ и его сердце. Ты и сама его знаешь: коли къ чему потянется, къ чорту на рога полѣзетъ, всѣхъ смететъ, а ужъ на своемъ постоитъ.

— Ну, такъ всѣ вы меня мало знаете. Въ такихъ случаяхъ, я себя въ обиду не дамъ.

Этой подлой развратной дѣвченкѣ, за всѣ мои благодѣянія всадившей мнѣ изъ за угла ножъ, я такого накажу, что она завопитъ... Будетъ знать, какъ чужихъ мужей сманивать! Для пакости этой она расхворалась, болящей прикинулась, чтобы одной съ нимъ остаться. Гадина, гадина!! Нашелъ красавицу! Этакая уродина косолапая! — Елисавета Ивановна, переставъ рыдать, вся загорѣлась отъ гнѣва. — Ты, пожалуйста, передай ему, что я буду мстить, и никуда онъ ее отъ меня не спрячетъ.

Григорій пробовалъ утихомирить, но вышло еще хуже. Елисавета Ивановна потеряла всякую выдержку, сорвалась съ мѣста, стала упрекать его въ потакательствѣ, угрожала учинить скандалъ на всю губернію.

На другое утро, она была у матери Серафимы. Старая монахиня пришла въ полное негодованіе.

— Вотъ она жизнь безъ страха Божьяго! Не говорила ли я тебѣ, Елисавета, что Никита безбожникъ, что ты должна была свою жизнь построже наладить, чтобы у него примѣръ твой передъ глазами былъ бы. Нѣтъ—нѣтъ, а серьезно задумался бы иной разъ, на тебя глядя. А то что онъ отъ тебя зналъ да видѣлъ: тряпки, гости, театры да ужины. Подъѣхала ловко эта дѣвченка, вотъ онъ и ушелъ. Охъ, не лежало къ ней мое сердце! Не разъ я подмѣчала, что не Богу молиться она къ намъ по воскресеньямъ ѣздила, а людей разглядывать, да шляпки тобой даренныя показывать. Ужъ поговорю, разумѣется, поговорю съ нимъ, какъ только пріѣдетъ. Должна вразумить, должна правду сказать. А только, чтожъ правда-то моя теперь поможетъ?! Грѣхъ сдѣланъ, и какой грѣхъ!—Монахиня поникла головой. На блѣдномъ строгомъ лицѣ отрази-

лись тѣни печальныхъ мыслей, которыя никогда не покидали ее.—Семейное это у насъ, Лизанька,—тихо промолвила она.—По мужской линіи пошло; Ильи только не коснулось. Братъ Петръ молодымъ сгорѣлъ отъ кутежей и жизни непотребной.—Мать Серафима умолкла, ничего не сказавъ о жизни отца, о его распутствахъ и самодурствѣ, извѣстныхъ въ свое время по всему округу. За то и простаивала мать Серафима на колѣняхъ до глубокой ночи передъ кивотомъ съ Образами, горячо творя молитву за отпущеніе грѣховъ душѣ усопшаго раба Афанасія и Петра и за прозрѣніе души и сердца и обращеніе ко Господу грѣшныхъ Его рабовъ Григорія и Никиты. Въ монастырской оградѣ, гдѣ царилъ полный покой, незамѣтно пролетали часы въ жаркой молитвѣ, орошенной слезами вѣры и упованія; тихо колебалось и потрескивало пламя въ алой лампадкѣ, слабо озаряя строгій ликъ монахини, ея блѣдныя сложенныя руки и черную длинную, по полу разметавшуюся, мантію.

— Не воюй, Лизанька, не угрожай ни ему, ни ей; толку отъ этого не будетъ, только хуже заостришь ихъ сердца. Возьми смиреніемъ и молитвой,—убѣдительно просила мать Серафима.

— Смириться передъ Нюшкой?! Передъ этой дрянной распутной дѣвченкой?! Ну ужъ нѣтъ, мать Серафима, этого отъ меня не жди!

— Не передъ ней, а передъ Господомъ. Испытаніе послано тебѣ Господомъ, передъ Нимъ и смирись.

— Нѣтъ во мнѣ такого монашескаго смиренія, и не хочу я его имѣть; не хочу, чтобы дрянная дѣвченка плевала бы мнѣ въ лицо, разрушивъ мое семейное счастье. Что бы тамъ

потомъ ни вышло, а я буду жестоко ей мстить.

— Предоставь Господу. Не мы судьи, ибо сами судимы. Охъ, Елисавета, не знаешь ты еще Бурлаковской крови, коли она загорится во гнѣвѣ. Не угрожай мужу, говорю я тебѣ, — не угрожай. Поговори, выскажи ему все что есть на сердцѣ обиды и отвернись отъ грѣха. Господь разберетъ и Самъ тебя защититъ...

Напрасно мать Серафима уговаривала Елисавету Ивановну. Ея сердце все болѣе и болѣе распалялось въ мысляхъ о нанесенномъ ей оскорбленiи. Когда, недѣлю спустя, вернулся домой Никита Афанасьевичъ, счастливый, что у ребенка не оказалось ничего серьезнаго, онъ сразу понялъ по сильно измѣнившемуся съ черствымъ взглядомъ лицу жены, что сладить съ ней будетъ не легко.

XI.

Еще до возвращенiя мужа, не находя ни минуты покоя, обдумывая сотни плановъ какъ бы получше наказать дерзкую соперницу—ту самую Нюшу, которую она ставила чуть-чуть выше своей горничной, Елисавета Ивановна, въ минуту взрыва злобы и негодованiя, написала Нюшиной матери заказное письмо, полное негодующихъ упрековъ. Къ ея величайшему огорченiю, письмо вернулось обратно съ помѣткой, что адресатъ полгода тому назадъ выѣхалъ, не оставивъ адреса. Елисавета Ивановна догадалась, что та переселилась къ своей дочери, и гнѣвъ ея еще болѣе распалился.

— Заговоръ, цѣлый заговоръ противъ меня!—въ негодованiи кричала она Григорiю

Афанасьевичу, требуя отъ него воздѣйствія на брата и активнаго вмѣшательства въ ея пользу.

— Я къ губернатору поѣду... Я сдѣлаю на всю губернію скандалъ!.. — шумѣла она, сверкая глазами, съ лицомъ покрытымъ красными пятнами.

Григорій Афанасьевичъ пожималъ плечами:

— Ну, — къ губернатору; ну, — скандалъ хоть на три губерніи, а дальше то что? Развѣ власти, хоть самъ Государь Императоръ, могутъ запретить нашему брату имѣть дѣтей на сторонѣ и давать деньги изъ собственнаго кармана не только одной, а хотя бы и десяти Нюшамъ сразу? Тутъ о себѣ подумать надо, а что безъ толку пожаръ-то раздувать! По моему, тебѣ только одно остается: коли такъ да этакъ, — пожалуй-ка мнѣ разводъ, отсыпь хорошій капиталецъ, и ну васъ обоихъ къ чорту. Ни знать, ни слышать о васъ больше не желаю.

— Что-о-о?! Разводъ?!.. Чтобы я разводъ дала?! Ну, нѣтъ, этого не будетъ! Не развожу я ему руки никогда. Онъ и жениться способенъ на этой дряни, благо что сынъ есть. Пусть остается незаконнымъ. Тоже дуру нашли! — она разсмѣялась злобнымъ истеричнымъ хохотомъ.

Григорій понялъ, что осѣкся и предупредилъ брата, что никакихъ надеждъ на разводъ быть не можетъ. Никита Афанасьевичъ ничего не отвѣтилъ. Во всѣхъ сложныхъ и трудныхъ случаяхъ жизни, его системой было упорное молчаніе.

Елисавета Ивановна, по пріѣздѣ мужа, приготовилась къ бурному объясненію. Но прошелъ день, другой и третій, а Никита Афанасьевичъ не только не искалъ ни-

какихъ разговоровъ, но даже и не обѣдалъ дома, возвращался послѣ полуночи, проходилъ прямо въ свою комнату, утромъ приказывалъ подавать кофе въ кабинетъ и затѣмъ уѣзжалъ въ контору. Елисавета Ивановна потеряла терпѣнье и, наконецъ, явилась къ нему въ кабинетъ, внѣ себя отъ раздраженія.

— Долго это будетъ такъ продолжаться?! Я требую, понимаете ли вы, я требую отъ васъ...

— Чего? — холодно перебилъ ее Никита Афанасьевичъ. — Опять объясненій? Какихъ? Вѣдь вы все знаете; что же вамъ еще нужно?

Елисавета Ивановна всплеснула руками, не находя словъ.

— Но вѣдь это же... Это же подлость!.. Нѣчто неслыханное!

— Что вамъ отъ меня угодно? — отчеканивая каждое слово, повысилъ онъ голосъ.

— Какъ что?! Въ мою жизнь, въ мою семью влѣзла эта подлая, развратная дѣвченка со своимъ змѣенышемъ, отняла отъ меня мужа, а вы спрашиваете что мнѣ угодно?! — завопила Елисавета Ивановна.

— Во первыхъ, вы не кричите, потому что ужъ если я закричу, то дѣло будетъ плохо; а во вторыхъ, никто отъ васъ мужа не отнималъ. Не отнимаютъ того, чего не надо. — Онъ вынулъ изъ стола письмо, адресованное когда то подругѣ, и съ серцемъ швырнулъ ей.

— Ахъ, какая подлость!.. Почему, какимъ образомъ это письмо у васъ очутилось?

— Это ужъ мое дѣло, — буркнулъ онъ,

— Позвольте... позвольте... Да не это ли письмо я въ Кисловодскѣ ей же дала, чтобы на почту снести? Ну да, конечно, это! Теперь я припоминаю, что Леля какого то письма не получила... Такъ вотъ для какихъ цѣлей она

въ Кисловодскъ тогда пожаловала. Поздравляю васъ, отъ души поздравляю съ выборомъ! И отъ этакой гадини у васъ сынъ?! Ну, и дрянь же изъ него получится! Воръ или мошенникъ.

— Вонъ!!! Вонъ отсюда... Чтобы духу вашего не было!! — Загремѣлъ на весь домъ сразу разъярившійся Никита Афанасьевичъ.

Елисавета Ивановна хотѣла протестовать, но в ту же секунду, со стола полетѣлъ изо всей силы брошенный въ нее тяжелый бронзовый подсвѣчникъ, который угодилъ бы ей въ голову, не успѣй она во время отклониться.

— Вонъ!.. Вонъ отсюда!.. — задыхаясь оралъ Никита Афанасьевичъ, съ налитыми кровью глазами, наступая на жену и потрясая конвульсивно сжатыми кулаками.

Въ кабинетъ вбѣжалъ Илья. Поблѣднѣвъ, не смѣя произнести ни слова, при видѣ разъяреннаго брата, онъ охватилъ Елисавету Ивановну за плечи и увелъ къ ней въ спальню. У него тряслись руки, пока онъ отпаивалъ холодной водой истерично рыдавшую Елисавету Ивановну. Свидѣтелемъ подобной же сцены былъ онъ, однажды, въ своемъ отрочествѣ, когда отецъ его чуть было ни убилъ мать за высказанное ему слово правды.

— Илья... Илья, голубчикъ!.. Что же это такое?! Меня же оскорбили, осрамили мой домъ, отняли мужа, и меня же онъ чуть было ни убилъ!.. — рыдала она на плечѣ тихаго, добраго, всегда ласковаго Ильи, ища у него опоры и защиты.

—Богомъ заклинаю тебя, Лизанька, не затѣвай съ нимъ подобныхъ ссоръ, потому что у него Бурлаковская кровь, и онъ коли вскипитъ, нипочемъ можетъ искалѣчить или убить человѣка.

— Пусть, пусть убьетъ! Въ Сибирь угонятъ; такъ имъ обоимъ и надо.

— А грѣхъ то какой?! Что ты, Лизанька, развѣ возможно на смертный грѣхъ человѣка толкать! Избави насъ, Господи, и помилуй.

— Что же мнѣ дѣлать?! Куда идти?! — ломала она руки.

—Терпѣть надо, ничего ужъ тутъ не подѣлаешь. Господь самъ разсудитъ.

— Не могу, не хочу я терпѣть!.. Будь что будетъ, а я ей отомщу, мерзавкѣ!..

Илья Афанасьевичь вызвалъ Маріанну, прося ее успокоить золовку, поговорить съ ней по душѣ, дать ей добрый совѣтъ отойти отъ совершившагося непоправимаго факта и не возобновлять безполезныхъ объясненій съ мужемъ, могущихъ кончится трагично.

Маріанна вмѣстѣ съ ней плакала, утѣшала и успокаивала, умолола терпѣть, какъ терпитъ она свою постылую жизнь.

— Анфисушка много страшныхъ вещей разсказывала мнѣ про старика Бурлакова. Узнавъ про ваше несчастіе, такъ прямо и сказала, что, окромя Ильи Афанасьевича, на сыновьяхъ проклятіе лежитъ за отцовскіе грѣхи. Намѣсто того, чтобы замаливать ихъ, они потакаютъ своей натурѣ и не смиряютъ въ себѣ отцовское наслѣдіе.

— А я терпи изъ за этого?!

— Что подѣлать, другого то намъ ничего не остается. Терпѣла Парасковья Ивановна, терплю я всякую пакость въ самомъ домѣ, да молчу, словно не вижу; придется и вамъ терпѣть. Вчерась, онъ у насъ былъ, долго съ Григорьемъ Афанасьевичемъ говорилъ. Сказывалъ ему, что еслибы вы на разводъ согласились, имѣнье бы вамъ передалъ, до смерти бы васъ обезпечилъ, чтобы ни въ чемъ не

нуждались и спокойно жили бы. Очень ужъ сына онъ полюбилъ. Для него и на разрывъ идетъ, чтобы узаконить.

— Послушай, Маріанна: передай отъ меня Григорію, что хотя бы Никита нищей меня сдѣлалъ, а развода я не дамъ ни за что.

— Да вѣдь я не уговариваю васъ. Я и не смыслю ничего въ этихъ дѣлахъ. Кабы у меня просили разводъ этотъ самый, я бы съ радостью дала, только бы отпустилъ меня. А вашего дѣла я не знаю; говорю, что отъ мужа слышала.

— Ну вотъ, ты ему и передай. Пусть помнятъ мое рѣшеніе.

Всѣ члены Бурлаковской семьи, кромѣ старушки Парасковьи Ивановны, переживали, въ связи съ разыгравшейся семейной катастрофой, тревожный годъ. По общему соглашенію было рѣшено ни въ какомъ случаѣ не посвящать старуху мать въ эту исторію, дабы не нарушать ея старческаго покоя.

Илья, Маріанна и мать Серафима были всецѣло на сторонѣ Елисаветы Ивановны, но не имѣли никакой возможности воздѣйствовать на Никиту Афанасьевича: къ матери Серафимѣ ѣздить онъ пересталъ; Маріанна и думать не смѣла высказать ему свое порицаніе, а брата Илью, попробовавшаго, однажды, заговорить съ нимъ о его несправедливомъ отношеніи къ женѣ, онъ рѣзко, глядя въ сторону, оборвалъ:

— Ужъ ты, пожалуйста, не суйся, Илья, въ эти дѣла. Самъ я знаю какъ мнѣ надо поступать. Коли Елисаветѣ Ивановнѣ не нравится ея положеніе въ домѣ, можетъ уходить. Скатертью дорога.

А положеніе Елисаветы Ивановны въ своемъ собственномъ домѣ становилось, дѣй-

ствительно, все болѣе и болѣе тягостнымъ. Не говоря о томъ, что Никита Афанасьевичъ по нѣсколько дней сряду, безо всякихъ предупрежденій, не являлся ни къ завтраку, ни къ обѣду, а если являлся, то сидѣлъ за столомъ сердитый, не произнося ни слова, не отвѣчая на вопросы, но и выдачу денегъ на ея личную жизнь онъ настолько сократилъ, что она начинала чувствовать сильное стѣсненіе въ расходахъ, которые раньше оплачивались безъ всякаго контроля и сколько бы не предъявлялось счетовъ. Не только пришлось отказаться отъ поѣздокъ за границу для закупокъ модныхъ нарядовъ, но не стало доставать денегъ и на уплату портнихѣ, на дорогіе духи, на всѣ тѣ прихоти роскошной жизни, къ которымъ она привыкла до того, что безъ нихъ жизнь ей стала казаться невыносимой. Зачастую, ей приходилось прибѣгать къ денежной помощи Маріанны или Ильи. Однажды, чтобы уплатить крупный счетъ портнихѣ и предвидя, что мужъ денегъ не дастъ, она продала знакомому ювелиру одну изъ своихъ многочисленныхъ брилліантовыхъ вещей. Никита Афанасьевичъ случайно узналъ и произошелъ крупнѣйшій скандалъ, закончившійся тѣмъ, что ея шкатулка съ драгоцѣнностями оказалась спрятанной у него подъ ключомъ.

— Я вамъ дарилъ брилліанты не для того, чтобы вы какъ торговка ихъ распродавали.

— Да вѣдь вы мнѣ денегъ не даете! — возмущалась Елисавета Ивановна.

— Разъ я вамъ надоѣлъ, такъ нечего вамъ со мною жить; а коли изъ упрямства на своемъ настаиваете, то довольствуйтесь тѣмъ, что имѣете, — послѣдовалъ желчный отвѣтъ.

Петербургская подруга снабжала Елисавету Ивановну всевозможными отрывочными свѣдѣніями о жизни Анны, про которую она знала стороной черезъ молодежь, посѣщавшую полусвѣтъ, рестораны и всякія увеселительныя заведенія, которыя та безпрестанно посѣщала. Однажды, подруга сообщила ей, что изъ окна отдѣльнаго кабинета въ ресторанѣ «Медвѣдь», она собственными глазами видѣла въ общемъ залѣ роскошно одѣтую Анну, ужинавшую съ ея мужемъ. Болѣе всего поразило ее, что у Анны на шеѣ было драгоцѣнное изумрудное колье точь въ точь такое, какъ было у Елисаветы Ивановны, притягивавшее къ себѣ взоры всей Кисловодской публики, когда онѣ тамъ вмѣстѣ веселились. Кромѣ того, она сообщала гдѣ то и кѣмъ то подхваченныя слова Анны, что якобы она до тѣхъ поръ будетъ прижимать жену Бурлакова, пока та не согласится на разводъ.

Елисавета Ивановна пришла въ настоящее бѣшенство и сейчасъ же написала подругѣ, умоляя ее узнать въ адресномъ столѣ точный адресъ Анны и сообщить ей.

XII.

Настало лѣто, такое жаркое, какого давно не помнили въ приволжскихъ губерніяхъ. Въ безпредѣльныхъ поляхъ, покрытыхъ зеленосеребристымъ колосомъ, стоялъ неподвижный зной. Дождь выпадалъ не часто, еле-еле въ пору, чтобы не началась засуха. Сухая земля жадно впитывала въ себя благодатную влагу мимолетно налетѣвшей грозовой тучи, сверкавшей синими стрѣлами молній, грохотавшей гулкими раскатами, проливавшейся дробнымъ

прямымъ дождемъ, стлавшагося по дорогѣ водяной пылью. Рябилась затуманившаяся гладь широкой рѣки Волги, еще ниже клонились надъ ней, вспугнутыя налетавшимъ вѣтромъ, вѣтви плакучей ивы. Просвѣтленная выплаканнымъ дождемъ, туча исчезала разорванными клочьями облаковъ гдѣ то далеко-далеко за Жигулевскими горами.

Маріанна, на все лѣто отпросилась у мужа гостить въ «Береговое» къ Елисаветѣ Ивановнѣ. По нѣсколько разъ въ день, она бѣгала подъ крутой откосъ берега, раздѣвалась въ густыхъ кустахъ ракитника и подолго плескалась въ прохладныхъ струяхъ быстрой рѣки. Даже Никита Афанасьевичъ, любившій во всемъ пунктуальность, не справлялся съ жарой и уѣзжалъ изъ конторы на часъ раньше, чтобы успѣть до обѣда искупаться и омыться отъ городской пыли. Онъ былъ доволенъ присутствію Маріанны, вносившей въ его домъ, ставшій до крайности унылымъ, красоту своей цвѣтущей молодости, тихую радость ласковыхъ глазъ и ровнаго спокойнаго настроенія. Онъ являлся къ обѣду, пахнувшій рѣчной свѣжестью, съ мокрыми волосами, въ бѣломъ свѣжемъ костюмѣ, съ лицомъ менѣе хмурымъ, съ привѣтливо протянутой для Маріанны рукой. Присутствіе Елисаветы Ивановны онъ, какъ бы, пересталъ замѣчать, обходя ее взглядомъ и разговоромъ, обращеннымъ то къ Маріаннѣ, то къ брату Ильѣ.

Елисавета Ивановна, всегда во власти мучительно и злобно ревнивыхъ мыслей, начала сильно страдать безсонницей, похудѣла, поблѣднѣла, часто жаловалась на недомоганіе, говорила Маріаннѣ, что если не поѣдетъ хоть на шесть недѣль куда нибудь подальше, отвлечься отъ невыносимой жизни дома, то на-

вѣрное серьезно расхворается. Маріанна обѣщала ей воспользоваться хорошимъ настроеніемъ Никиты Афанасьевича и въ первую же удобную минуту, выпросить у него денегъ на ея поѣздку.

Былъ день Петра и Павла. Маріанна прогостила цѣлую недѣлю въ монастырѣ у матери Серафимы. Вставая въ пять утра, съ радостнымъ сердцемъ распахивала настежь оконце своей временной кельи, выходившее въ густо-разросшійся монастырскій садъ. Съ Волги, протекавшей внизу за огородами, вѣяло утренней прохладой. Просыпались и, весело щебеча, начинали свой суетливый день всякія птички, которыхъ много гнѣздилось въ оградѣ монастыря; дозрѣвали на неподвижной вѣткѣ, усталой отъ долгаго зноя, темныя, словно кровью налитыя, вишни; наливались янтарьнымъ сокомъ желтыя большія сливы. А тамъ дальше, по склону къ рѣкѣ, облѣпляли вѣтви яблонь и грушъ еще зеленые плоды. Въ огородѣ, ровными грядками, зрѣла подъ тѣнью листковъ сочная громадная клубника; наливались крѣпко-желтыя дыни и зеленые арбузы; овощей всякихъ было насажено многое-множество.

Изъ окна, далеко былъ видѣнъ озолоченный утренней зарей, уступами спускавшійся до самой рѣки, монастырскій садъ взвращиваемый заботливыми руками молчаливыхъ черницъ. Шепча первую утреннюю молитву, Маріанна задерживалась передъ окномъ, а затѣмъ, неслышными шагами, съ тихимъ сердцемъ шла по длиннымъ сводчатымъ корридорамъ въ церковь; молчаливой толпой, стекались изъ своихъ келій монахини. Незамѣтно проходило время за чтеніемъ акафестовъ и псалмовъ, передъ началомъ обѣдни.

Весь день былъ разбитъ на часы для мо-

литвъ, работы въ саду и огородѣ, на шитье бѣлья монастырскаго и по заказу. Въ гладкомъ черномъ платьи, съ такой же косыночкой на волосахъ, Маріанна походила на послушницу, вызывая у старыхъ монахинь умиленіе своимъ кроткимъ нравомъ и простотой сердца.

Въ день Петра и Павла, въ монастырѣ была отслужена обычная заупокойная обѣдня по давно скончавшемся братѣ матери Серафимы — Петрѣ Бурлакову. Къ обѣднѣ пріѣхала Парасковья Ивановна съ Анфисушкой. Въ былые годы, когда ноги еще не ослабли, старуха ходила въ монастырь пѣшкомъ. Теперь же, проѣхавъ десять верстъ въ пролеткѣ, сильно устала и по нѣсколько разъ присаживалась на стулъ во время обѣдни.

Собрались всѣ, кромѣ Никиты и Григорія, уѣхавшимъ въ Астрахань по пароходнымъ и рыбнымъ дѣламъ.

Послѣзаупокойной обѣдни, вся семья оставалась завтракать въ покояхъ матери Серафимы. Для нея этотъ день былъ великой радостью, ибо престарѣлая Парасковья Ивановна лишь на Рождество, Пасху и въ Петровъ день покидала свой добровольный затворъ, чтобы отслушать обѣдню въ монастырѣ.

Ведя подъ руку въ свои покои все болѣе и болѣе ослабѣвающую старушку, мать Серафима съ сокрушеніемъ спрашивала себя, не въ послѣдній ли разъ видитъ она ее у себя въ монастырѣ.

Совершенно высохшая маленькая старушка, хотя и до крайности уже ослабѣвшая, держалась прямо и взлядъ ея былъ чистъ и ясенъ. Черная сборчатая вокругъ таліи юбка, широкая кофта и на головѣ черный же повойникъ оставались до конца дней неизмѣннымъ

костюмомъ, въ какомъ всѣ ее помнили смолоду. Ни нажитое старикомъ Бурлаковымъ крупное состояніе, ни пріѣзжавшіе на званные обѣды въ послѣдніе годы его жизни богачи купцы и другіе именитые гости не измѣнили ея привычку къ скромной одеждѣ, съ которой она вышла изъ родной деревенской семьи въ мужнинъ домъ. Какъ была такъ до старости и осталась.

— Ну вотъ, привелъ меня Господь еще разъ побывать въ твоей кельѣ, милая доченька моя,—опускаясь въ кресло у накрытаго къ завтраку стола, проговорила Парасковья Ивановна.—Никиты да Григорія нѣтути,—жалко... Можетъ, и въ послѣдній разъ этакъ-то вокругъ меня собрались въ твоей обители, — со слабой улыбкой на уставшемъ лицѣ проговорила она, проникая зоркимъ взглядомъ завѣсу близкаго дня своей кончины.

За трапезой, на которой присутствовалъ только что отслужившій обѣдню отецъ Павелъ, сидѣли всѣ чинно, говорили мало, предоставляя слово матери Серафимѣ и Парасковьѣ Ивановнѣ.

— Слышалъ я, матушка, что нонѣ у васъ на ягоды и всякіе фрукты богатѣйшій урожай,—обратился къ игуменьѣ старикъ священникъ.

— Столько ягодъ и всякихъ плодовъ Господь послалъ въ нашей оградѣ, что сколько ни варимъ, сколько ни раздаемъ и ни продаемъ, а все много. Для тебя, отецъ Павелъ, большущихъ двѣ банки малиноваго и земляничнаго варенья наварили. А ты, Анфисушка, пригляди, чтобы въ пролетку не позабыла бы мать-экономка ящикъ съ вареньями для маменьки поставить. Другой ящикъ братъ Илья ужо свезетъ.

— Балуешь ты меня—старуху, мать Серафима. А чтой-то Лизанька, ты такъ исхудала? И цвѣтъ на щекахъ пропалъ. Здорова ли? Скучная ты, какъ погляжу, стала. Безпремѣнно Никитѣ скажу, что плохо за тобой ходить сталъ.

— Ничего, маменька, я здорова, — безразличнымъ тономъ отозвалась Елисавета Ивановна.

— Меня не обманешь, Лизанька. Иная ты стала. Бѣды какой не приключилось ли у тебя?

— Нѣтъ, маменька.—Она опустила глаза и закусила губы, чувствуя подступившія къ горлу слезы.

— Парасковья Ивановна, гляньте-ко на Маріаннушку нашу: что твоя монашка въ косыночкѣ черной,—поспѣшила Анфиса отвлечь вниманіе. Илья и мать Серафима поддержали ее; но опытный и зоркій старческій глазъ отмѣтилъ, что съ Елисаветой Ивановной не все ладно.

Возвращаясь домой, ослабѣвшая отъ жары и усталости къ непривычному выѣзду, Парасковья Ивановна, припавъ къ плечу Анфисы, дремала.

— Анфисушка, а съ Лизанькой чтой то неладно,—очнувшись отъ дремоты, проговорила она.

— Кабы что серьезное было,—пожаловалась бы.

— Похуже серьезнаго у меня случалось, а нешто я жаловалась?! Бабье горе—что колодезь.

Елисавета Ивановна уѣхала домой вслѣдъ за свекровью и звала съ собой Маріанну, но та осталась еще на нѣсколько часовъ, чтобы побыть наединѣ съ матерью Серафимой; она

предпочитала прійти пѣшкомъ, когда начнетъ спадать жаръ. Маріанна любила далекія одинокія прогулки среди шопотовъ лѣса и простора полей, звенящихъ трелью жаворонка. Въ природѣ она чувствовала себя ближе къ Богу, ближе къ познанію Его воли.

Илья Афанасьевичъ былъ приглашенъ отцомъ Павломъ къ себѣ на имянинный пирогъ и уѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ въ его дребезжащей таратайкѣ, на днѣ которой оказались имянинные гостинцы отъ матери Серафимы: всякіе кульки и корзинки съ овощами, ягодами и вареньемъ.

— Ишь, матушка Игуменья сколько всего надарила мнѣ, дай ей Богъ здоровья,—одобрительно качалъ головой сѣдой священникъ, умащивая въ ногахъ кульки. Крѣпкая, низкорослая лошадка, бодро выкатила тарантасъ изъ монастырскихъ воротъ по пыльной пересохшей дорогѣ, залитой знойнымъ полуденнымъ солнцемъ. Еще зеленый, высоко поднявшійся колосъ стоялъ прямо и недвижно среди зноя подъ сине-безоблачнымъ небомъ, безъ малѣйшаго дуновенія вѣтерка.

— Экъ, солнце-то шпаритъ! Точно въ банѣ потомъ обливаешься.—Отецъ Павелъ опустилъ возжи, снялъ большую, похожую на колоколъ, затасканную соломенную шляпу и большимъ цвѣтнымъ ситцевымъ платкомъ сталъ обтирать потъ, обильно струившійся по лбу.

— Боюсь, кабы маменька въ этакую жару совсѣмъ не разслабла, ѣхавши по солнцепеку десять верстъ.

— Постарѣла, совсѣмъ постарѣла Парасковья Ивановна. Въ чемъ и душа только держится?! А духомъ бодра, Господь не оставляетъ. Тоже и мать Серафима въ маменьку пошла крѣпкимъ духомъ и свѣтлой головой.

По всей Волгѣ монастырь славится усердными молитвами, строгой жизнью и дѣлами милосердными. А тоже, какъ погляжу на нее, за этотъ годъ постарѣла маленько.

— Всѣмъ старѣть надо, отецъ Павелъ. И мы съ тобой не къ молодости продвигаемся. Чтожъ, пора и о покоѣ вѣчномъ подумать, довольно всего было. — Илья задумался. Умолкъ и отецъ Павелъ.

Когда начало вечерѣть, Маріанна, простившись съ матерью Серафимой, и всѣми любимыми монашками и послушницами вышла изъ монастырскихъ воротъ. Не сворачивая ближайшей узкой тропой, она направилась вдоль большой дороги, проложенной среди широкаго простора полей. Далеко-далеко чуть виднѣлись Жигули на фонѣ безоблачнаго горизонта. Синей сверкающей лентой окаймляла Волга крутой подъемъ, на которомъ раскинулся монастырь. Маріанна, отойдя съ полъ версты, остановилась, повернулась къ нему лицомъ и опечаленными глазами долго смотрѣла на его высокія бѣлыя стѣны, на золотые маковки церкви, мысленно проникая за ограду, въ уголки густого, тихаго сада, въ длинные гулкіе корридоры, бѣлой известью окрашенныя кельи и въ особенности остановилась мыслью въ пахнущей лампаднымъ масломъ и какими то травами кельѣ матери Игуменьи. Много, много добрыхъ мудрыхъ и назидательныхъ словъ пересказанно было ею въ бесѣдахъ съ Маріанной. Ни одного изъ нихъ Маріанна не забыла; всѣ свято сохранила въ мысляхъ и сердцѣ. Грустно ей было покидать тихій, желанный пріютъ, но сердце, послѣ бесѣдъ съ матерью Серафимой, не только смирялось, но и утѣшалось. Она нашла точку для полнаго

примиренія съ жизнью, которую избралъ для нея Господь.

Особенной яркой убѣжденностью звучали въ этотъ разъ слова матери Серафимы, упали въ самое сердце Маріанны и пустили ростки. Она возвращалась къ своей опостылѣвшей жизни, съ яснымъ сознаніемъ и пониманіемъ того, чего требуетъ отъ нея Господь. Въ центрѣ своей жизни она сдѣлала перестановку: на мѣсто себя и своей тоски, поставила нелюбимаго мужа. Нелюбовь къ нему замѣнилась чувствомъ жалости въ любви Христовой; той Любви, Которая на Крестѣ, сквозь капли крови, падавшей съ Чела и залѣплявшей измученныя распухшія вѣки, — бросала взоръ полный прощенія на сквернословящихъ, надсмѣхавшихся надъ Его муками — палачей.

Маріанна еще разъ пережила тихія бесѣды съ матерью Серафимой, вздохнула, перекрестила, припавъ лицомъ къ землѣ поцѣловала ее и пошла, озаряемая солнцемъ, среди шири и воли безбрежных полей, пошла по пути, озаренному ей Свыше.

XIII.

Никита Афанасьевичъ, благодаря порядку и удачѣ въ дѣлахъ, вернулся изъ Астрахани въ прекрасномъ настроеніи. Онъ собирался въ началѣ августа выписать Анну съ ребенкомъ въ Крымъ и самому пробыть съ ними недѣли двѣ-три. Анна все настойчивѣе требовала добиться развода, доказывая, что если онъ открыто поселится съ нею, представивъ женѣ самыя ограниченныя средства, то этимъ добьется ея согласіе на разводъ. Никиту Афанасьевича сильно тяготила его домаш-

няя сумрачная жизнь, тянуло къ весело пользующейся его благами Аннѣ и, въ особенности, къ сыну, который уже началъ ходить, что то лепеталъ, проявлялъ радость при видѣ отца, самъ тянулся къ нему и смѣялся. Сердца Никиты Афанасьевича наполнялось незнакомой ему до тѣхъ поръ умиленной нѣжностью. Онъ прижималъ къ своей мощной груди малютку сына, гладилъ его вьющіеся волосенки, приговаривая:

— Рости скорѣе, Игорикъ: отцу твоему помощника надо. — При этихъ словахъ, въ сердцѣ ныла тоска отъ сознанія, что любимаго сына онъ прячетъ отъ людей, не смѣетъ похвастаться, не смѣетъ вынести къ нимъ на своихъ рукахъ.

Никита Афанасьевичъ обдумывалъ планъ, какъ бы ему поселиться съ новой семьей, не вызывая со стороны жены неизбѣжнаго скандала. Поѣздкой въ Крымъ и открытымъ съ ней пребываніемъ онъ предполагалъ сдѣлать первый шагъ къ выполненію дальнѣйшаго. Обстоятельства складывались удачно, ибо Маріанна свое обѣщаніе выполнила и Никита Афанасьевичъ передалъ женѣ приличную сумму, съ указаніемъ ѣхать на два мѣсяца за границу.

Елисавета Ивановна несказанно обрадовалась, ибо эта поѣздка давала ей возможность заѣхать въ Петербургъ, чтобы выполнить давно созрѣвшее рѣшеніе увидѣть Анну и бросить ей въ лицо все накопившееся къ ней презрѣніе и ненависть.

Мать Серафима и Парасковья Ивановна никогда не одобрявшія разъѣзды Елисаветы Ивановны то за границу, то на русскіе курорты врозь отъ мужа, на этотъ разъ порицанія не выразили. Парасковья отнеслась да-

же сочувственно и была особенно ласкова, когда та пріѣхала проститься съ ней.

— Ну чтожъ, Лизанька, съѣзди, погуляй немного. Итакъ то ты скучная какая то стала; и не узнать тебя. Не забижаетъ ли тебя Никита? Тоже вѣдь нравомъ въ отца пошелъ.

— Не безпокойтесь обо мнѣ, маменька; ничего нѣтъ особеннаго, — отводя въ сторону глаза, отвѣтила Елисавета Ивановна. Она какъ и всѣ близко знавшіе старушку и ея трудную, терпѣливую и праведную жизнь со старикомъ Бурлаковымъ, искренно любили и уважали ее, тѣмъ болѣе, что старуха была всегда привѣтлива и ласкова съ ней. Если, въ первые годы ея замужества, пробовала ее наставлять и выговаривать, то дѣлала это мягко, съ явнымъ доброжелательствомъ.

— И къ чему это ты, Лизанька, расфуфыриваешься этакъ то? — говаривала она. — Нешто въ сотенныхъ нарядахъ возможно за хозяйствомъ самой доглядывать? Коли все на руки челяди сдашь, воровство у тебя въ домѣ пойдетъ и безпорядокъ. Вѣдь мы, Лизанька, не изъ дворянскаго сословія, и въ крови нашей барства нету-ти. Никита съ измальства отцомъ пріученъ былъ къ порядку и чтобы, значитъ, въ домѣ строгость была. Пока-что, онъ молчитъ, а потомъ тебя же попрекнетъ за мотовство и бездѣлье. Ты не гляди, что сейчасъ онъ тебя ублажаетъ. Попривыкнетъ, такъ иначе заговоритъ. Ты не сердись на меня за правду. Я не со зла или ревности какой; я отъ сердца, отъ любви предупредить хочу, потому что жизнь вдоль и поперекъ знаю.

Парасковья Ивановна, озабоченная грустнымъ видомъ снохи, обратилась за разъясненіемъ къ Маріаннѣ:

— Ну-ка, Маріаннушка, скажи мнѣ по секрету, чтой-то дѣется съ нашей Лизанькой? Куда и смѣхъ, и веселость, и весь разговоръ пропалъ? Допрежъ, пройдетъ бывало, тараторитъ, смѣется, нарядами похваляется, а нынче и не узнать совсѣмъ. Ужъ не приключилась ли ссора какой съ мужемъ? Ты скажи мнѣ правду: я хоть и стара, а съумѣю съ сыномъ поговорить; напомню ему кой что изъ молодыхъ годовъ... Ну-тка, скажи, милая.

— Охо-хо.. Спаси, Господи, сохрани и помилуй, — во весь ротъ зѣвнула Анфисушка и, крестя открытый ротъ, незамѣтно многозначительно покивала Маріаннѣ пальцемъ, остерегая ее отъ ненужныхъ словъ, могущихъ лишить послѣдняго покоя уже недолгіе дни Парасковьи Ивановны.

— Лизанька мнѣ ничего не говорила. Знаю только, что очень больная охота ей была съѣздить куда нибудь въ Крымъ, али тамъ за границу Никита Афанасьевичъ разрѣшилъ; она повеселѣетъ должно бы.

— Раньше то ѣздила безъ особыхъ разрѣшеній, съ чего же это прижимать ее сталъ? Пусть бы ѣхала, коли въ привычку вошло. Въ дворянскомъ сословіи это у нихъ водится, чтобы безъ мужа отлучаться по гостямъ? У насъ и въ заводѣ этого нѣтъ, да она и лучше. Пусть самъ ѣздитъ, коли надобность есть, а наше бабье дѣло знай дома свой сторожить, да за хозяйствомъ смотрѣть.

Когда прошло девять — часъ, въ который Парасковья Ивановна удалялась въ молельню, Маріанна поднялась. Старуха остановила ее за руку:

— Вотъ тебѣ завѣтъ мой, Маріаннушка; и тебѣ, и матери Серафимѣ тоже сказала: не давайте въ обиду Лизаньку, коли избави Богъ,

Никита станетъ забижать. Ты хоть и смиренная, а сила въ тебѣ большая, Лизанька же совсѣмъ слабая; ее оставлять безъ подержки никакъ нельзя. Берегите ее и словомъ и любовью, въ случаѣ чего, оградите.

— Слушаю-съ, маменька.

— То-то, попомни, Маріаннушка, мое слово. Не долго ужъ мнѣ съ вами то быть.

— Я попомню, маменька, ни за что не забуду; вы не сомнѣвайтесь, — твердо проговорила она, уходя.

— Глупый-то, глупый нашъ Григорій! Этакое сокровище Господь ему послалъ, а онъ цѣнить не умѣетъ, — сокрушенно покачала старуха головой.

— Куда ужъ тамъ цѣнить! — отозвалась Анфисушка, прибирая на столѣ, крытомъ вязанной скатертью, старыя, разбухшія, пожелтѣвшія карты. — Нисколько не стѣсняется со всякими дѣвицами и пѣвичками время проводить, вино съ ними по ресторанамъ пить и деньгами задаривать. Грѣховодникъ! Какъ былъ, такъ и остался.

— Поговорю ка я съ нимъ; усовѣщу быть можетъ.

— Нечего вамъ и начинать этихъ разговоровъ. Въ одно ухо входитъ, въ другое выходитъ, то, се, пятое, десятое.

Анфисушка знала, что говорила, ибо не разъ пробовала стыдить Григорія Афанасьевича, указывая ему на годы, на положеніе, и на то, что срамитъ грѣховодствомъ свое имя по всей губерніи.

— Ладно — ладно, Анфисушка, — посмѣивался онъ, — и не такіе еще грѣхи милліонами прикрываются.

— А что твои милліоны передъ Богомъ. Не Онъ ли далъ тебѣ ихъ? Не предъ милліо-

нами будешь отвѣтъ держать то, се, пятое, десятое, а передъ Нимъ — вѣчнымъ Судіей.

— Господь грѣшниковъ любитъ. Самъ же грѣшу, самъ же и каюсь.

— А къ чему Господу покаяніе твое, коли напередъ знаешь, что отъ саблазновъ ни на волосокъ не отойдешь?! Не сердцемъ каешься ты, грѣховодникъ, а словами пустыми. Маменька, да сестрица мать Серафима колѣни до крови простаиваютъ, испрашивая у Господа прощенія для васъ и покаянія въ грѣхахъ, а тебѣ нипочемъ. Для чего и въ церковь то ходишь, Апостола читаешь всенародно?!

— Для того и въ церковь хожу, и Апостола читаю, чтобы усердіе мое Господу показать, — поддразнивалъ, хихикая, Григорій.

— А изъ церкви — въ рестораны съ дѣвицами?! Эхъ ты, Григорій Афанасьевичъ, то, се, пятое, десятое... стыдись, ей Богу, стыдись!

Пріемъ отшучиваться отъ всего, что было непріятно или неудобно Григорію Афанасьевичу, былъ хорошо извѣстенъ не только въ его семьѣ, но и людямъ, имѣвшимъ съ нимъ дѣла. Онъ очень рѣдко выходилъ изъ себя и терялъ равновѣсіе, умѣя шуточками отвлечь непріятный разговоръ, не отвѣтить прямо на заданный вопросъ. Въ дѣлахъ онъ скользилъ какъ угорь, никогда ни съ кѣмъ не ссорясь и умѣя сохранять за собой самую выгодную позицію, а потому былъ извѣстенъ какъ весьма талантливый дѣлецъ и коммерсантъ. Во всѣхъ жизненныхъ вопросахъ онъ ни передъ чѣмъ не останавливался, ради угожденія самому себѣ и, подобно брату Никитѣ, не признавалъ никакихъ авторитетовъ, кромѣ авторитетной силы милліоновъ. Онъ дѣлалъ видъ, что держитъ себя всторонѣ отъ семейнаго разлада брата, а потому никому и въ голову не приходило, что

первые шаги Нюшиной новой жизни были налажены съ его помощью, что онъ былъ тайнымъ повѣреннымъ и брата, и Анны, которую навѣщалъ, наѣзжая въ Петербургъ и просаживалъ не мало денегъ на кутежи въ ея роскошномъ домѣ.

— Ну, и Анна Петровна твоя! — разводилъ онъ передъ братомъ руками, послѣ цѣлой серіи длительныхъ кутежей. — Этакихъ бабъ, скажу тебѣ, я и не встрѣчалъ въ моей жизни. Командиръ, да и все! Хочешь, — не хочешь, а по ея стрункѣ запляшешь. И кто бы могъ думать, что такая въ ней сила скрывалась?! А ужъ мальченку твоего и словъ хвалить не достанетъ. Крѣпышъ, быстрый, умный.

— Узаконить бы скорѣе! — вздыхалъ Никита.

— Потерпи; не нищіе, а коли деньги есть, такъ своего добьешься.

XIV.

Съ лихорадочной поспѣшностью принялась Елисавета Ивановна за сборы. Маша, свидѣтельница перваго Нюшинаго коварнаго шага, всецѣло сочувствовавшая своей барынѣ, полная негодованія на «энтакую мерзавку и проходимку», не мало растравляла больную рану при сборахъ въ отъѣздъ.

— Давненько сундуковъ-то я вамъ, барыня, не укладывала. А только сборы то ужъ не тѣ! Платьевъ то, платьевъ шелковыхъ заграничных, бывало, не знаешь куда ихъ класть. А всякихъ шалей, да кружевныхъ юбокъ, да манто! Нонѣ, пойди, у мерзавки и не оберешься нарядовъ да шелковъ. Помню, вотъ энтотъ

самый халатъ вашъ вздряпала на себя, да такъ и полѣзла внизъ...

— Ахъ, Маша, оставь, довольно!.. — Елисавета Ивановна, съ болѣзненнымъ выраженіемъ лица, прижимала къ вискамъ дрожащіе пальцы. — Погоди, прійдетъ время, она еще напляшется у меня... Никита Афанасьевичъ одумается и пойметъ какую змѣю у груди пригрѣлъ.

— Вѣстимо, поймутъ; какъ не понять!

— Онъ воображаетъ, что она его любитъ, а ей деньги его нужны. Вытянетъ съ полъ милліона, а то и весь милліонъ и броситъ; это ужъ какъ пить дать.

— Вѣстимо, броситъ; безпремѣнно броситъ, — вѣрнымъ эхомъ подтверждала Маша.

Ночь наканунѣ отъѣзда, Елисавета Ивановна провела безъ сна: ее взяло сомнѣніе, благоразумно ли съ ея стороны уѣзжать за границу, зная чего добивается ея соперница; благоразумно ли своимъ отсутствіемъ предоставлять мужу еще большую свободу отлучаться изъ дому — чтобы проводить съ ней дни. Въ то же время, она съ горечью сознавала, что отлучки эти и безъ того становились все болѣе и болѣе продолжительными, и помѣшать имъ она не въ силахъ: мужъ не привыкъ давать ей отчета въ своихъ поѣздкахъ, когда онѣ были чисто дѣлового характера, ибо она явно не интересовалась ни дѣлами, ни поѣздками, связанными съ ними. Слѣдовательно, ей и теперь не оставалось ничего иного кромѣ молчанія. Свой протестъ она рѣшила выявить свиданіемъ съ Анной. Но тайный голосъ нашоптывалъ тревогу. Она призвала Машу и взяла съ нея слово, что если бы та узнала что нибудь новое про барина и эту мерзавку, она медлененно дастъ ей телеграмму, которую

ей напишетъ казачекъ, состоявшiй въ полномъ подчиненiи у Маши, за ея веселый характеръ и смазливое лицо. Денегъ на телеграмму было оставлено такъ много, что Маша, съ благодарной улыбкой, припала къ барыниной рукѣ.

Одновременно съ ненавистью и злобой къ Аннѣ, у Елисаветы Ивановны было тайное любопытство увидѣть ее, узнать какъ она живетъ и провѣрить слухи о ея, якобы, роскошномъ особнякѣ. Она представляла себѣ, какъ войдетъ къ ней, встрѣтитъ мать, наговоритъ имъ самыхъ оскорбительныхъ словъ и пригрозитъ жалобой самому Государю черезъ свои связи съ губернаторомъ. Она наивно воображала себѣ Анну и ея мать все еще полныхъ почтенiя къ ея особѣ и къ ея влiянiю среди губернской аристократiи.

Прiѣхавъ въ Петербургъ и занявъ въ гостиницѣ номеръ, не давъ себѣ времени хорошенько отдохнуть послѣ дороги, Елисавета Ивановна съ особой тщательностю приступила къ своему туалету. Ея женское самолюбiе не допускало, чтобы замѣтили какую-нибудь перемѣну въ ея наружности или, что еще обиднѣе, въ ея манерѣ красиво одѣваться. Вся въ черномъ шелку, съ густой вуалеткой на лицѣ, Елисавета Ивановна, съ сильно бьющимся сердцемъ наняла хорошаго извозчика къ дому, адресъ котораго ей давно былъ присланъ подругой. Мысленно повторяя давно составленную громовую обличительную рѣчь, она не замѣтила, какъ выѣхала на набережную, какъ переѣхала мостъ.

Извозчикъ остановился подлѣ сѣраго двухэтажнаго особняка. Она позвонила и почувствовала такое сердцебiенiе, что должна была схватиться за ручку двери. Открылъ молодой лакей.

— Барыня дома?

— Дома-съ.

— Доложи, что я пріѣхала съ порученіемъ отъ Никиты Афанасьевича. — Она рѣшительно прошла мимо лакея и поднялась по ступенямъ, крытымъ дорогимъ ковромъ.

Нарядный туалетъ, гордый видъ и небрежно сунутый ему въ руку пятирублевый золотой, внушили бывалому, не мало видѣвшему всякихъ господъ, лакею уваженіе къ настоящей барынѣ, и онъ почтительно провелъ ее черезъ залъ въ гостиную, обставленную съ такой роскошью, какой не бывало ни въ ея, ни въ домѣ Григорія Афанасьевича. Елисавета Ивановна глазамъ своимъ не вѣрила. Подобной роскоши она и предположить не могла въ связи съ именемъ Нюши, выросшей въ бѣдности, донашивавшей ненужныя ей, вышедшія изъ моды блузки, костюмы и шляпки.

— Вотъ куда уходять деньги и брилліанты отъ меня отнимаемые!.. Вотъ какъ она его обираетъ!.. — Волна остраго ревниваго негодованія залила сердце злобой и негодованіемъ. Бронза, позолота, лѣпные потолки, тяжелый штофъ, обюссоны — все спуталось въ гнѣвномъ протестѣ незаслуженной обиды.

Откинулся тяжелый штофъ портьеры и вошла Анна. Елисавета Ивановна впилась въ нее глазами. Анна была неузнаваема въ стильномъ, послѣдней парижской моды домашнемъ туалетѣ изъ сѣро-голубого крепъ-де-шина, съ великолѣпной ниткой жемчуга на шеѣ, съ руками украшенными кольцами и браслетами. Ни одна мелочь не ускользнула отъ устремленныхъ на нее сквозь вуалетку глазъ.

— Вы отъ Никиты Афанасьевича? — вѣжливо спросила Анна, не сразу узнавъ стоявшую за свѣтомъ нарядную даму.

Елисавета Ивановна подошла къ ней и, неожиданно для самой себя, вмѣсто приготовленной рѣчи, задыхаясь отъ подступившаго неудержимаго гнѣва, выкрикнула сдавленнымъ голосомъ:

— Подлая, продажная тварь!... Какъ змѣя влѣзла въ домъ, чтобы сманить чужого мужа... Тебѣ, нищей, милліоновъ захотѣлось!... Мерзавка!...

Анна въ изумленіи отступила, но узнавъ Елисавету Ивановну, поблѣднѣла, надмѣнно подняла голову и, съ презрительной усмѣшкой, нѣсколько минутъ смотрѣла на нее.

— Перестаньте ругаться и уходите, а то я лакея позову, — наконецъ, перебила она все наростающій потокъ гнѣвныхъ выкриковъ.

— Лакея позовешь?! Ахъ ты, лакейская душонка!— Елисавета Ивановна, потерявъ всякую выдержку, не помня себя, размахнулась и дважды ударила Анну по лицу. Въ ту же секунду, изъ сосѣдней комнаты вбѣжала, съ испуганнымъ лицомъ, мать Анны и, защищая дочь, бросилась между ней и Елисаветой Ивановной.

— Господи, да чтожъ это за скандалъ вы затѣяли!... Прошу васъ, Елисавета Ивановна, уходите... Ахъ, срамота какая!!!

— И вы туда же полѣзли, сударыни! Погодите, я васъ обѣихъ проучу, я покажу вамъ, что значитъ сманивать изъ за денегъ чужихъ мужей! Это еще только начало! — Елисавета Ивановна, гнѣвно потрясая цвѣтнымъ зонтикомъ, круто повернулась и пошла къ двери, у которой показался лакей. На секунду она задержалась:

— Когда пріѣдетъ Никита Афанасьевичъ, можешь сказать ему, что тутъ была его супруга Елисавета Ивановна и дала двѣ оплеухи

его содержанкѣ, которой я же благодѣтельствовала.

Лакей почтительно поклонился, сдерживая веселую усмѣшку.

Елисавета Ивановна напрасно думала, что она облегчитъ себя, изливъ на Анну свой гнѣвъ. Случилось обратное: убѣдившись воочію, въ какой роскошной обстановкѣ она жила, какъ эта новая жизнь измѣнила ея внѣшность, побывавъ въ домѣ, въ которомъ ея мужъ свилъ себѣ новое гнѣздо, — Елисавета Ивановна впервые почувствовала непоправимость совершившагося, поняла, что рухнули сваи всего прошлаго, что ее отбросили какъ ненужную вещь, что мужъ для нея потерянъ навсегда. И только въ этотъ ужасный моментъ, она поняла, всѣмъ сердцемъ почувствовала, что любовь къ мужу еще цѣла, что за всѣмъ гнѣвомъ, за всей обидой пряталась неизжившая себя привязанность, связанная съ привычкой, что въ письмѣ къ пріятельницѣ была написана пустая фраза минутнаго настроенія, капризъ избалованной жизнью женщины. Да, конечно, она любила этого замкнутаго, сильнаго человѣва, увѣреннаго въ себѣ и своей удачѣ, спокойно бросающаго на биржу милліонныя дѣла, знающаго себѣ цѣну, не боящагося жизни. Елисавета Ивановна вдругъ поняла, что внѣ его окружности, она ничто; что ея вѣсъ, вліяніе, блескъ и беззаботно-радостная жизнь исходили только отъ него и что подсознательно — она цѣнила именно это, а не его милліоны и любила его, хотя легкомысленно-эгоистичной, но вѣрной любовью.

Выплыло и грозно остановилось передъ ней страшное слово — непоправимость.

Холодное тупое отчаяніе съ этой минуты овладѣло ея душой.

Нѣсколько дней она провела въ Петербургѣ, то безцѣльно бродя по Набережной и Лѣтнему саду, то сидя у себя въ номерѣ.

Ей пришла была въ голову мысль вернуться домой, броситься къ мужу, разсказать о своихъ страданіяхъ, о томъ, что она всегда любила и любитъ его; но всталъ образъ Анны съ ея увѣренной наглой усмѣшкой, выведшей ее изъ равновѣсія, вспомнила, что отъ этой женщины у него сынъ, котораго онъ нѣжно любитъ; стало ясно, что безполезно все, что бы она ни говорила, что бы ни дѣлала.

Въ состояніи полнѣйшаго отчаянія, она уѣхала въ тихій уголокъ Тироля, что бы подальше отъ людей плакать надъ своимъ горемъ.

XV.

Анна, никакъ не ожидавшая со стороны всегда спокойной Елисаветы Ивановны такихъ рѣшительныхъ дѣйствій, сперва оробѣла, но едва та скрылась за тяжелымъ штофомъ гостинной портьеры, какъ она сразу пришла въ себя, и пуская ей вослѣдъ цѣлый каскадъ отборной брани, рванулась, чтобы нагнать ее и отплатить тѣмъ же, но мать удержала ее:

— Оставь ее; видишь, она совсѣмъ взбѣсилась. И безъ того, сраму и скандалу довольно. Развѣ я не говорила тебѣ что она еще дастъ о себѣ знать. Покажи, Нюша, глазъ. Посмотрите, пожалуйста, что надѣлала! Это она кольцомъ угодила. Поскорѣй, примочку положи.

— Ужъ я ей отплачу!... Такъ отплачу, что наплачется она у меня!... Сейчасъ же Никитѣ Афанасьевичу напишу, что если не укротитъ

эту дуру, я плюну на него, заберу Игоря и пусть тогда мечется. — Пересыпая свои слова бранью, разъяренная Анна сразу сдѣлалась такой же вульгарной, какой была два года тому назадъ.

— Онъ то чѣмъ виноватъ? — заступилась мать. — Развѣ ее удержишь? Законъ то на ея сторонѣ.

— Плевать мнѣ на всѣ законы! Деньги на его сторонѣ, такъ что жъ онъ смотритъ!

— А родню то его ты забыла?

— Это кого же: старую мумію мать, сестру монахиню, да безгласнаго Илью? Дѣйствительно, есть чего трусить! Будь Григорій Афанасьевичъ на ихъ сторонѣ, ну это пожалуй сила, потому что деньгами могъ бы эту дѣвушку снабжать, а безъ его поддержки она нуль и плевокъ.

— Да положи ты, Нюрочка, компрессъ на лицо. Посмотри, какое пятно выступило; вѣдь вечеромъ гости будутъ.

— Ахъ, отстаньте вы отъ меня, мама, съ этимъ компрессомъ! Дайте обдумать какъ мнѣ теперь быть. Самое лучшее, ужъ не покатить ли мнѣ въ Симбирскъ, прямо въ имѣніе и тамъ закатить ей хорошій скандалъ.

— Вотъ ужъ тогда все дѣло и проиграешь, потому что Никита Афанасьевичъ до страсти самолюбивъ и не проститъ тебѣ, что его имя уронишь передъ всѣмъ городомъ. Всего лучше, выпиши его сюда и, безо всякаго скандала, разскажи ка ему про эту дерзость и насиліе. Обратись, такъ сказать, къ его защитѣ. Вотъ это такъ ужъ навѣрное на него подѣйствуетъ.

Совѣта матери Анна послушала, и результаты его были блестящіе. Никита Афанасьевичъ окончательно соскользнулъ съ плоскости

справедливаго и логичнаго отношенія къ женѣ. На этотъ разъ, гнѣвъ его вылился въ обычной формѣ несдержанныхъ словъ, громовыхъ криковъ и швырянія что попадетъ подъ руку; плотно сжавъ тонкія губы, сдвинувъ брови, замкнувъ въ себѣ наростающую волну гнѣва, онъ молча выслушалъ разсказъ Анны, рисующій появленіе его жены и происшедшую сцену въ болѣе сгущенныхъ краскахъ, чѣмъ это было на самомъ дѣлѣ.

— Ты понимаешь, что послѣ нанесеннаго мнѣ оскорбленія, да еще на глазахъ прислуги, ты долженъ поступить энергично. Или я, или она. Больше я ждать не желаю. Переѣзжай въ Петербургъ и живи со мной и съ сыномъ.

— А дѣла? Развѣ я могу все бросить къ чорту?! Я связанъ дѣлами по всей Волгѣ. Дай мнѣ хладнокровно обдумать. Этотъ вопросъ будетъ ликвидированъ.

— А до тѣхъ поръ, эта дура преспокойно будетъ за границей веселиться и торжествовать?

— Ну, и пусть, чортъ ее побери, веселится, пока въ кулакъ не сожму, — раздраженно повысилъ онъ голосъ. — Говорю тебѣ, черезъ мѣсяца полтора все налажу. Тѣмъ лучше, что за границей сейчасъ сидитъ. Потомъ наплачется. Анна поняла, что онъ достаточно накаленъ и, на время, успокоилась. Въ первыхъ числахъ августа, взявъ сына, няньку и горничную, она уѣхала въ Ялту, занявъ самыя дорогія комнаты въ гостиницѣ «Россія», гдѣ, въ былое время, останавливалась Елисавета Ивановна. Вскорѣ, пріѣхалъ Никита Афанасьевичъ. Пренебрегая всякой осторожностью, они показывались всюду вмѣстѣ. Анна притягивала къ себѣ вниманіе публики слишкомъ дорогими, яркимя туалетами и излишнимъ количествомъ

брилліантовъ. Фамилія волжскихъ милліонеровъ Бурлаковыхъ была слишкомъ многимъ извѣстна; то и дѣло раскланивались съ Никитой Афанасьевичемъ, подходили, говорили о дѣлахъ, подсиживались къ столику въ паркѣ во время ужина, всегда обильно поливаемаго шампанскимъ; знакомились съ Анной, говорили ей дешевые комплименты, чтобы быть пріятными дѣльцу милліонеру. Совершенно забывъ свое двусмысленное положеніе, она набиралась еще больше увѣренности въ самой себѣ, своихъ словахъ и поступкахъ. Милліоны неуклонно дѣлали свое дѣло, все сильнѣе развращая ея натуру, отъ рожденія предрасположенную ко злу. Не разъ, въ тишинѣ ночныхъ думъ ей приходило въголову:

— Отравить бы эту дуру какъ нибудь, чтобы съ пути убрать? Путается подъ ногами, мѣшаетъ жить... — Но для такого опаснаго шага нуженъ былъ вѣрный, хорошо закупленный сообщникъ, найти котораго было невозможно за дальности разстоянія. Приходилось ждать.

Къ концу пребыванія въ Ялтѣ, Анна заявила Никитѣ Афанасьевичу во время одного веселаго ужина, послѣ многихъ бокаловъ шампанскаго:

— Ну, Никита, ужъ какъ тамъ хочешь, а я больше не хочу жить врозь съ тобой. И не подумаю. Куда ты отсюда, туда и мы съ Игорикомъ.

— Я ѣду прямо въ Симбирскъ.

— Значитъ, и мы въ Симбирскъ, — задорно посмѣиваясь, рѣшила она.

— Ну, прекрасно. А куда же именно? Жить то гдѣ будешь?

— Какъ гдѣ? Въ «Береговомъ».

— Тамъ братъ Илья. Онъ тихій-то тихій, а въ томъ, что касается семейныхъ принци-

повъ съ нимъ не сговориться. Передъ носомъ закроетъ дверь и не пуститъ. Я его хорошо знаю.—Никита Афанасьевичъ улыбнулся, и въ этой улыбкѣ Анна прочла скрытое одобреніе и уваженіе къ брату.

— Ну ужъ, мямля этотъ?—предварительно повела она плечомъ.

— Тихій онъ, довѣрчивый, но не мямля. Былъ одинъ случай такой, въ моей ранней молодости я былъ свидѣтелемъ, какъ Илья всталъ на защиту матери передъ разбушевавшимся отцомъ, и тотъ спасовалъ. Нѣтъ, Илья не мямля, ты его не знаешь.

— Коли такъ, значитъ прямо въ городской домъ. Твоя «законная» пусть въ «Береговомъ» зимой сидитъ. Просидитъ зиму, распухнетъ отъ скуки и уступитъ.

— А скандала не боишься?

— Какой скандалъ? Въ городѣ давнымъ-давно всѣ знаютъ, что она въ отставкѣ, и что ты со мной. Григорій Афанасьевичъ еще недавно говорилъ мнѣ, что губернаторша намекнула ему, что знаетъ, для кого ты въ Петербургъ то и дѣло ѣздишь. Твоя «законная» навѣрное сама же и разсказываетъ. Какой же скандалъ? Поговорятъ, посудачатъ, привыкнутъ и успокоятся. А тамъ и на ужины пріѣзжать станутъ,—усмѣхнулась она.

— Ну, это ужъ врядъ ли.

— Такъ значитъ ладно?.. Я ѣду? Поставимъ точку и конецъ всему.

Онъ помолчалъ, подумалъ.

— Чтожъ, можетъ и такъ.

Благодаря привѣтливымъ рѣчамъ и улыбкамъ, которыя ей дарили встрѣчавшіе Никиту Афанасьевича дѣльцы и знакомые, Анна потеряла сознаніе своего истиннаго положенія и вообразила, что стоитъ ей появиться въ его

домѣ во всемъ блескѣ дорогихъ нарядовъ и подаренныхъ имъ бриллiантовъ и жемчуговъ, какъ побѣда окажется на ея сторонѣ, и всѣ двери гостинныхъ, о которыхъ она такъ жадно мечтала, раскроются передъ ней; въ нихъ она будетъ встрѣчать ненавистную ей Елисавету Ивановну, будетъ затмѣвать ее блескомъ своей особы и презрительно смѣривать съ головы до ногъ.

Никита Афанасьевичъ, въ первый же вечеръ по возвращенiи своемъ въ Симбирскъ, имѣлъ съ братомъ Григорiемъ длительное совѣщанiе. Узнавъ принятое Анной рѣшенiе, у Григорiя весело заблестѣли глаза.

— Ну, и бой-баба! Ничего вѣдь не боится! —Онъ хихикалъ и потиралъ ладони отъ удовольствiя. Его занимала и веселила мысль предстоящаго неминуемаго скандала, когда вернется Елисавета Ивановна, забавляла перспектива толковъ, которые зажужжатъ среди городскихъ дамъ.

Никита Афанасьевичъ относился глубже и серьезнѣе къ этому вопросу. Его очень безпокоила мысль о могущемъ произойти скандалѣ; онъ не терпѣлъ для себя положенiй, которыя могли бы дискредитировать его общественный вѣсъ.

— Ты какъ же все таки думаешь: ѣхать ей сюда или нѣтъ?

— Коли не боится, что Елисавета Ивановна глаза ей выцарапаетъ, почему же и не прiѣхать. Ты только остерегись на вокзалѣ показываться. Карету вышли, будто молъ, за Елисаветой Ивановной. Мать то Серафима совсѣмъ осерчаетъ; Анфиска тоже точить будетъ, безъ этого не обойдется. Поѣздъ къ вечеру приходитъ, оно и лучше. А ужъ что дальше будетъ, когда Елисавета Ивановна

проявится, — отгадать трудно! — Григорій хихикнулъ и потеръ руки:

— Ей Богу, скучно было бы жить безъ бабъ! Веселую штучку придумала твоя Анна Петровна, пошли ей за это Богъ здоровья.

Никита Афанасьевичъ, привыкшій во всемъ къ большой осторожности, предпочелъ телеграммы не давать, дабы не было никакихъ вещественныхъ доказательствъ о взаимномъ соглашеніи относительно ея пріѣзда. Онъ былъ увѣренъ, что она не измѣнитъ своего рѣшенія и не ошибся, ибо въ означенный день получилъ телеграфное извѣщеніе о ея выѣздѣ вмѣстѣ съ ребенкомъ, няней и горничной.

Анна была раздражена, что Никита Афанасьевичъ не вызвалъ ее телеграммой, и тѣмъ рѣшительнѣе были ея дѣйствія.

«Довольно канитель тянули,—писала она матери.—Не стану больше терпѣть глумленій со стороны его «законной». Выѣзжаю въ Симбирскъ, поселюсь въ его домѣ. Коли начнетъ артачиться или мямлить, продамъ мой особнякъ, переведу всѣ деньги за границу, уѣду и покончу съ нимъ всякіе разговоры, потому что мнѣ начинаетъ надоѣдать такое положеніе»...

Поѣздъ пришелъ къ вечеру. Публики на вокзалѣ было не особенно много и потому крупная нарядная фигура Анны въ сопровожденіи двухъ прислугъ и малютки въ бѣломъ роскошномъ костюмчикѣ, сразу обратили на себя вниманіе. Проходя черезъ ресторанный залъ, гдѣ весело обѣдала группа инженеровъ, она намѣренно громко говорила, обращаясь то къ нянькѣ, то къ горничной и успѣла бросить въ сторону веселаго стола быстрый вызывающій взглядъ. Одинъ изъ инженеровъ подозвалъ лакея, велѣлъ ему идти вслѣдъ за

неизвѣстной городу барыней и подслушать въ какую гостинницу будетъ нанятъ извозчикъ.

Выйдя изъ дверей вокзала, Анна обратилась къ носильщику, приказавъ ему вызвать высланную за ней карету Никиты Афанасьевича Бурлакова. Кучеръ Семенъ, веселый и смѣтливый парень, освѣдомленный черезъ горничную Машу для кого баринъ то и дѣло въ Питеръ отлучаются, сразу смекнулъ въ чемъ дѣло и, ухмыляясь, перегнувшись съ козелъ кареты, подсоблялъ носильщику втиснуть къ своимъ ногамъ увѣсистый чемоданъ.

— Ладно, за сундукомъ отдѣльно пришлютъ экипажъ. Куда ѣхать прикажете?

— Какъ куда? Къ Никитѣ Афанасьевичу на Губернаторскую улицу. Ты что же спрашиваешь? Развѣ тебѣ не отдано приказа?—Удивилась Анна.

— Такъ что я, значитъ, не понялъ,—оскаблился Семенъ напередъ забавляясь тѣмъ же, что съ нетерпѣніемъ поджидалъ и Григорій Афанасьевичъ.

— Ужо пріѣдетъ барыня, пойдетъ въ домѣ кутерьма,—трогая возжи, подумалъ онъ.

Лакей вокзальнаго ресторана доложилъ инженерамъ, что за незнакомой барыней была прислана Бурлаковская Никиты Афанасьевича карета. Къ утру слѣдующаго дня, въ городѣ уже многіе знали о неизвѣстной гостьѣ съ ребенкомъ и двумя прислугами.

Анна, поднявшись по лѣстницѣ хорошо знакомаго ей дома, гдѣ она не разъ гащивала зимой вмѣстѣ съ матерью въ отведенныхъ ей далекихъ комнатахъ, встрѣтила у дверей въ залъ поджидавшаго ее Никиту Афанасьевича.

— Это что же такое значитъ? И телеграммы не выслалъ и самъ на вокзалъ не

явился! — раздраженно обиженнымъ тономъ обратилась она.

— Прежде всего — здравствуй. Давайте мнѣ этого бутуза. Ну, хорошо доѣхалъ? Спать хочешь? Ахъ ты, молодецъ! Пойдемъ-ка, я снесу тебя въ твою комнату. Покушаешь и на боковую, братецъ... — Никита Афанасьевичъ, не отвѣчая на вопросъ Анны, понесъ сына въ приготовленную для него дѣтскую.

Анна поняла, что никакихъ измѣненій въ настроеніяхъ Никиты Афанасьевича не произошло, а потому сразу успокоилась и повеселѣла. Ее покоробило, что роскошная спальня Елисаветы Ивановны оказалась запертой, и ей были отведены другіе покои.

— Не опережай событій. Ты знаешь, что я этого не люблю, — на сдѣланное ею о комнатахъ замѣчаніе, остановилъ ее Никита Афанасьевичъ. — Какъ дѣлаю, такъ, слѣдовательно, и надо. На то и мозги даны, чтобы каждое положеніе обдумать.

Вошли въ столовую, гдѣ былъ приготовленъ ужинъ. Онъ указалъ ей на мѣсто хозяйки.

— Садись. Навѣрное проголодалась.

Наливъ вино, онъ чокнулся съ ней и улыбнулся уже знакомой Аннѣ улыбкой, красившей его строгое лицо.

— Ну вотъ: пріѣхала, значитъ, и конецъ. Точку поставили.

XVI.

Не прошло и трехъ дней, какъ весь городъ заговорилъ о пріѣздѣ Анны и водвореніи ея въ городскомъ домѣ Никиты Бурлакова. Мать Серафима, узнавъ объ этомъ отъ брата Ильи,

сурово покачала головой и не произнесла ни слова. Что могла она сдѣлать? Какъ могла повліять на брата, очень рѣдко навѣщавшаго ее и называвшимъ монашество тихимъ умопомѣшательствомъ. Илья кинулся было къ брату въ контору, помѣщавшуюся въ нижнемъ этажѣ его дома, но едва онъ вошелъ, Никита Афанасьевичъ отгадалъ по его взволнованному виду о чемъ онъ будетъ говорить и предупредилъ его, не давъ вымолвить и слова:

— Я знаю съ чѣмъ ты пришелъ. Прошу оставить меня въ покоѣ. Я не малолѣтній и не нуждаюсь ни въ чьихъ совѣтахъ. Передай это, на всякій случай и сестрѣ. Пусть молится со своими монахинями и творитъ добрыя дѣла, а въ мірскую жизнь вмѣшиваться ей нечего.

На этотъ разъ Илья, не обращая вниманія на рѣзкій тонъ и холодный взглядъ, началъ было горячо доказывать ему жестокость его поведенія по отношенію жены и наглость Нюшинаго поступка.

— Убирайтесь вы всѣ къ чорту съ вашими нравоученіями!! — грянулъ могучій голосъ Никиты Афанасьевича. Шагнувъ къ двери, онъ такъ хлопнулъ ею, что отозвалось въ верхнемъ этажѣ.

Илья отправился къ Григорію, надѣясь что тотъ найдетъ способъ урезонить брата, чтобы до возвращенія Елисаветы Ивановны сплавить Анну обратно въ Петербургъ.

— Въ этакія дѣла я не вмѣшиваюсь, — замахалъ Григорій руками.—Какой я ему судья и совѣтчикъ по сердечнымъ дѣламъ. Мало у меня своихъ всякихъ заботъ и хлопотъ, чтобы еще съ Никитой браниться. Пусть дѣлаетъ какъ хочетъ. Вотъ Елисавета пріѣдетъ, такъ она задастъ имъ перцу, а мое дѣло—сторона.

На ея мѣстѣ, я бы давно разводъ далъ. Чего она тоже кобенится? Бабье упрямство. Вотъ и дождалась, что вторая семья въ ея же домѣ расположилась.

— Срамота, на всю губернію скандалъ,— возмущался Илья.

— Кому скандалъ, а кому и потѣха, — хихикнулъ Григорій.

Маріанна ничего еще не знала, когда утромъ прибѣжала къ нимъ на кухню Маша, пріѣхавшая изъ «Берегового», гдѣ она ожидала возвращенія своей госпожи. Она просила провести ее къ Маріаннѣ Макаровнѣ по оченно даже нужному дѣлу.

Маріанна, какъ всегда скромно одѣтая, безо всякихъ украшеній, съ гладкой прической на проборъ, дѣлавшій ея красивое лицо еще болѣе милымъ и нѣжнымъ, сидѣла у себя въ комнатѣ, занятая шитьемъ бѣлья изъ тонкаго голландскаго полотна: занятіе, надъ которымъ Григорій посмѣивался. Однако, теплое чувство шевелилось въ его сердцѣ, когда онъ видѣлъ кроткую голову своей жены, склоненную надъ работой его бѣлья.

Маша, захлебываясь, перескакивая съ одной мысли на другую, разсказала ей о водвореній Анны въ домѣ Никиты Афанасьевича и о наказѣ Елисаветы Ивановны, данномъ ей передъ отъѣздомъ. Она не знала какъ ей поступить, боясь «баринова гнѣва, если они, не приведи Господи, узнаютъ, что я носъ свой сунула».

Маріанна, не вѣря своимъ ушамъ, выронила изъ рукъ работу и, опасаясь, чтобы кто нибудь ни услышалъ, прошла къ дверямъ и прикрыла ихъ. Большой сибирскій котъ, недовольный, что пришлось спрыгнуть съ угрѣтаго

мѣстечка на колѣняхъ любимой госпожи, изогнувъ спину и мурлыча, стоялъ среди комнаты.

— Можетъ ли это быть Маша?! Не наплелъ ли тебѣ кто нибудь?! Вчера весь вечеръ я у маменьки просидѣла, и Анфисушка хоть бы словомъ намекнула. Жаловалась, что маменьку всю ночь клопы безпокоили, а про это ни слова.

— Значитъ, не дошло еще до нихъ. Безпремѣнно сегодня или завтра узнаетъ. Какъ же быть то намъ? Оповѣстить барыню али молчать?

— Надо сперва провѣрить правда ли это. Спрошу-ка я у Григорія Афанасьевича, какъ только онъ вернется. Не вѣрится мнѣ, чтобъ она такую дерзость себѣ позволила.

— Нечего вамъ, Маріанна Макаровна, у супруга вашего справляться коли вся дворня знаетъ. Семенъ собственной особой въ каретѣ съ вокзала везъ. Все какъ есть подробно и разсказалъ мнѣ. Мальчонка, говоритъ, нарядный и весь въ Никиту Афанасьевича. И няньку, и горничную съ собой привезла. А сама то распренарядная и форсу очченно, говоритъ, набралась. Прямо и не узнать совсѣмъ какъ раньше то пріѣзжала, да съ барынинаго плеча кофточки носила.

— Подожди, Маша, совсѣмъ я голову потеряла. Этакую женѣ обиду допустилъ Никита Афанасьевичъ! Вѣдь Елисавета Ивановна все же ему жена законная, а не какая нибудь. Вотъ ужъ грѣхъ, такъ грѣхъ,

Маріанна склонила голову и задумалась. Ея кроткое лицо приняло строгое, сосредоточенное выраженіе.

— Вотъ что, Машенька: вернись-ка поскорѣе въ «Береговое» и скажи Ильѣ Афанасьевичу, что по важному дѣлу прошу его сегодня

же ко мнѣ пріѣхать. Скажи, что дѣло спѣшное и, значитъ, къ нему личное. Пусть прямо ко мнѣ въ комнаты идетъ. Охъ, встревожилась я! Надо съ нимъ посовѣтоваться, — онъ разумный; а ты, Машенька, лучше помалкивай: не слѣдъ тебѣ въ это дѣло путаться — только бѣды наживешь.

— Такъ то и я думала. Спасибо вамъ, Маріанна Макаровна, за добрый совѣтъ. Я мигомъ, домой ворочусь; сказывали, что поваренокъ Никиты Афанасьевича за дынями, да за овощами въ «Береговое» идетъ; такъ я къ нему на бричку то и примощусь.

Маша убѣжала, шурша крахмальными юбками. Маріанна сѣла на прежнее мѣсто и опять взялась за работу, но иголка не такъ проворно мелькала въ ея пальцахъ: отвлекали печальныя мысли, жаль было невѣстки и стыдно за Никиту Афанасьевича, къ которому у нея было хорошее чувство. Она считала его добрѣе и прямѣе своего мужа, не было въ немъ циничной распущенности брата; несмотря на его суровую внѣшность, она давно отгадала въ его характерѣ нѣкоторую слабость подъ вліяніемъ женской воли. Анну она видѣла всего нѣсколько разъ, хотя мало говорила съ ней, но она ей сразу же очень не понравилась. Вспоминая ея наблюдательные взгляды, осторожно бросаемые изподлобья, ея скупые, тоже осторожные отвѣты, Маріаннѣ стало ясно, подъ чьимъ вліяніемъ Никита Афанасьевичъ проявлялъ къ женѣ все большее и большее раздраженіе и, наконецъ, допустилъ подобное оскорбленіе. Она не могла себѣ представить, какъ будетъ на это реагировать Елисавета Ивановна.

— Охъ, не наложила бы рукъ на себя! Некому и вступиться за нее, — со страхомъ

думала Маріанна и спрашивала себя знаетъ ли ея мужъ о пріѣздѣ Анны, и если знаетъ, почему молчитъ. На него она не надѣялась, ибо знала, что съ Никитой Афанасьевичемъ онъ друженъ и связамъ крупнѣйшими дѣловыми предпріятіями а потому предпочтетъ стоять всторонѣ.

— Можетъ, и самъ подсоблялъ!... — мелькнула у нея горькая мысль.

Илья пріѣхалъ задолго до обѣденнаго часа. Чтобы никто не помѣшалъ разговору, ушли въ садъ, хорошо содержанный, густой, тѣнистый, занимавшій большую площадь позади дома. Григорій Афанасьевичъ не любилъ жить въ деревнѣ и ѣздилъ лишь на короткіе сроки въ свое доходное имѣніе въ Саратовской губерніи. Маріаннѣ оно очень нравилось, и она охотно проводила бы въ немъ лѣто, но Григорій Афанасьевичъ отпускалъ ее безъ себя только въ имѣніе къ брату.

Сѣли въ глубинѣ тѣнистой аллеи, куда почти не доносился шумъ улицы и грохотъ пролетокъ по сквернымъ мостовымъ.

— Илья Афанасьевичъ, правда ли то, что я слышала? Вѣрить не хочу... Неужто «она» пріѣхала и поселилась въ домѣ? — спросила Маріанна, испытующе глядя въ глаза Ильѣ, боясь что онъ скроетъ правду.

— Григорій не велѣлъ тебѣ, сестрица, говорить, чтобы не тревожить. Коли узнала, что жъ тутъ скрывать.

— Грѣхъ то какой! Илья Афанасьевичъ, родной мой, нужно Елисавету Ивановну поскорѣе вызвать. Этакъ нельзя. Чтожъ это выходитъ: словно мы всѣ потворствуемъ грѣху и заодно идемъ. Осторожно ей правду откроемъ, а то, избави Богъ, или стороной или отъ прислуги узнаетъ.

— Такъ-то такъ, а какъ вызвать? Въ телеграммѣ не скажешь, что, молъ, явилась особа эта.

— А вы напишите, что, молъ, по секретному дѣлу я зову ее домой вернуться. Передъ отъѣздомъ, не мало она со мной говорила о своей печали. Какія бы догадки въ голову ни пришли, а до настоящаго не додумается. Дерзость то неслыханная, и стыда тоже въ этой особѣ нѣтъ!

Долго говорили на эту тему, жалѣя Елисавету Ивановну и не находя выхода въ ея трудномъ положеніи. Оба они отгадывали, что Анна шла напроломъ, чтобы принудить къ разводу.

— Чѣмъ столько сраму, грѣха и скандаловъ, ужъ лучше бы ей освободить Никиту Афанасьевича. Я и то говорила ей.

— Не дасть она развода ни за что. Мало ли я съ ней про это говорилъ. Не можетъ простить распутной дѣвченкѣ, что въ домѣ жила, пользовалась ея подарками и, изъ за угла, обиду нанесла. Коли раньше не согласилась, теперь и подавно не дастъ. Трудно разгадать, какъ это образуется.

XVII

Къ поѣзду означенному телеграммой изъ за границы, Илья Афанасьевичъ выслалъ изъ «Берегового» карету, со строгимъ наказомъ кучеру ни единымъ словомъ не проговориться Елисаветѣ Ивановнѣ о пріѣздѣ Анны. Онъ не выѣхалъ встрѣтить ее на станцію, дабы избѣгнуть съ ея стороны всякихъ разспросовъ и неловкимъ отвѣтомъ преждевременно не растревожить.

Поѣздъ остановился на три минуты на маленькомъ полустанкѣ, утопавшемъ среди моря зелени. Небо было сине и нѣжно, солнце грѣло безъ знойныхъ лучей. Въ воздухѣ протянулись еле видимыя паутинки. Природа доживала свою послѣднюю красу въ тихихъ безвѣтрянныхъ дняхъ наступающей осени, когда воздухъ особенно прозраченъ и чистъ.

Полустанокъ былъ пустъ. Кромѣ Елисаветы Ивановны, изъ поѣзда никто не вышелъ. Сторожъ помогъ вынуть чемоданы и понесъ къ каретѣ.

— А что жъ Илья Афанасьевичъ на станцію не пріѣхалъ? — спросила она у кучера, огорченная его отсутствіемъ.

— Приказали сказать, что по строчнымъ дѣламъ никакъ не смогли изъ конторы отлучиться. Ждутъ васъ очень. Къ завтраку Маріанна Макаровна пріѣдутъ-съ.

— А Никита Афанасьевичъ въ «Береговомъ»?

— По дѣламъ, стало быть, въ городъ вызваны; тамъ и ночуютъ-съ.

— Начало полнаго разрыва... — съ горечью подумала Елисавета Ивановна, усаживаясь въ карету.

Пока сторожъ ходилъ за сундукомъ, выгруженнымъ изъ багажнаго отдѣленія и втаскивалъ его на козлы, Елисавета Ивановна печальнымъ взглядомъ окидывала изъ открытаго окна кареты давно и хорошо знакомую ей мѣстность. Сюда пріѣхала и она, двадцать лѣтъ тому назадъ ранней весной, прямо изъ подъ вѣнца; здѣсь, среди луговъ и полей богатаго «Берегового», прошли всѣ самыя лучшія весны ея жизни. Сколько разъ, возвращаясь изъ кратковременныхъ отлучекъ, подъѣзжая къ этому полустанку, радостно билось ея сердце

и хотѣлось ускорить ходъ поѣзда. Она знала, что певрое лицо, которое она увидитъ, выглянувъ въ окно, будетъ лицо ея мужа, озаронное рѣдкой, тогда-ей одной знакомой улыбкой. Какъ мучительно было знать, что никогда больше не повторятся эти счастливыя минуты, счастіе и красота которыхъ заключались въ сознаніи, что право этихъ минутъ неотъемлено и навсегда принадлежитъ одной, что жизнь, соскальзывая къ уклону, не сможетъ лишить ее этихъ мирныхъ законныхъ радостей.

Проходили годы, утихали страсти, ревность и подозрѣнія, но покой въ сознаніи близости и дружбы мужа освѣщалъ жизнь. Съ горькимъ сожалѣніемъ вспомнила она неострожныя строки своего письма, коварно попавшаго въ руки мужа, написанныя ею въ минуту пустого увлеченія, не имѣющаго серьезнаго значенія. Увѣренная въ его привязанности и дружбѣ, она была мало осторожна въ своихъ настроеніяхъ; зная его болѣзненное самолюбіе, она перестала считаться съ нимъ. Никогда и ни на кого она не промѣняла бы своего мужа; это она поняла теперь со всей ясностью. Однако, за послѣдніе годы, онъ могъ бы въ этомъ усомниться. — Вина была на ея сторонѣ, на сторонѣ ея легкомысленнаго отношенія къ его замкнутому хмурому молчанію, къ проявленію глухого неудовольствія. На кого онъ обмѣнялъ ее?! — Елисавета Ивановна брезгливо передернула плечами, вспомнивъ наглую, злую усмѣшку, лишившую ее равновѣсія въ домѣ на Каменностровскомъ. За свое шестинедѣльное пребываніе за границей, она не получила отъ него ни одной строчки, хотя и ожидала грознаго письма послѣ своего визита къ Аннѣ. Это молчаніе ее безпокоило болѣе, чѣмъ бы самое гнѣвное письмо. Была

неувѣренная надежда, что, быть можетъ, «она», не желая ронять себя въ его глазахъ, промолчала.

Карета, вздымая за собой облако пыли, катилась мимо вспаханныхъ на озимое полей, приближаясь къ любимому «Береговому», съ которымъ крѣпко сроднилось сердце. Горькія, обидныя, мучительныя мысли, нескончаемымъ клубкомъ, перекатывались и перекатывались въ головѣ, не давая, за всѣ эти шесть недѣль ни минуты покоя, увеличивая страданіе, въ сознаніи своего опрометчиваго легкомыслія, не сумѣвшаго оберечь больное самолюбіе мужа и оттачивая все острѣе и острѣе ненависть къ «ней». Даже мысленно Елисавета Ивановна избѣгала называть Анну по имени.

Изъ окна кареты, она увидѣла Илью, вышедшаго за ворота усадьбы; издалека, онъ махалъ ей соломенной шляпой, надѣтой на палку.

— Этотъ сердечный и отзывчивый на чужую бѣду... онъ не оставитъ,—подумала она, съ грустной улыбкой, махая ему изъ окна кареты носовымъ платкомъ.

— Здравствуй, Лизанька, здравствуй сестрица. Какъ съѣздила? Отдохнула-ли?—спрашивалъ Илья, подъ привѣтливой улыбкой скрывая безпокойство, вызванное видомъ ея еще болѣе похудѣвшаго лица, блѣднаго, усталаго, съ печальными глазами.

— А какъ у насъ? Все благополучно? Вы знаете, что Маріанна меня телеграммой вызвала? Что случилось?

— Да, да, она мнѣ вчера говорила про это. Какіе то тамъ разговоры съ мужемъ имѣла насчетъ Никиты. Пріѣдетъ сейчасъ, такъ

сама скажетъ. Соскучились мы безъ тебя, Лизанька. Маріанна очень рада, и маменька тоже не разъ справлялась.

— Никита Афанасьевичъ знаетъ, что я сегодня должна была пріѣхать?

— Не думаю. Я его эти два дня не видалъ, самъ въ городъ не ѣздилъ, и онъ сюда не пріѣзжалъ. Я не сообщилъ, думая, что можетъ этакъ спокойнѣе тебѣ будетъ. Поотдохнешь съ дороги, съ Маріанной повидаешься, къ матери Серафимѣ съѣздишь на вечерню, а тамъ сама распорядишься какъ захочешь. Или не такъ?

— Конечно, конечно такъ—лучше,—дрожащимъ голосомъ, отозвалась она. Сердце сжалось отъ тоски. Къ горлу подступали слезы, вотъ-вотъ готовыя вылиться. Въ первый разъ она возвращалась къ себѣ въ домъ какъ чужая для Никиты Афанасьевича. Вся усадьба, это милое дорогое сердцу «Береговое», всѣ комнаты, все-все до мелочей включительно казалось непривѣтливымъ, тоскливымъ, неуютнымъ.

Пришла въ свою комнату, стала, съ помощью Маши, сбрасывать запыленный дорожный костюмъ и освѣжаться холодной, только что принесенной водой. Маша прислуживала съ излишней суетливостью, боясь какъ бы та ни стала ее разспрашивать о томъ, о чемъ ей было приказано молчать. Но Елисавета Ивановна все же спросила:

— Ну что, Маша: ничего не было худого? Ничего новаго?

Маша низко наклонилась къ полу, дѣлая видъ, что собираетъ на коврѣ разсыпавшіяся изъ дорожнаго несессера шпильки.

— Кажись, что все по старому. Ничего я не слыхала. Баринъ раньше по дѣламъ отлу-

чались, а теперь въ городѣ ночуютъ. У матушки Серафимы была нѣсколько разъ; къ обѣднѣ и къ вечернѣ ходила. Онѣ благополучны-съ; дѣловъ, сказываютъ, по горло, потому что въ монастырь все гости, да гости наѣзжаютъ.

Не прошло и часу, какъ пріѣхала Маріанна. Елисавета Ивановна ей очень обрадовалась и, въ тоже время, съ тревожнымъ сердцемъ ждала что та ей скажетъ.

— Ужъ мы лучше послѣ завтрака переговоримъ, а то наспѣхъ я перепутаюсь, не такъ толково скажу—поспѣшила Маріанна предупредить ея вопросы.

— Что нибудь очень худое? Ужъ лучше сразу скажи.

— Да вѣдь въ худомъ все худо, сестрица. Много тутъ дьяволъ путаетъ. Матушка Серафима вѣрно говоритъ, что вамъ бы, Лизанька, побольше молиться бы надо...—несмѣло добавила Маріанна.

— Ужъ я и молиться устала. Молись—не молись все то-же,—безнадежно махнула рукой Елисавета Ивановна.

— Полно, Лизанька, какъ это вы такъ говорите!—съ нѣкоторымъ испугомъ остановила ее Маріанна.—Праведники годы цѣлые на колѣняхъ простаивали, вымаливая у Господа милости; для насъ это годы, а съ вѣчностью рядомъ—ничтожнѣйшая это долгота.

— Не умѣю я такъ молиться, Маріанна.

— А кто жъ умѣетъ-то?! Отъ Господа это дается. «Просите и дастся вамъ»,—сказано въ Писаніи.

— Совсѣмъ ты у насъ монашка!—улыбнулась Елисавета Ивановна.

Маріанна смутилась и покраснѣла.

— Я вѣдь это вамъ отъ всего сердца горю, чтобы облегчить, а не для поученія. Куда мнѣ это!

— Я знаю, милая, любимъ мы всѣ тебя именно такой, какая ты есть.

Завтракъ прошелъ съ нѣкоторой напряженностью. Илья и Маріанна украдкой переглядывались, какъ бы подбадривая другъ друга. Елисавета Ивановна то и дѣло теряла нить мыслей, тоже волнуясь, предчувствуя недоброе.

Разговоръ произошелъ въ ея комнатѣ, куда она велѣла подать фрукты и кофе, чтобы поскорѣе остаться безъ любопытствующихъ глазъ и ушей челяди.

— Ну, въ чемъ же дѣло? Я слушаю. — У Елисаветы Ивановны замѣтно дрожала рука, наливавшая кофе.

Маріанна начала съ того, что, послѣ ея многократныхъ якобы разговоровъ съ мужемъ, и ей, и Ильѣ становится ясно, что единственный исходъ для создавшагося невозможнаго положенія, это рѣшиться дать разводъ, ибо Никита Афанасьевичъ всецѣло подпалъ подъ скверное вліяніе, и ждать можно чего угодно.

Елисавета Ивановна сразу вскипѣла:

— И для этого ты меня выписала? Никогда и ни за что развода я не дамъ. Никакіе уговоры не помогутъ. Хоть бы нищей они меня на дорогу выпустили — все равно не дамъ. Этого они не дождутся.

— Лизанька, другъ мой, ну, а если онъ ее заберетъ, да и уѣдетъ куда нибудь совсѣмъ, навсегда, — что толку тогда отъ твоего запрета? Уѣдетъ съ ней заграницу, капиталы заберетъ и поминай тогда какъ звали.

— Объ этомъ-то я меньше всего безпокоюсь: Бурлаковскіе милліоны отсюда ростъ

берутъ и никогда Никита Афанасьевичъ этихъ золотыхъ цѣпей не порветъ. Я его хорошо знаю.

— Такъ то такъ, да вѣдь другая сторона не дремлетъ и, думается намъ, что она пойдетъ на что угодно, ибо особа эта безъ стыда и безъ совѣсти.

— Пусть попробуетъ. Только этого я и жду. Для нея у меня месть заготовлена. Она уже получила по физіономіи въ своемъ особнякѣ полтора мѣсяца тому назадъ, а въ слѣдующій разъ не то получитъ. Мнѣ терять ужъ больше нечего.

Илья и Маріанна переглянулись: они поняли причину неожиданнаго выступленія Анны.

— Въ такомъ то случаѣ, отъ нея можно ожидать самаго худшаго. Теперь она не остановится ни передъ какимъ скандаломъ и, чего добраго, прямо въ Симбирскъ прикатитъ.

— Ну что это ты, Илья, говоришь?! Точно она Симбирска не видала и не знаетъ, какъ меня тутъ любятъ и уважаютъ. Отлично сообразитъ, что весь городъ на моей сторонѣ, и всѣ противъ нея возстанутъ.

— Ну и возстанутъ. Не съ битогами же, а языкомъ однимъ. А ей плевать на это, — пусть говорятъ, лишь бы своего добиться.

— Это вы что же: предупреждаете меня?— Не то съ испугомъ, не то съ негодованіемъ она перевела взглядъ съ одного на другого.

Оба промолчали. Маріанна, въ волненіи, опустила взглядъ.

— Понимаю! Значитъ, разговоры начались и на эту тему. Прошу васъ обоихъ, — вы оба мнѣ друзья, скажите Григорію, чтобы онъ хорошенько остерегъ брата своего отъ подобной наглости. Тутъ ужъ я за себя не отвѣчаю! Я

пойду на все... ни передъ чѣмъ не остановлюсь!

— Эхъ сестрица, дьяволъ впутался въ это дѣло! Лучше всего, бѣжать безъ оглядки. Собери свои вещи, поручи мнѣ переговорить съ Никитой, чтобы обезпечилъ тебя и подальше отъ нихъ, подальше!

— Маріанна... Илья, вы оба недоговариваете. Я хочу знать правду. Что произошло? Никита... уѣхалъ?... совсѣмъ уѣхалъ?...

— Никита Афанасьевичъ здѣсь... въ городской домъ совсѣмъ переѣхалъ,—тихо отозвалась Маріанна.

— Ну, дальше!... — блѣднѣя, произнесла Елисавета Ивановна, предчувствуя страшный ударъ.

— Онъ тамъ не одинъ...—договорилъ Илья и, въ ту же секунду, бросился къ Елисаветѣ Ивановнѣ.

Съ перекошеннымъ лицомъ, неестественно расширенными глазами, съ открытымъ ртомъ, какъ бы готовымъ испустить вопль, вскочивъ съ кресла, она напряженно вытянулась, прижавъ къ сердцу руки.

— Лизанька, Господь съ тобой!.. выпей воды...

Но она сразу же ослабѣла, опять опустилась въ кресло, закрыла глаза и, крѣпко стиснувъ зубы, долго молчала.

— Да, это вѣрно; дьяволъ спуталъ всѣ концы. Пусть же самъ дьяволъ ихъ распутаетъ,—наконецъ, проговорила она.

Ожидали слезъ, жалобъ и истерикъ. Ничего этого не было. Елисавета Ивановна словно сразу очерствѣла, замкнулась, глубоко затаивъ нанесенное ей неслыханное оскорбленіе и страшную ненависть къ той, которая неожиданнымъ наглымъ прыжкомъ оказаласъ пол-

ной хозяйкой въ томъ домѣ, гдѣ она, со времени замужества, проводила всѣ зимы, давала балы и обѣды, и изрѣдка позволяла «ей и ея матери» погостить недѣлю-другую въ отдаленныхъ комнатахъ.

Нѣсколько дней Елисавета Ивановна не выходила изъ своей спальни и никого не хотѣла видѣть, кромѣ услуживавшей ей горничной. Она заставила ее, со всѣми подробностями, разсказать о пріѣздѣ и обо всемъ, что Маша знала отъ городской прислуги о жизни Анны въ домѣ Никиты Афанасьевича.

Маріанна, пріѣхавшая черезъ нѣсколько дней навѣстить Елисавету Ивановну, испугалась происшедшей въ ней перемѣной. Она, какъ бы, сразу постарѣла; въ глазахъ появился недобрый огонекъ.

— Ты Никиту Афанасьевича видѣла? — былъ ея первый вопросъ.

Маріанна лгать не умѣла.

— Видѣла мимоходомъ. Пріѣзжалъ къ мужу. Въ кабинетѣ сидѣлъ, а я не знала, да и вошла.

— Онъ знаетъ, что я здѣсь?

— Какъ ему не знать. Конечно, знаетъ. Для этого и къ Григорію пріѣзжалъ. Мужъ совѣтывалъ ему поѣхать къ вамъ, и переговорить, а онъ отвѣтилъ, что коли, значитъ, пріѣхала и знать о себѣ не даетъ, не для чего мнѣ къ ней отъявляться.

— Вотъ и прекрасно! Пусть ждетъ. Чѣмъ нибудь ужъ это кончится. — На блѣдныхъ губахъ Елисаветы Ивановны мелькнула недобрая усмѣшка.

— Богъ съ ними, Лизанька. Уйдите отъ нихъ подальше. Сама она злобный человѣкъ, и васъ же толкаетъ на злобу.

— Ну вотъ и дождется!..

— Ахъ, Лизанька милая, болитъ мое сердце за васъ. Все думаю, все чего то боюсь, мѣста себѣ не нахожу. Поѣхали бы вы погостить къ матери Серафимѣ. Вчера я была у ней. Очень она о васъ сокрушается. Просила передать, что коли бы вы пріѣхали на недѣльку погостить къ ней, великую бы радость ей доставили. Тихо тамъ, въ монастырѣ-то, успокоительно. Въ тиши рядомъ съ храмомъ и подлѣ одинокихъ келей, гдѣ монашки то и дѣло молятся, сердце ваше отошло бы, смягчилось бы. Все вѣдь отъ Бога намъ посылается; значитъ, со смиреніемъ и принимать должны. Право, Лизаночка, поѣзжайте... — Маріанна смотрѣла ей въ глаза умоляющимъ взглядомъ и ласково сжала нервно сплетенные пальцы, неизмѣнно унизанные дорогими кольцами.

Но до оскорбленнаго сердца Елисаветы Ивановны не дошли слова Маріанны, внушенныя ей свыше, остерегавшія ее отъ грозной бѣды.

— Я буду у матери Серафимы, но не сейчасъ. Скажи, что не могу: очень мнѣ тяжко; лучше я побуду одна.

— Лизанька, можетъ мнѣ бы сюда пріѣхать погостить? Все же вамъ полегче было бы.

— Никто облегчить моего горя не можетъ. Спасибо тебѣ, милая, но еще эти дни я должна быть одна. Какъ только немного успокоюсь, я вызову тебя. Не проговорись маменькѣ, что я пріѣхала, а то старушка совсѣмъ обидится, что я къ ней не ѣду. Но силъ моихъ нѣтъ.

— Объ этомъ вы не безпокойтесь. И Анфисушка, и я маменьку очень оберегаемъ. Совсѣмъ изсохлась старушенька; не долго

ужъ ей жить осталось. Святой она души человѣкъ.

— Да, ей, бѣдной, не мало пришлось въ свое время перестрадать отъ проклятой Бурлаковской крови.

— За то милліоны! — уныло покачала головой Маріанна. — Охъ, ужъ гдѣ только милліоны, тамъ и свилъ себѣ дьяволъ гнѣздо. Подальше бы отъ нихъ... — Маріанна, рукой, лишенной всякихъ украшеній, провела по своему гладкому скромному платью, какъ бы стряхивая съ себя ненавистные милліоны, рядомъ съ которыми проходила ея тихая жизнь.

XVIII

Узнавъ о преждевременномъ возвращеніи изъ за границы Елисаветы Ивановны, Никита Афанасьевичъ подготовилъ себя къ семейной бурѣ и къ большому скандалу съ ея стороны. Три дня провелъ въ крайне напряженномъ нервномъ состояніи и былъ немало удивленъ, что Елисавета Ивановна такъ пассивно приняла совершившійся фактъ. Прошло еще три дня, прошла недѣля и всѣ десять дней, а Елисавета Ивановна продолжала сидѣть въ «Береговомъ», не ища ни встрѣчъ, ни объясненій. Для огражденія Анны отъ какого нибудь неожиданнаго злостнаго скандала, Никита Афанасьевичъ отдалъ строжайшій приказъ управляющему, чтобы тотъ немедля же далъ знать, въ случаѣ если Елисавета Ивановна соберется изъ «Берегового». Дни проходили, и никакого извѣщенія не было; Никита Афанасьевичъ зналъ черезъ того же управляющаго, что Елисавета Ивановна изъ своей комнаты почти не

выходитъ; собиралась было къ вечернѣ въ монастырь, велѣла заложить коляску, да такъ и не поѣхала.

На душѣ у Никиты Афанасьевича было смутно. Въ сознаніи своей силы и власти, ему былъ непріятенъ выпадъ Анны какъ бы изъ за угла. Онъ винилъ себя, что поддался настояніямъ и согласился на ея въѣздъ въ домъ въ отсутствіи Елисаветы Ивановны. Произойди съ ея стороны крупный скандалъ, эти мысли, вѣроятно, не приходили бы ему въ голову. То, что она никакъ не реагировала, было ему до крайности непріятно, ибо ставило его въ положеніе обидчика изъ за угла.

Анна торжествовала. Ея самоувѣренность возросла до крайнихъ предѣловъ, и она зло высмѣивала Елисавету Ивановну:

— Я говорила, что сквасится. Вотъ на мое и вышло. Сразу надо было прижать хорошенько. Я и въ «Береговое» поѣду, коли еще станетъ упираться съ разводомъ. — Но подмѣтивъ складку между бровей Никиты Афанасьевича, добавляла:

— Не будь сына, дѣло иное; можно было бы уступить. И такъ прожили бы; а за что же Игорикъ страдать будетъ въ званіи незаконнаго сына?! Этого мы допустить не можемъ. Она свое отъ жизни взяла, всего вдоволь имѣла; а у сына твоего вся жизнь впереди.

Голосъ совѣсти, голосъ справедливой оцѣнки собственныхъ поступковъ, собственной вины умолкалъ, и Никита Афанасьевичъ находилъ справедливыми лукавыя разсужденія ея алчнаго и завистливаго сердца.

Кое съ кѣмъ изъ мужчинъ, служащихъ въ конторѣ братьевъ Бурлаковыхъ, Анна уже успѣла познакомиться. Кое кто, приходя по дѣламъ, приглашался къ завтраку и къ обѣду.

Григорій Афанасьевичъ уже не разъ забѣгалъ и оставался къ ужину, за которымъ обязательно появлялось шампанское, вслѣдъ за его выразительнымъ подмигиваніемъ лакею. Григорій Афанасьевичъ, выпивъ лишній бокалъ, становился забавнымъ, удачно копировалъ знакомыхъ лицъ, вставая въ позы, мѣняя выраженіе лица и звукъ голоса. Лакей, отъ восторга, фыркалъ въ кулакъ, Анна раскатисто хохотала и улыбался Никита Афанасьевичъ.

— Ваше степенство!.. а ваше степенство!... Покажите, какъ Архіерей съ губернаторомъ къ водочкѣ прикладываются — вмѣшивался въ общее веселье лакей. Повернувшись у буфета спиной къ столу, онъ опрокидывалъ въ глотку рюмку за рюмкой, повеселѣлъ, чувствуя себя изъ того же тѣста, той же крови, что и сидѣвшіе за столомъ. Отдѣлявшее ихъ разстояніе были лишь одни милліоны. Какъ лакей такъ и женская прислуга въ домѣ Григорія Афанасьевича зачастую бѣгали по дому босикомъ; случалось, что и самъ хозяинъ дома выходилъ изъ спальни босикомъ и въ одномъ бѣльѣ. Маріанна кротко замѣчала ему:

— Не гоже, Григорій Афанасьевичъ, этакъ раздѣтымъ по комнатамъ ходить то.

— Ну ладно, чего тамъ не гоже! Не въ гостяхъ хожу, а у себя въ домѣ.

Хотя въ домѣ Никиты Афанасьевича эти привычки были давно выведены Елисаветой Ивановной, жизнь велась на болѣе барскій ладъ, однако, хорошо вышколенные лакеи, попадавшіе изъ барскихъ домовъ, быстро распускались, держа себя съ господами запанибрата. Когда бывали парадные пріемы, они сразу подтягивались, зная, что въ этихъ случаяхъ оба брата были до крайности строги,

любили товаръ показать лицомъ и, за малѣйшую оплошность, прислуга рисковала потерей мѣста.

— А ну-ка, Нюшенька Петровна, есть у меня на сегодняшній вечеръ предложеніе вамъ одно сдѣлать, — обратился Григорій Афанасьевисъ къ Аннѣ, забѣжавъ къ брату подъ вечеръ, чтобы узнать нѣтъ ли чего новаго со стороны «Берегового». Онъ былъ крайне разочарованъ и даже огорченъ, что его ожиданія не оправдались, и никакихъ скандаловъ не произошло.

— Предложеніе у меня такое-съ: не дернуть ли намъ въ загородный ресторанъ? Что вамъ все дома да дома киснуть. Туда Московскій цыганскій хоръ пріѣхалъ. Всѣхъ ихъ я по именамъ знаю. Позовемъ въ отдѣльный кабинетъ и закрутимъ веселье. Что вы на это скажете? — подмигнулъ онъ ей лукавымъ глазомъ.

Анна просіяла.

— Вотъ-то хорошо придумали! А согласится ли Никита Афанасьевичъ? Вѣдь это онъ осторожность то соблюдать велитъ, — Анна бросила въ его сторону вопросительный взглядъ.

— Не вѣкъ же въ домѣ прятаться. Тишь до гладь, никто не безпокоитъ, какая же тутъ осторожность еще нужна! Ну-ка, Никита, слово за тобой.

— Чтожъ, поѣдемте, — отвѣтилъ онъ, не выдержавъ устремленнаго на него ласково-просительнаго взгляда Анны.

— Вотъ и распрекрасно! — хлопнулъ себя ладонями по колѣнямъ Григорій Афанасьевичъ. Тоже сказать: кому какое дѣло! Какъ Бурлаковымъ угодно, такъ и живутъ. —«Ни кому какое дѣло малина»!..—подмигивая

и подергивая плечами, фальшивымъ теноркомъ пропѣлъ онъ.

— Никита Афанасьевичъ, пожалуйте-съ. Изъ «Берегового» отъ управляющаго верховой пріѣхалъ, — доложилъ лакей.

Разговоръ оборвался. Всѣ насторожились.

Никита Афанасьевичъ вышелъ и, черезъ нѣсколько минутъ, вернулся съ спокойнымъ лицомъ:

— Управляющій далъ знать, что Елисавета Ивановна уѣхала къ сестрѣ Серафимѣ, и лошадей вернула обратно; тамъ заночуетъ.

— Ну и пусть веселится на здоровье, — одобрилъ Григорій. — Ты, Никита, по телефону дай-ка знать въ ресторанъ, что черезъ часъ мы прибудемъ; пусть задержатъ большой номеръ съ цыганами. Вы, Нюрочка Петровна, идите-ка свой туалетъ надѣвать, а я, пока что, прикурну на диванѣ; коли гулять, такъ ужъ на всю ночку закатимся. Познакомимъ васъ съ такими цыганочками Московскими, какихъ и въ Питерѣ нѣтъ.

Когда оба Бурлаковы, уйдя въ кабинетъ, остались одни, Григорій, стоя передъ братомъ, въ недоумѣніи развелъ руками:

— Ну и Елисавета Ивановна!! То въ драку полѣзла, грозилась на всю губернію скандалы чинить, а то, на-те вамъ, думала — думала и на мѣсто скандаловъ, въ монастырь отправилась наши грѣхи отмаливать. Вотъ-же и громы, вотъ-же и скандалы! Разбери ты этихъ бабъ. Ей Богу, я тутъ ничего ужъ не понимаю. А ты какъ думаешь?

— Рано еще что либо рѣшать. Мало ли что у нея тамъ въ головѣ накопилось.

— Ужъ коли въ монастырь поѣхала съ сестрой Серафимой совѣтоваться, значитъ дѣло ея проиграно.

— Хоть бы и не ѣздила, все равно проиграно.

— Ну, братъ, съ сидѣніемъ подъ самымъ бокомъ законной жены, — положеніе твое все-таки не важное.

Никита Афанасьевичъ промолчалъ. Сообщеніе изъ «Берегового» расправило морщину между его бровей: ясно было, что Елисавета Ивановна стала сдавать, коли поѣхала плакаться и искать утѣшенія въ монастырской оградѣ.

XIX.

Завидѣвъ издали высокія стѣны монастыря, Елисавета Ивановна велѣла кучеру остановить коляску. Выйдя изъ нея, она сказала, что хочетъ пройтись до монастыря пѣшкомъ, ему же велѣла возвращаться домой, такъ какъ она останется ночевать у матери Серафимы.

Лошади повернули обратно и вскорѣ скрылись за облакомъ пыли. Елисавета Ивановна свернула съ дороги и взяла направо мимо деревушки и небольшого лѣска прямо къ желѣзнодорожной станціи, отстоявшей отъ монастыря въ одной верстѣ.

Былъ конецъ сентября, вечерѣло быстро, и Елисавета Ивановна ускорила шагъ, чтобы попасть на станцію засвѣтло. До прихода поѣзда оставалось больше часу. Всецѣло погруженная въ однѣ и тѣ же мысли, неотступно и мучительно завладѣвшія мозгомъ, она шла не замѣчая, что начиналъ моросить мелкій дождикъ. Будучи цѣлый годъ во власти все тѣхъ же больныхъ мыслей и чувствъ, она потеряла всякую способность воли направлять ихъ по

иному теченію, отвлекать вниманіе въ иную сторону.

Мать Серафима многократно предостерегала ее:

— Коли не можешь противиться дьяволу и отдаешь себя во власть мыслей имъ внушаемымъ, такъ ты плюй на нихъ; пусть тамъ себѣ гомозятся въ головѣ, а ты живи и дѣйствуй наперекоръ имъ, не то затянешься въ западню. Зови Христа, отвлекай злыя мысли молитвой.

Мудры были совѣты старой монахини, ибо Елисавета Ивановна неуклонно двигалась къ западнѣ, разставленной ея же безвольнымъ отданіемъ себя во власть злой воли, преисполненной жадной мести. Въ сердцѣ уже не было мѣста для молитвы, крикъ ко Христу о помощи заглохъ. Внутри все очерствѣло, окаменѣло, было глухо и темно. Рдѣли только мрачные замыслы о мести; назрѣвалъ планъ, подобно отравленному плоду. И наконецъ, плодъ созрѣлъ и упалъ на готовую воспріять его злую волю.

Довольно большая людная станція, отстоявшая лишь въ нѣсколькихъ верстахъ отъ пустыннаго полустанка «Береговое», была полна всякаго торговаго люда и высыпавшей изъ вагона публики. Елисавета Ивановна знала черезъ Маріанну и Машу, что по всему городу шли толки о скандалѣ въ ея семьѣ, ей не хотѣлось съ кѣмъ либо встрѣтиться, говорить, слышать слова участія. Опустивъ на лицо густой газовый шарфъ, она прошла въ купэ перваго класса, гдѣ, къ ея удовольствію, сидѣлъ пассажиръ ей незнакомый. На вокзалѣ въ Симбирскѣ, опять таки боясь встрѣчъ, она быстро прошла къ выходу и взяла перваго попавшагося извозчика. Сердце защемило тоской, когда

она подъѣхала къ своему собственному дому, ставшимъ ей чужимъ и враждебнымъ.

— Здравствуй Лука, — она привѣтливо улыбнулась старому слугѣ, давно жившему въ ихъ домѣ. Вся челядь была, втайнѣ, на сторонѣ оскорбленной Елисаветы Ивановны; въ особенности же тѣ, которые знали Анну въ роли бѣдной благодѣтельствуемой родственницы. Прислуга сильно не взлюбила новую хозяйку городского дома за ея вторженіе въ семью, грубый тонъ и скверное вліяніе на Никиту Афанасьевича. Между собой, они ее называли «озорной дѣвкой» и не одобряли отсутствіе всякаго протеста со стороны законной супруги и настоящей барыни.

— Мое вамъ почтеніе-съ, барыня, — съ низкимъ поклономъ привѣтствовалъ ее лакей.

— Мнѣ нужно видѣть Никиту Афанасьевича.

— Ихъ дома нѣтъ - съ. Только - только уѣхали-съ.

— Ничего. Я подымусь въ кабинетъ и подожду,—сдерживая радость, отвѣтила она; отсутствіе мужа облегчало выполненіе задуманнаго плана.

— Не дождаться вамъ ихъ, барыня. Допрежь поздней ночи они не вернутся-съ, ужъ это какъ есть навѣрняка-съ.

— А «эта»... здѣсь... дома?

— Никакъ нѣтъ-съ, тоже, значитъ, уѣхала съ ними.

— Куда?

Лакей замялся.

— Лука, я прошу тебя, скажи мнѣ куда они поѣхали? — Она взялась за кошелекъ, чтобы достать деньги. Лакей понялъ.

— Что вы, барыня!.. не надоть мнѣ денегъ. Завсегда оченно мы довольны вами были.

Нешто я забылъ, какъ вы заступиться за меня изволили, когда Никита Афанасьевичъ разсчитать хотѣли.

— Такъ сдѣлай же теперь ты мнѣ услугу и скажи, куда они отправились? Все равно, я узнаю.

— Такъ что, втроемъ, вмѣстяхъ съ Григоріемъ Афанасьевичемъ поѣхали, значитъ, въ загородный ресторанъ. Цыгане тамъ нонѣ поютъ-съ...—понизивъ голосъ, доложилъ Лука.

— Хорошо! очень хорошо! И Григорій Афанасьевичъ туда же! Нечего сказать, отличаются!

— Чего ужъ тутъ хорошаго! Срамота одна!—Лука сокрушенно покачалъ головой.

— Спасибо тебѣ, Лука, что сказалъ. Можешь быть спокоенъ, что—я тебя не выдамъ. А это правда, что канцелярскіе тутъ завтракаютъ у нея и обѣдаютъ?

— Случается. А что имъ не обѣдать коли зовутъ! Наѣдятся, винъ хорошихъ напьются, а какъ за двери, такъ-то этчитываютъ особу эфту, что и-и! Окромя конторскихъ никто носу и не кажетъ.

— Ну, до свиданья, Лука.—Елисавета Ивановна взялась за ручку двери.

— Очепно всѣ мы жалѣемъ васъ, барыня... Помеломъ бы эфту особу отселева выгнать. Диву всѣ дивятся, чтой-то Никита Афанасьевичъ этакое колѣнцо выкинуть изволили.

Елисавета Ивановна вышла, посмотрѣла на часы, рѣшила что торопиться не слѣдуетъ и пошла пѣшкомъ, избѣгая людныхъ улицъ, чтобы не встрѣтить знакомыхъ.

— ...Втроемъ... въ загородный ресторанъ... Какая наглость, какая наглость!..—гнѣвно шептала она, все болѣе и болѣе ненавидя своего врага, возмущаясь ея дерзостью, и жесто-

костью мужа, допускающаго подобное униженіе для своей жены.—А Григорій подлецъ! За одно съ этой мерзавкой!—вслухъ повторяла она, не замѣчая что шла по отлогому пустынному мѣсту, ведущему къ пристани, гдѣ рѣдкіе фонари горѣли тусклымъ желтоватымъ огонькомъ.

Соборные часы пробили десять. Елисавета Ивановна очнулась и пошла обратно.

— Пожалуйте-съ, довезу,—задерживая лошадь, обозвалъ проѣзжавшій извозчикъ

— Въ загородный ресторанъ,—наняла Елисавета Ивановна.

Извозчикъ подергалъ возжами и поплелся тихою рысцой.

— Поѣзжай какъ слѣдуетъ. Получишь три рубля.—Въ сердцѣ поднялась тревога и нетерпѣніе: а ну, какъ недолго посидятъ тамъ и въ другое мѣсто уѣдутъ?..

Извозчикъ лихо подкатилъ къ открытымъ воротамъ сада. Прямая аллейка, ведущая къ ресторану, была иллюминована разноцвѣтными бумажными фонариками. Доносился высокій голосъ пѣвички, исполнявшей въ общемъ залѣ какой то шансонеточный романсъ.

Елисавета Ивановна спѣшнымъ шагомъ прошла пустую аллейку. Встрѣтившій ее у дверей распорядитель, опытнымъ взглядомъ сразу призналъ въ ней гостю изъ «важныхъ» и, низко раскланиваясь, почтительно подошелъ:

— Куда прикажете провести, ваше превосходительство?

— Григорій Афанасьевичъ Бурлаковъ сказалъ, что будетъ здѣсь поджидать меня. Доложите, что я пріѣхала. Они въ общемъ залѣ?

— Никакъ нѣтъ-съ; они въ отдѣльномъ кабинетѣ наверху-съ.

— Въ такомъ случаѣ, проведите меня туда, не стоитъ вызывать.—Сильно волнуясь отъ накипѣвшаго негодованія, она пошла за распорядителемъ по узкой деревянной витой лѣстницѣ, ведущей въ отдѣльные кабинеты.

— Не извольте оступиться: здѣсь приступка-съ. Пожалуйте сюда, за уголъ.—До ушей ея донесся взрывъ хохота. Она узнала голосъ Анны, вздрогнула и крѣпко зажала въ рукѣ то, что осторожно берегла при себѣ и что съ великимъ трудомъ раздобыла когда, по дорогѣ за границу, въ Петербургъ заѣзжала. Но тогда передумала: отложила.

Распорядитель постучалъ въ дверь.

— Войдите, — отозвался басъ Никиты Афанасьевича.

Передъ Елисаветой Ивановной раскрылась дверь. Сердце забилось и, на секунду, захватило дыханіе. За большимъ круглымъ столомъ, ярко освѣщеннымъ двумя канделябрами, она увидѣла Анну, сидѣвшую на диванѣ, ближе къ двери, рядомъ съ Никитой Афанасьевичемъ. Она была въ ярко желтомъ шелковомъ платьѣ, съ оголенными руками и шеей, украшенными драгоцѣнностями.

Отвалясь на спинку дивана и держа въ рукѣ бокалъ съ шампанскимъ, она продолжала хохотать. Григорій Афанасьевичъ сидѣлъ на стулѣ спиной къ двери между Анной и двумя цыганками. Очевидно, вина было выпито много: у всѣхъ блестѣли глаза и настроеніе было повышенное.

— Пожалуйте-съ, — громко произнесъ распорядитель, пропуская Елисавету Ивановну и вновь закрывая дверь. Всѣ обернулись въ ея сторону.

У Анны сразу оборвался смѣхъ.

Григорій Афанасьевичъ поднялся, желая идти ей навстрѣчу:

— Это какъ же такъ: прямо изъ монастыря да къ цыганамъ?... — съ неувѣреннымъ смѣшкомъ произнесъ онъ.

Елисавета Ивановна твердымъ шагомъ стремительно подошла къ Аннѣ и, со словами:

— Получи, подлая.. я предупреждала тебя! — выплеснула въ ея сторону содержимое склянки, которая была незамѣтно зажата въ рукѣ. Григорій Афанасьевичъ успѣлъ перехватить быстрое движеніе руки и съ силой толкнулъ ея подъ локоть. Анна вскрикнула, инстинктивно успѣла запахнуть лицо широкой мѣховой полосой, наброшенной на плечи. Сѣрная кислота расплескалась на полъ и на стѣну, задѣвъ обивку дивана и низъ нарядного платья Анны. Бутылочка, ударившись о ручку дивана, со звономъ разбилась.

Произошелъ общій переполохъ. Всѣ кинулись къ Аннѣ, забывъ о присутствіи Елисаветы Ивановны. Анна отняла отъ лица прижатый мѣхъ: и лицо, и руки остались невредимы.

— Ну, слава Тебѣ Господи! — перекрестился Григорій Афанасьевичъ. Никита Афанасьевичъ былъ блѣденъ и тяжело дышалъ. Анна всхлипнула, прижалась къ нему и вдругъ разразилась истерикой, цѣпляясь обѣими руками за его плечо.

— Она убьетъ!... она убьетъ и меня, и Игорика!... Она сумасшедшая!... — выкрикивала Анна, отталкивая стаканъ съ водой.

— Григорій, увези эту... увези ее! — Никита Афанасьевичъ указалъ пальцемъ на жену. Елисавета Ивановна стояла, прислонившись къ стѣнѣ съ опущенной головой, что то бормоча, ни на кого не глядя.

На крики Анны, прибѣжалъ испуганный распорядитель, но Григорій Афанасьевичъ вывелъ его въ корридоръ, что то пошепталъ, успокоилъ, вернулся въ номеръ и подошелъ къ Елисаветѣ Ивановнѣ:

— Ахъ, Лизанька, что жъ это ты надѣлала?!... Не толкни я твою руку, вѣдь и лицо и глаза выжгли бы; подъ судъ попала бы.

Елисавета Ивановна очнулась, подняла голову и мутными глазами посмотрѣла въ сторону всхлипывавшей Анны, прильнувшей головой на грудь Никиты Афанасьевича. Все еще блѣдный, съ суровымъ лицомъ, онъ проводилъ рукой по ея волосамъ.

— Ну, и попала бы подъ судъ... Не все ли мнѣ равно!... А до нея я доберусь.. — Упавшимъ голосомъ произнесла Елисавета Ивановна.

— Увезешь ли ты ее, наконецъ?! — крикнулъ Никита Афанасьевичъ.

Григорій взялъ Елисавету Ивановну подъ руку и провелъ ее, хорошо извѣстнымъ ему, круговымъ ходомъ къ боковой калиткѣ сада.

Едва сѣли въ экипажъ, какъ съ Елисаветой Ивановной произошла сильная нервная реакція.

— Ну вотъ, куда же теперь ѣхать съ ней?! Эй, Семенъ! Къ аптекѣ что ли придется подъѣхать.

— Санаторія то наша ближе будетъ, ваше степенство, коли дохтура нѣтъ, дежурная фельдшерица приметъ.

— Вѣрно, братъ! Самое лучшее туда и сведемъ. Я барыню то препоручу, а ты обожди маленько: назадъ въ ресторанъ поѣдемъ.

Недалеко отъ санаторіи, расположенной въ отдаленной спокойной части города, Елисавета Ивановна пришла въ себя. Григорій Афа-

насьевичъ хотѣлъ повернуть обратно, предположивъ завести ее въ свой домъ и сдать на попеченіе Маріанны.

— Никогда моя нога не будетъ въ твоемъ домѣ, Григорій... лучше на улицѣ умру, чѣмъ постучусь къ тому, кто за одно съ ней.

Поѣхали къ санаторіи. Елисавета Ивановна, поддерживаемая Григоріемъ Афанасьевичемъ, едва поднялась по лѣстницѣ и была счастлива добраться до кровати въ роскошно обставленномъ помѣщеніи съ особымъ ходомъ, выстроенномъ для исключительнаго пользованія семейства Бурлаковыхъ.

Дежурная фельдшерица, не смотря на поздній часъ, бросилась къ телефону вызывать доктора Трущова, чтобы оповѣстить его о пріѣздѣ важной паціентки «самой Бурлаковой».

Молодой врачъ не замедлилъ явиться. Со всей тщательностью и почтительнымъ вниманіемъ освидѣтельствовалъ Елисавету Ивановну и нашелъ у нея сильное нервное возбужденіе. Узнавъ, что она совершенно лишилась сна, посовѣтовалъ выпить усыпляющую микстуру, посидѣлъ подлѣ ея кровати, успокоительно подержалъ въ своей рукѣ ея нервно вздрагивавшую руку, далъ нѣсколько указаній фельдшерицѣ и, когда Елисавета Ивановна начала дремать, осторожно вышелъ.

На слѣдующее утро, едва докторъ Трущовъ собрался ранѣе обычнаго часа отправиться въ санаторію, какъ былъ вызванъ къ телефонному аппарату Никитой Афанасьевичемъ, поручившимъ, подъ какимъ либо предлогомъ, задержать Елисавету Ивановну до его пріѣзда. Доктору не пришлось ее задерживать, ибо она чувствовала себя крайне слабой, съ

нервной спазмой, сжимавшей горло и пожелала остаться въ санаторіи еще на сутки.

Докторъ придвинулъ кушетку къ раскрытому въ садъ окну, бережно усадилъ на нее Елисавету Ивановну, закуталъ плэдомъ ноги, уговаривалъ взять себя въ руки, ни о чемъ не думать, всего лучше — дремать.

— Ахъ, докторъ, еслибы я могла ни о чемъ не думать! — тяжело вздохнула Елисавета Ивановна.

Трущовъ промолчалъ. Какъ и всѣ въ городѣ, ему была извѣстна неурядица въ ея семьѣ. О томъ же, что произошло наканунѣ,— онъ еще ничего не зналъ.

Елисавета Ивановна неподвижно полулежала на кушеткѣ, съ устремленнымъ взглядомъ въ открытое окно. Большой садъ, окружавшій санаторію, тихо шумѣлъ верхушками громадныхъ кленовъ и дубовъ. Шелъ дождикъ; сильно пахло мокрымъ осеннимъ листомъ и влажной землей. Вѣтеръ сносилъ съ вѣтвей ихъ отцвѣтающую холомисто - багряную красу. Передъ глазами Елисаветы Ивановны, кружась, носились желтые влажные листья, оторванные отъ родныхъ вѣтвей. Такъ же кружились и ея мысли одна за другой, печальныя, выплаканныя, носились, не находя себѣ пристанища, переполняя сердце тоской и тревогой. Ея вчерашная неудачная попытка неотступно стояла передъ ея глазами, рисовалась ей ничтожнымъ выраженіемъ жажды мести, ничтожнымъ выявленіемъ глубокаго, остраго страданія. Мучительнымъ воспоминаніемъ врѣзалась въ памяти рука Никиты Афанасьевича, успокоительно и ласково проводившая по волосамъ Анны, искавшей его защиты. Сердцу стало ясно, что никогда больше эта сильная рука не подымется на защиту ее, что она опостылѣла

ему, и онъ окончательно столкнулъ ее со своего пути. Куда кинуться? Что дѣлать? Все безполезно. Сердце уразумѣло, что никакими силами не вернуть его, не вернуть радости семейной жизни. Какъ жить? Гдѣ жить? спрашивала она себя и не находила отвѣта. Мать Серафима звала... Нѣтъ, не будетъ она жить при монастырѣ; не умѣетъ молиться... да и какъ можетъ она молиться Богу, Который допустилъ подобную несправедливость! За что она должна терпѣть всѣ обиды, муки и оскорбленія?!

Не находя отвѣта ни на одну изъ всѣхъ своихъ мучительныхъ мыслей, Елисавета Ивановна впадала все въ большее и большее отчаяніе. Вмѣсто предписаннаго ей докторомъ покоя, она мысленно металась, и нервное возбужденіе не уменьшалось.

Послѣ полудня пріѣхалъ въ санаторію Никита Афанасьевичъ и прошелъ въ кабинетъ къ ожидавшему его доктору. Узнавъ о случившемся въ ресторанѣ, Трущовъ покачалъ головой, выражая мимикой сочувствіе своему начальству.

— Теперь мнѣ понятно ея нервное возбужденіе.

Трущовъ, еще молодой, подающій большія надежды, врачъ, благоларя случайной протекціи, былъ принятъ братьями Бурлаковыми въ ихъ санаторію. Онъ сразу и вѣрно учелъ всѣ дальнѣйшія возможности своей докторской карьеры. Прошло три года, и уже по всей губерніи и дальше санаторія братьевъ Бурлаковыхъ стала извѣстна, благодаря завѣдовавшему ею врачу. Братья, польщенные въ своемъ самолюбіи, щедро награждали его, чувствуя въ немъ преданнаго себѣ человѣка. Помимо докторскихъ способностей и большихъ научныхъ знаній, Трущовъ былъ очень ловкій человѣкъ

съ показной наружностью, сильно развитымъ честолюбіемъ, холодной разсудительностью и недостаточно добрымъ сердцемъ. Несмотря на свою молодость, онъ умѣлъ держать себя такъ, что подчиненные его побаивались и слушались безпрекословно, а посторонніе люди его уважали и вполнѣ ему довѣряли. Никита Афанасьевичъ, привыкшій внушать страхъ своимъ подчиненнымъ, ни въ чемъ ему не смѣвшимъ перечить, сперва былъ крайне озадаченъ, а затѣмъ оцѣнилъ полную самостоятельность въ сужденіяхъ и поступкахъ Трущова.

— Этому палецъ въ ротъ не клади,—говорилъ онъ про доктора.

Окончивъ свой разсказъ о происшедшемъ въ ресторанѣ, Никита Афанасьевичъ, сумрачный и разстроенный, поднялся:

— Ну, я пройду къ ней. Надо до чего нибудь договориться.

— Не отложить ли? Она очень нервна и возбуждена.

— Да что толку откладывать?! Чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. — Онъ рѣшительно пошелъ къ двери.

Елисавета Ивановна, не притронувшись къ поданному ей завтраку, полулежала на кушеткѣ въ томъ же положеніи, въ какомъ оставилъ ее докторъ. При появленіи Никиты Афанасьевича, она вздрогнула, приподнялась и, закусивъ губы, враждебно посмотрѣла на него. За минуту передъ его неожиданнымъ появленіемъ, мысленно перелистывая страницы прожитой съ нимъ жизни, она тосковала и отгоняла безумное желаніе вызвать его, чтобы сказать что-то недосказанное ею за всѣ годы совмѣстной жизни; что-то, что даетъ о себѣ знать лишь тогда, когда рвутся нити, связующія минувшее съ настоящимъ днемъ. Но вотъ,

онъ вошелъ, онъ стоялъ передъ ней хмурый и враждебный. Сердце ея сразу захолонуло и отразило ему той же хмурой враждебностью.

— Пришелъ поблагодарить васъ за вчерашній безобразный и пошлый скандалъ.

— Вините себя, а не меня.

— Да я совсѣмъ не для того пришелъ, чтобы обмѣниваться съ вами обвиненіями, — нетерпѣливо перебилъ онъ и опустился на стулъ. — Дѣло сейчасъ не въ томъ, кто и почему виноватъ, а въ томъ, что я желаю оградить себя и свою новую семью отъ вашихъ сумасшедшихъ выпадовъ. Вы ими ничего не добьетесь, кромѣ развѣ того, что я потеряю послѣднее терпѣніе и ужъ тогда пеняйте на себя. Кто врывается въ чужіе дома, чтобы затѣвать драку или, еще того хуже, носитъ въ карманѣ сѣрную кислоту, чтобы обливать ею людей, тотъ ненормаленъ; а сумасшедшимъ людямъ мѣсто въ сумасшедшемъ домѣ. Коли вы находитесь въ здравомъ разсудкѣ, то должны сами понять, что послѣ вчерашняго скандала самое лучшее для васъ это какъ можно скорѣе и какъ можно дальше убраться и оставить меня въ покоѣ. Въ «Береговомъ» вамъ не мѣсто...

— То-есть, какъ это не мѣсто?!

— Не перебивайте, — повысилъ онъ голосъ. — Кто васъ знаетъ, какую вы изобрѣтете новую подлость и опять выкинете скандалъ. Помимо всего сказаннаго, я желаю пользоваться правомъ хозяина собственнаго имѣнія и жить въ немъ съ кѣмъ и когда мнѣ вздумается.

— И у васъ достаетъ совѣсти говорить мнѣ это! — всплеснула руками Елисавета Ивановна.

— Ужъ о совѣсти послѣ вчерашняго вамъ бы надо помолчать. Вотъ вамъ мое послѣднее слово: черезъ недѣлю вы уѣдете за границу, получивъ отъ меня пятьсотъ тысячъ на жизнь, а за согласіе на разводъ получите еще пятьсотъ тысячъ. Съ милліоннымъ капиталомъ можете роскошно жить гдѣ угодно и даже второй разъ замужъ выйти. Если же моего требованія очистить «Береговое» вы не выполните, то предупреждаю васъ, что ровно черезъ недѣлю мы туда переѣзжаемъ.

— Подлецъ!.. Оба... оба вы подлые, низкіе!! — выкрикнула Елисавета Ивановна, отшвырнула съ ногъ плэдъ и стремительно поднялась. — Я васъ презираю... ненавижу!.. Вы хотите довести меня до преступленія... И доведете, доведете! Убью ее и ея подлаго змѣеныша!..

— Эй, молчите!.. Эй, не начинайте снова!— Никита Афанасьевичъ побагровѣлъ и угрожающе схватилъ ее за кисть руки.

— Прочь, прочь отъ меня!—Внѣ себя, она схватила стоявшій на столикѣ стаканъ и швырнула его въ Никиту Афанасьевича, какъ однажды, во гнѣвѣ, онъ бросилъ ей въ голову тяжелый подсвѣчникъ.

Въ комнату стремительно вошелъ докторъ.

—...Вотъ, при свидѣтелѣ повторяю и клянусь, что убью эту гадину, исковеркавшую мнѣ жизнь...—не владѣя собой, продолжала она неистово кричать.

— Успокойтесь. Довольно. Придите въ себя,—строго сказалъ Трущовъ, беря ее за руку.

— Пусть что хотятъ дѣлаютъ, а я не уступлю ей моего мѣста... Проклинаю и его, и

ее вмѣстѣ съ мальчишкой... да будутъ они всѣ трое прокляты... прокляты!..—задыхаясь выкрикнула Елисавета Ивановна и, схватившись за сердце, повалилась на руки доктора.

— Вы сами видите: развѣ это нормальный человѣкъ!—сухо произнесъ Никита Афанасьевичъ.

Докторъ нажалъ пуговку звонка, вызывая фельдшерицу.

— Лучше бы вамъ уйти отсюда, Никита Афанасьевичъ. Минутъ черезъ пятнадцать я къ вашимъ услугамъ. Коли очнется и увидитъ васъ, опять можетъ тоже повториться.

Никита Афанасьевичъ прошелъ въ докторскій кабинетъ, закурилъ сигару и, стоя у окна и ничего передъ собой не видя, глубоко задумался.

XX.

Проходили дни, проходили недѣли. Елисавета Ивановна продолжала оставаться въ санаторіи. Въ семействѣ Бурлаковыхъ вздыхали, грустно качали головой, скорбѣли. Григорій Афанасьевичъ разводилъ руками, повторяя: Ну кто бы могъ подумать, что этакое съ ней приключится?! Никита Афанасьевичъ хмуро молчалъ. Къ Елисаветѣ Ивановнѣ никого не допускали, такъ какъ, по словамъ доктора Трущова, ея помѣшательство, сопровождаемое буйными припадками, принимало острую форму, при малѣйшемъ нарушеніи покоя и строго установленнаго режима изоляціи.

Настало Рождество. Весь городъ былъ, какъ никогда, заваленъ сугробами снѣга. Зима стояла суровая, снѣжная. Наканунѣ Крещенія тихо и безболѣзненно скончалась среди дня

старушка Парасковья Ивановна, мирно уснувъ въ креслѣ, съ Евангеліемъ на колѣняхъ. Безутѣшно, въ голосъ и съ причитаніями плакала старая Анфисушка; молчаливо и скорбно роняла слезы Маріанна, прижавъ голову къ окоченѣвшимъ рукамъ своей второй матери, согрѣвавшей ежедневной лаской ея трудную жизнь. Старушка умерла, не зная истинной причины долгаго отсутствія Елисаветы Ивановны. Маріанна, съ тоской вспоминала ея наказъ, въ случаѣ какой бѣды или несправедливости защитить свою золовку. Какую защиту или помощь могла она оказать несчастной умопомѣшанной, кромѣ безпрестанныхъ посылокъ дорогихъ фруктовъ, укрѣпляющаго вина и, собственноручнаго издѣлія, всякихъ печеній и сластей, которыя лично привозила въ санаторію, гдѣ бывала ежедневно. Маріанна была свѣтлымъ лучомъ всѣхъ больныхъ и служащихъ. Отгадывая истинно христіанскимъ сердцемъ нужды каждаго ближняго, она одаривала, опережала просьбы, брала подъ свою защиту тѣхъ, на кого падало недовольство требовательнаго Трущова. Санаторія была ея дѣтищемъ, которому она отдавала всѣ заботы и попеченія переполненнаго любовью къ людямъ сердца. Тихая, скромно одѣтая, мало разговорчивая, она радовала однимъ своимъ видомъ, мягкой улыбкой на прелестномъ лицѣ, ласковымъ и задушевнымъ словомъ. Вышло какъ то само собой, что главнымъ лицомъ послѣ доктора фактически оказалась Маріанна, а не братья Бурлаковы, часто отсутствующіе, перегруженные дѣлами. Мало по малу, въ ея руки перешла вся отчетность, выдача суммъ, иниціатива всевозможныхъ улучшеній, ремонтовъ, пристроекъ, увеличеніе количества коекъ и персонала. Григорій Афанасьевичъ былъ

этому весьма доволенъ, ибо Маріанна, найдя живое дѣло, перестала тосковать. Онъ ошибочно предполагалъ, что забота о санаторіи отвлекала ея вниманіе отъ его личной жизни, которую онъ тщательно старался скрыть отъ ея глазъ, всегда опущенныхъ передъ тѣмъ, что она отгадывала, но что отъ нея хотѣли скрыть.

Докторъ Трущовъ, въ предупредительной почтительности къ женѣ своего начальства, таилъ пылкія чувства къ тихой красавицѣ. Зная ея скромное происхожденіе и такое же скромное образованіе, онъ удивлялся ея уму, ея чисто-административнымъ способностямъ, сказывавшимся въ дѣлахъ санаторіи. Если Маріанна запаздывала, Трущовъ волновался, то и дѣло поглядывая на часы. У него всегда находились дѣловые предлоги подольше задерживать ее въ своемъ кабинетѣ.

Первымъ и каждодневнымъ ея вопросомъ былъ вопросъ о состояніи здоровья золовки, и каждый день она слышала тотъ же отвѣтъ:

— Все то же. Измѣненій къ лучшему нѣтъ, да я ихъ и не предвижу.

— Докторъ, неужели мнѣ нельзя хоть на минутку повидать ее? Никто не узнаетъ.

— Что вы, помилуйте, Маріанна Макаровна! Какъ врачъ, я не смѣю этого допустить, ибо одинъ вашъ видъ можетъ воскресить цѣлую серію напоминаній и вызвать такое возбужденіе, съ которымъ потомъ и не справимся. Она всѣхъ винитъ, всѣхъ проклинаетъ и всѣмъ угрожаетъ смертью. Съ ней очень трудно. Я бы предпочелъ, чтобы ее отсюда убрали.

— Ужъ этого то я никогда не допущу. И не заикайтесь объ этомъ, докторъ.

Трущовъ мысленно улыбнулся, ибо говорилъ то, чего не думалъ.

Сидѣлка, приставленная къ больной, была пожилая, опытная, выписанная докторомъ изъ Петербурга и получавшая за свою трудную службу крупное вознагражденіе, не считая безчисленныхъ подарковъ со стороны Маріанны и всякихъ вареній и соленій, присылаемыхъ ей матерью Серафимой, чтобы лучше за больной ходила. Она была немногорѣчива; ея сухія поджатыя губы не нравились Маріаннѣ; но докторъ называлъ ее кладомъ, въ смыслѣ пунктуальности, терпѣнья и умѣнья обращаться съ больной.

Послѣ скандала въ загородномъ ресторанѣ, въ городѣ было много толковъ и разговоровъ о болѣзни Елисаветы Ивановны. Ходили слухи, что нѣкоторые признаки ненормальности ужъ замѣчались у нея еще до отъѣзда за границу; нѣкоторые же утверждали, что Елисавета Ивановна была давно ненормальна, но семья это скрывала, и что Никита Афанасьевичъ потому и разошелся съ ней. Поговорили, пожалѣли и забыли. Никто не удивился, когда, по истеченіи года, прошелъ слухъ, что Никита Афанасьевичъ хлопочетъ о разводѣ, ибо положеніе больной признано неизлѣчимымъ. Была произведена экспертиза, выписанъ былъ какой то спеціалистъ и за безпокойство ему уплочена была крупнѣйшая сумма. Онъ высказался категорично, что такія формы помѣшательства не поддаются лѣченію.

Со времени заболѣванія Елисаветы Ивановны, Анна почувствовала себя полноправной хозяйкой. Забравъ въ руки «Береговое» она стала проявлять большую склонность къ чрезмѣрной экономіи. Любя порядокъ и счетъ

въ деньгахъ, Никита Афанасьевичъ, какъ и всѣ члены семьи Бурлаковыхъ, не былъ скупъ. Имѣя привычку ворочать милліонами, всѣ Бурлаковы любили жить широко и не жалѣли денегъ на расходы. Прислуга, подолгу жившая въ домѣ, отучалась отъ воровства, ибо всего давалось вдоволь и жалованье платилось хорошее. Анна начала во всемъ урѣзывать и прислугу, и служащихъ. Пошли непріятности. Илья Афанасьевичъ, по завѣщанію получившій послѣ смерти матери ея долю капитала, безо всякихъ объясненій, переѣхалъ въ городъ, бросивъ службу въ конторѣ брата, дабы избѣгнуть встрѣчъ и недоразумѣній съ Анной.

Маріанна никогда не приглашала ее къ себѣ и къ ней не ѣздила, хотя и была къ ней сдержанно - ласкова при рѣдкихъ встрѣчахъ. Анна, завистливая и недоброжелательная, за красоту и молчаливое порицаніе, терпѣть не могла Маріанну, презрительно называя ее за глаза «мужичкой».

Мать Серафима выразила открыто свой протестъ, велѣвъ передать брату, что кромѣ Елисаветы Ивановны иной жены за нимъ не знаетъ и знать не желаетъ.

Власть милліоновъ оказала магическое вліяніе на ускореніе бракоразводнаго дѣла: скорѣе чѣмъ бы слѣдовало ожидать, оно прошло всѣ инстанціи, и Никита Афанасьевичъ, обвѣнчавшись въ Петербургѣ, вернулся въ Симбирскъ съ законной женой и узаконеннымъ сыномъ, въ которомъ не чаялъ души, непомѣрно балуя и выполняя малѣйшія прихоти своенравнаго, развитого и крайне настойчиваго ребенка.

Всѣ эти событія прошли хотя и неизвѣстными, но смутно отгадываемыя Елисаветой Ивановной, почти два года безвыходно сидѣв-

шей въ отрѣзанномъ отъ всего міра отдѣленіи Бурлаковской санаторіи, никуда не выходя, кромѣ высоко огороженнаго клочка сада, никого не видя кромѣ ненавистнаго ей доктора Трущова и не менѣе ненавистной грубой сидѣлки съ поджатыми губами и односложными на все отвѣтами, предательски передававшей доктору каждое ея слово, всѣ ея отчаянныя письма къ Ильѣ, къ Маріаннѣ и матери Серафимѣ. Елисавета Ивановна поняла, что кругъ ея жизни замкнутъ страшнымъ подкупомъ тѣхъ же милліоновъ, въ которыхъ раньше она черпала радость жизни. Съ ужасомъ и отчаяніемъ въ сердцѣ, она поняла, что всѣ ея вопли, крики, гнѣвъ и попытки къ бѣгству — безполезны, что отсюда ее не выпустятъ и никого къ ней не допустятъ. Окно было задѣлано рѣшеткой, клочекъ сада былъ отгороженъ высокой стѣной. Безнадежное отчаяніе овладѣло ея душой. Она искала смерти, но острый глазъ сидѣлки неусыпно слѣдилъ за ней.

XXI.

Трущовъ не зналъ, что одна изъ наиболѣе опытныхъ сидѣлокъ въ санаторіи, имѣвшая его полное довѣріе, была хорошо знакома съ Анфисушкой, которую, послѣ смерти Парасковіи Ивановны, Маріанна переселила на свою половину, чтобы заботой и непрестанной лаской облегчить горечь потери. Теперь Анфисушка то и дѣло сидѣла въ комнатѣ Маріанны, помогая ей шить бѣлье для санаторіи и для дѣтей, основаннаго ею пріюта. Сидѣлка Фрося, еще при жизни Парасковьи Ивановны, забѣгала къ Анфисушкѣ въ свободные часы, принося ей изъ больничной аптеки то втиранія отъ ревма-

тизма, то капель отъ безсонницы, то желудочнаго порошка. Анфисушка глубоко вѣрила въ ея знаніе медицины и любила за отзывчивое сердце и веселый нравъ. Послѣ смерти Парасковьи Ивановны, Анфисушка стала чаще хворать, а потому Фрося чаще навѣщала ее.

Однажды, забѣжавъ къ ней, Фрося прикрыла дверь и взволнованнымъ шопотомъ что то секретно стала разсказывать. Анфисушка расплакалась, крестилась, охала. Когда Фрося уходила она со слезами обняла ее, сказала, что Маріанна Макаровна по царски наградитъ за услугу и велѣла, избави Боже, никому и словомъ единымъ не проговориться.

По уходѣ Фроси, Анфисушка, запершись на ключъ, долго плакала и молилась, что то шептала, кому то угрожала, ничего въ ротъ не взяла весь день и съ великимъ нетерпѣніемъ поджидала Маріанну, уѣхавшую провѣдать больныхъ.

Заслышавъ изъ корридора ея шаги, Анфисушка высунулась изъ двери и закивала ей пальцемъ:

— Маріаннушка, поди-ка сюда, моя красавица. Слово сказать тебѣ надоть.

Маріанна вошла въ жарко натопленную комнату, тѣсно заставленную обстановкой и всякими вещами покойной, перешедшими въ ея владѣніе. Взглянувъ въ лицо старухи, она сразу встревожилась:

— Анфисушка, да что съ тобой? На тебѣ лица нѣтъ! Приключилось что нибудь худое?

— Ужъ такое худое, Маріаннушка, что и словъ нѣтъ. Садись, касатка, садись. Охъ, не подслушалъ бы кто! Дай-ка я гляну въ корридоръ. Востроглазый Тишка безъ толку шмыгаетъ тутъ; какъ разъ ухо приложить... — Убѣдившись, что въ корридорѣ никого нѣтъ,

старуха на ухо разсказала ей то, что услышала отъ Фроси.

— Не сумасшедшая она совсѣмъ... засадили, значитъ, чтобы отдѣлаться... Сидѣлка то расхворалась, да цѣлую недѣлю у себя пролежала... Фросю дохтуръ приставилъ къ нашей то больной и строго таково наказалъ, что бы никакихъ разговоровъ съ ней не вести, потому, молъ, отъ разговоровъ она въ буйство впадаетъ. А Фрося, сама знаешь, умная да ловкая, и подмѣть она, что докторъ поитъ да поитъ ее каплями, а отъ капель та спитъ да спитъ. Съ чего, думаетъ, это онъ спать ее заставляетъ?! Возьми она да и не дай ей разъ, да другой, да третій эфтихъ самыхъ каплевъ. Вотъ она и очнулась наша страдалица, да и заговорила съ Фросей, обрадовалась, что лицо человѣческое увидала... Подозвала къ себѣ, да на ухо и разсказала что они ее засадили, что сидѣлка звѣрь, какъ что, по лицу бьетъ ее... Письма, говоритъ, писала и тебѣ, и матери Серафимѣ, и Ильѣ.. Эта окаянная псина всѣ письма дохтуру передала... Никакихъ буйствъ, говоритъ, нѣтъ у меня; раньше то сердилась и кричала на нихъ за подлость эту, а теперь, говоритъ, молчу, потому что нѣтъ мнѣ выходу и жду смерти. Всѣ отъ меня, говоритъ, отвернулись... да такъ то горько заплакала, припала къ груди ейной, стала руки ей цѣловать... Спаси молъ, меня, спаси!.. Дай карандашъ и клочекъ бумаги... все значитъ, отъ меня отняли... Передай, говоритъ, записочку Маріаннѣ Макаровнѣ или Ильѣ Афанасьевичу... Не предай меня... Фрося смекнула, что дѣло тутъ не чистое. Дала карандашъ и бумагу, поклялась передать и просила, чтобы наша то мученица при дохтурѣ дѣлала бы видъ что сонная. Ну, говоритъ, вижу, что совсѣмъ она въ своемъ

умѣ. При дохтурѣ спитъ, али молчитъ, а безъ него руки ломаетъ, убивается, плачетъ, молится, Царицу Небесную на защиту призываетъ...

Маріанна, по мѣрѣ разсказа, блѣднѣла все больше и больше; съ ужасомъ внимая страшнымъ словамъ, она не могла произнести ни слова.

— Сегодня эта злющая сидѣлка опять къ нашей мученицѣ отъявилась, а Фрося вмигъ сюда прибѣгла и тебѣ записочку принесла. Нако читай... Слезами вѣдь облита, муками написана!..—Анфисушка вытащила изъ кармана пестрый ситцевый платокъ, въ которомъ былъ бережно завернутъ клочекъ бумаги.

Маріанна взяла дрожащей рукой, прочла и, упавъ головой на столъ, беззвучно зарыдала.

«Маріанна, родная моя, спаси меня!.. во имя Христа, спаси меня несчастную, измученную... Если я скоро сама не умру, они меня отравятъ, чтобы скрыть свое преступленіе: я здорова, но они дѣлаютъ все, чтобы свести меня съ ума. Я мѣшала имъ, и они заточили меня. Докторъ и сидѣлка подкуплены подлыми милліонами. Меня плохо кормятъ, я во всемъ нуждаюсь. Я увѣрена, что онъ уже женился на ней... Клянусь, я такъ истерзана душой, что мнѣ теперь все безразлично, только бы не видѣть моихъ палачей. Куда хочешь увези меня, пока есть еще время, пока я не потеряла разсудка въ этой страшной тюрьмѣ. Награди ту, которая передастъ... Она пожалѣла меня. Будь осторожна. Докторъ и сидѣлки страшные люди. На меня надѣйся, я все пойму. Маріанна, заклинаю тебя

именемъ Христа, разскажи Ильѣ и матери Серифимѣ. Твоя страдалица Лиза. Я буду ждать и молиться.

— Анфисушка!.. Анфисушка!.. сердце мое разрывается...—рыдала Маріанна, ударяясь головой о край стола. — Охъ, что жъ это они сдѣлали съ ней?!. Мученица!.. третій годъ этакія муки терпѣть!.. Проклятые милліоны!.. Дьявольская сила въ нихъ, адова власть...

— Вотъ она Бурлаковская то кровь гдѣ до конца сказалась — корявымъ пальцемъ постучала Анфисушка по столу. — Этакій грѣхъ страшенный на свою душу Никита взялъ! Вѣдь за такія дѣла въ тюрьму сажаютъ!..

— Не посадятъ, Анфисушка; знаютъ они хорошо, что добраться до нихъ некому, потому что милліоны ротъ затыкаютъ.

— Вѣрно, что затыкаютъ тѣмъ, кто въ Бога не вѣруетъ. Вотъ и открылъ Господь правду, милосердіе Свое доказалъ. Какъ же теперь быть то, касатка моя?

— Господь открылъ, Онъ и научитъ насъ какъ спасти Лизаньку, — вытирая слезы, увѣренно произнесла Маріанна. — Никому и вида не подамъ. Довѣрю только братцу Ильѣ и матери Серафимѣ. Помолимся у нея, молебенъ отслужимъ, попросимъ помощи Христа: пусть Онъ намъ путь укажетъ. На что нибудь надо рѣшиться да поскорѣе, а то Лизанька тамъ муки-мученическія выноситъ, поджидая спасенія.

Немедля ни минуты, Маріанна вызвала Илью и съ нимъ вмѣстѣ отправилась къ матери Серафимѣ. У старой монахини подкосились ноги отъ всего услышаннаго, но она быстро справилась съ собой. Строгое лицо приняло суровое выраженіе. Поднявшись во весь

свой высокій ростъ, вытянувъ кверху обѣ руки, она воскликнула громкимъ вдохновеннымъ голосомъ:

— Господи, накажи по заслугамъ отступниковъ отъ закона Твоего и яви милосердіе Твое мученицѣ Елисаветѣ!

Втроемъ отправились въ церковь, долго молились, преклонивъ колѣни. Когда вернулись въ покои матери Серафимы, Маріанна, съ просвѣтленнымъ лицомъ, опустилась передъ ней на колѣни:

— Матушка, благословите меня. Покойная маменька чуяли бѣду надъ головой Лизаньки и наканунѣ того дня какъ имъ преставиться, велѣли мнѣ Евангеліе поцѣловать, что Лизаньку буду беречь и въ обиду не дамъ. Мнѣ надлежитъ спасти ее; потому Господь и отдалъ подъ мою руку санаторію со всѣми дѣлами ея. Только бы мнѣ сидѣлку эту на часокъ удалить, а ужъ тамъ, съ Божьей помощью, тайкомъ вызволю Лизаньку и прямо сюда къ вамъ въ монастырь на храненіе. Обо всемъ сговоримся, ничего не упустимъ.

— А ужъ за этими стѣнами имъ къ ней не добраться. Мантіей своей окрою, отъ злодѣйства защищу; а если шумъ подымутъ,— кому слѣдуетъ донесу. И милліоны не помогутъ, коли Богъ вступится.

Мать Серафима съ особеннымъ чувствомъ благословила Маріанну на трудное дѣло и обѣщала всю ночь простоять на молитвѣ передъ Царскими Вратами, чтобы испросить у Господа помощи.

Всѣ четверо, посвященные въ страшную и преступную драму, тайно сокрытую въ стѣнахъ собственной санаторіи, провели безсонную скорбную ночь: охала и причитала Анфисушка, ворчаясь на скрыпучей деревянной кровати;

зажигала свѣтъ, пила клюквенный морсъ, крестилась и угломъ простыни вытирала слезы, набѣгавшія на сморщенныя худыя щеки. Плакала Маріанна, зарывъ лицо въ мягкія подушки: среди ночи, вставала съ жаркихъ пуховиковъ и, оправивъ лампаду передъ кивотомъ, опускалась на колѣни и молилась за несчастную мученицу Елисавету и за спасеніе ея.

Илья совсѣмъ не ложился. Тяжкія думы мучили сердце. Вставали одна за другой забытыя картины изъ дѣтства и отрочества, и выявлялась логическая связь между тѣмъ что было, и тѣмъ, что совершилось страшнаго, преступнаго въ ихъ семьѣ. Милліоны, нажитые безбожными руками, влились въ такіе же руки и преумножились не благословеніемъ Божьимъ, а помощью темныхъ силъ для служенія имъ же.— Страшенъ ему сталъ братъ Никита со своей новой безбожной женой, на которой лежала печать дьявола. Никто не любилъ ее за грубое, надмѣнное отношеніе къ низшимъ, за жадность и скаредность, за то, что не было любви ни къ Богу, ни къ людямъ; въ церковь ходила на показъ, надѣвая на себя богатые наряды, а нищимъ и полушки жалѣла. Страшенъ былъ и братъ Григорій — распутный пьяница, потакавшій злу. Не спалъ Илья до самаго утра и, какъ зазвонили къ ранней обѣднѣ, отправился въ церковь.

Всю ночь, колѣнопреклоненная, простояла мать Серафима передъ Царскими Вратами. Блѣдное, строгое лицо, склоненное на сплетенные пальцы сухихъ рукъ, обрамленное чернымъ длиннымъ покрываломъ, было обращено то на Ликъ Христа, то на Ликъ Богоматери. Совсѣмъ затекли ноги, и не было

силъ самой подняться, когда зазвонили къ ранней бѣднѣ.

XXII

— Отчего эти дни я не видѣла въ палатахъ сидѣлку Фросю? — Безразличнымъ тономъ задала Маріанна доктору вопросъ. Онъ отвѣтилъ, что сидѣлка Елисавты Ивановны переутомлена и стала прихварывать, а потому Фрося замѣняла ее при больной.

— Я готовъ дать ей отпускъ, но затрудняюсь кѣмъ замѣнить ее.

— Недѣли на двѣ кого нибудь найдете. Не такъ ужъ это сложно, — склонивъ голову надъ отчетной книгой, говорила Маріанна, какъ бы вскользь, какъ бы безъ особаго интереса.

— Если принять во вниманіе безпокойное состояніе больной, то это очень сложно, Маріанна Макаровна. Во первыхъ, у той уже выработана своя система, а во вторыхъ, больная очень привязана къ ней, будетъ тосковать, а это крайне не желательно.

— Я увѣрена, что вы сумѣете пожалѣть и утѣшить нашу Лизаньку, но и сидѣлку тоже надо пожалѣть. Хотите, я кого нибудь найду вамъ на эти двѣ недѣли!

— Нѣтъ, это вы не безпокойтесь. Пожалуй, Фросю можно опять отрядить. Она опытная и весьма исполнительная.

— И мнѣ думается, что она подойдетъ. Впрочемъ, это ужъ ваше дѣло, и я не вмѣшиваюсь. Выдайте той сидѣлкѣ отъ меня сто рублей наградныхъ; пусть отдохнетъ, на пароходѣ въ Царицинъ съѣздитъ; билетъ выдадимъ даровой, — говорила Маріанна, перелистывая дѣловой журналъ. Обходя палаты, она, какъ

и всегда сопровождаемая Трущовымъ, обратилась къ Фросѣ съ ласковыми словами, прося быть внимательной и пунктуальной въ исполненіи малѣйшихъ указаній, которыхъ она получитъ отъ доктора для ухода за больной.

— Чтобъ она тебя ласково приняла, захватишь подарки, которые передашь отъ меня,— добавила Маріанна. Сметливая Фрося многое отгадала въ пристальномъ и ласковомъ взглядѣ, обращенномъ на нее.

— Не безпокойтесь, Маріанна Макаровна, все выполню какъ мнѣ будетъ приказано,— отвѣтила она, и Маріанна, въ свою очередь, поняла скрытый смыслъ этихъ словъ.

Вечеромъ, впопыхахъ, Фрося прибѣжала къ Анфисушкѣ, чтобы сказать, что черезъ два дня она назначается къ больной на двѣ недѣли, переселяется въ комнату сидѣлки, рядомъ съ комнатой Елисаветы Ивановны, и что больше ни забѣжать, ни дать что нибудь знать она не сможетъ. Маріанна передала ей пакетъ со своей траурной шляпой съ длиннымъ до полу вуалемъ и черной накидкой; и то и другое привыкли видѣть на ней служащіе въ санаторіи. Послѣ смерти Парасковьи Ивановны, она носила глубокій трауръ, которому еще не окончился годъ. Эти вещи было приказано Фросѣ держать въ комнатѣ у Елисаветы Ивановны.

— Объ остальномъ, ты, Фрося, не заботься,—сказала ей Маріанна.—Знать ты ничего не знаешь: И записки не носила, и ничего не говорила, и думать даже не думаешь, что Елисавета Ивановна въ своемъ умѣ. Будешь выполнять приказанія, а остальное тебя не касается. Посовѣтуй Елисаветѣ Ивановнѣ спать, когда докторъ навѣщаетъ. Черезъ три дня послѣ его обхода, съ Божьей помощью,

увеземъ ее. Какъ только онъ уйдетъ ты, Фросенька, не забудь ключъ во внутренней коридорной двери отвернуть, чтобы мнѣ не звонить. Я обойду круговымъ корридоромъ и прямо въ Бурлаковское отдѣленіе попаду. На, возьми, Фрося, за услугу. Теперь ты богатая невѣста, а жениха ужъ я тебѣ найду хорошаго. Вѣчная тебѣ отъ насъ благодарность за спасеніе несчастной.

Маріанна, со слезами, обняла сіяющую Фросю и велѣла скорѣй обратно бѣжать, чтобы не опоздать къ ужину и не обратить ничьего вниманія на свою отлучку.

На слѣдующее утро, у Маріанны было долгое совѣщаніе съ Ильей. Хотя у обоихъ послѣ безсонной ночи нервы были сильно натянуты, однако обсудили все обстоятельно, не упустивъ ни малѣйшей подробности. Илья удивлялся, съ какой точностью, учитывая неожиданныя возможности, Маріанна намѣчала планъ. Застѣнчивая и скромная, она, въ то же время, оказывалась неустрашимой тамъ, гдѣ касалось помощи ближнему и храбро брала на себя и всю отвѣтственность, и всю грозу, которая неминуемо должна была разразиться надъ ея головой со стороны тѣхъ, кто преступно держалъ ея золовку подъ замкомъ.

Прошло три дня. Маріанна, въ свой обычный часъ пріѣхала въ санаторію. Ея первымъ вопросомъ доктору было—какъ приняла больная новую сидѣлку; не слишкомъ ли это ее разволновало.

— Ничего. Все обстоитъ благополучно. Я принялъ для этого мѣры и даю ей успокоительныя средства.—Трущовъ смотрѣлъ въ глаза Маріаннѣ ласковыми восхищенными глазами.

— Ну, и слава Богу. Я очень рада, — отворачивая взглядъ, произнесла Маріанна.

Послѣ обхода палатъ, она снова вернулась съ докторомъ въ его кабинетъ. Намѣренно растягивая, онъ докладывалъ ей о просьбахъ бѣдныхъ, желающихъ лечь въ санаторію за половинную плату. Наконецъ, онъ посмотрѣлъ на часы и поднялся:

— Мнѣ пора къ моимъ городскимъ паціентамъ.

— А я задержусь немного, такъ какъ за мной Илья Афанасьевичъ обѣщалъ заѣхать. Прошу васъ, докторъ, заѣзжайте къ намъ сегодня передъ вечернимъ обходомъ палатъ, часовъ около семи. У Анфисушки колики въ боку приключились; всю ночь не спала. Я растерла ей канфарнымъ масломъ, да нисколько не полегчало.

— Непремѣнно заѣду, непремѣнно. — Докторъ обрадовался случаю лишній разъ повидать Маріанну.

Выждавъ нѣсколько минутъ, Маріанна послала дежурнаго прислужника узнать не пріѣхалъ ли за ней Илья Афанасьевичъ. Прислужникъ вернулся, сказавъ, что Илья Афанасьевичъ пріѣхали и будутъ поджидать, гдѣ имъ указано.

Маріанна истово перекрестилась и, черезъ рядъ корридоровъ, мимо бѣльевыхъ и кухонь, прошла круговымъ ходомъ къ отдаленной двери всегда запертой, ведущей въ Бурлаковское отдѣленіе. Нажала ручку, дверь оказалась изнутри открытой. Въ концѣ свѣтлаго корридора выглядывала Фрося. Она радостно замахала рукой:

— Сердце чуяло, что сейчасъ пожалуете, Елисавета Ивановна до того волнуется, что

лихорадка бьетъ. Пожалуйте сюда, черезъ мою комнату, — зашептала она.

— Фрося милая, живо подай шляпу и накидку. На Лизаньку сейчасъ надѣнемъ. Ну помоги намъ Господи! — Маріанна открыла дверь и перешагнула порогъ.

Елисавета Ивановна, стоявшая у задѣланнаго желѣзной рѣшеткой окна, обернулась, ахнула, бросилась къ Маріаннѣ и, съ глухими рыданіями упавъ на колѣни, охватила ея ноги:

— Родная, спаси... спаси меня!.. погибаю... Они меня замучить хотятъ... Маріанна, родная сестра моя!...

Силясь ее поднять, Маріанна растерянно и испуганно смотрѣла на несчастную, съ трудомъ узнавая прежнюю Лизаньку. Ну ней было старое заношенное платье, въ волосахъ, кое какъ подколотыхъ, виднѣлась сѣдина; она такъ исхудала, что казалосъ, остались однѣ лишь кости; на изжелта блѣдномъ лицѣ, лихорадочно горѣли впалые глаза, окруженные тѣнью. Слабыя руки конвульсивно цѣплялись за Маріанну. Взглядъ былъ полонъ отчаянія и страха.

— Лизанька, ангелъ мой .. мученица вы наша дорогая... Господь съ вами!.. Встаньте скорѣе, одѣвайтесь, мѣшкать никакъ нельзя... Братецъ Илья у самаго выхода васъ дожидается... — Маріанна, плача, обнимала золовку и содрогалась отъ ужаса и состраданія, ощущая сквозь ея платье заострившіяся плечи и лопатки.

— Живо, Лизанька, надѣвайте накидку и шляпу мою... вуаль то на лицо спустите. Ишь исхудали! Зато, словно фигурой на меня стали похожи; никто не признаетъ васъ, хотя бы и рядомъ шелъ.

— Маріанночка, не дойти мнѣ... ноги отъ страха подкашиваются. Если поймаютъ, они меня до смерти тутъ заколотятъ... — Елисавета Ивановна вся дрожала, зубы стучали, ноги подгибались.

— Лизанька, родная вы моя, терпѣли муку два года съ половиной; неужто силъ не соберетъ пробѣжать только корридоръ пустой?! Братецъ Илья васъ подъ руку возьметъ и, будто со мной, прямо въ карету, да къ матери Серафимѣ. Ну, вотъ и хорошо!.. выпейте водицы. Перекреститесь, да и съ Богомъ... — Маріанна открыла дверь. Елисавета Ивановна шагнула черезъ порогъ, остановилась и схватилась за притолоку.

— Не могу... страшно мнѣ!.. а вдругъ, какъ Илья не окажется за дверью?!.. Доведите меня, ради Бога, доведите!..

— Фросенька, живо!.. Коли, избави Богъ, кого невзначай встрѣтите, ты говори, будто это я иду съ тобой, а вы, Лизанька, молча головкой покивайте.

Елисавета Ивановна вцѣпилась за Фросю и, не помня себя отъ страху, пробѣжала корридоръ. Повернувъ за уголъ, прошли пустую никогда никѣмъ не посѣщаемую пріемную, красиво убранную на подобіе гостинной; вышли въ переднюю; изъ за стеклянной двери, ведущей во внутренній дворикъ, Елисавета Ивановна увидѣла Илью Афанасьевича, сидѣвшаго въ двухъ шагахъ отъ двери, на скамьѣ подъ развѣсистымъ вязомъ. Быстрой рукой, Фрося отодвинула задвижку, повернула ключъ, открыла дверь. Илья Афанавьевичъ поднялся, пошелъ навстрѣчу:

— Лизанька?! — тревожно обозвалъ, силясь сквозь плотный вуаль разглядѣть неузнаваемыя черты знакомаго лица.

— Скорѣй... скорѣй! Охъ, Илья родной, не донесутъ ноги!.. — задыхаясь зашептала она.

Илья крѣпко взялъ ее подъ руку и благополучно провелъ къ каретѣ.

— Къ матери Серафимѣ, братецъ. Да поживѣе; Маріанна Макаровна торопятся очень, — приказалъ онъ кучеру и захлопнулъ дверцу.

Елисавета Ивановна откинулась въ уголъ кареты. Крестясь и тихо плача, боясь откинуть вуаль, боясь произнести хоть одно слово, конвульсивно цѣпляясь за руку Ильи, съ надеждой и страхомъ она ждала блаженной минуты, когда стѣны Божьей обители укроютъ ее отъ власти всесильныхъ милліоновъ.

Фрося, заперевъ входную дверь, помчалась обратно. Маріанна сидѣла на кровати Елисаветы Ивановны и тихо плакала, оглядывая комнату: въ безпорядкѣ и въ отсутствіи жилого уюта сказывалось небрежное отношеніе къ паціенту. Бѣлыя занавѣси на окнахъ были грязны, коверъ подлѣ кровати — весь въ пятнахъ, шелковое стеганное одѣяло залито и порвано; подъ столомъ валялись прошлогодніе номера журнара «Нивы». Нигдѣ не было видно ни газетъ, ни журналовъ, ни книгъ, которые Маріанна аккуратно доставляла больной. Валялись драныя больничныя ночныя туфли, вмѣсто дорогихъ бархатныхъ, еще недавно присланныхъ ею. Платяной шкапъ и комодъ были пусты. Не нашла въ нихъ Маріанна ни тонкаго дорогого бѣлья, ни шелковыхъ пеньюаровъ и платій, которые она заботливой рукой выбирала и заказывала, помня любовь Лизаньки къ дорогимъ нарядамъ. Куда же исчезли всѣ эти вещи?!.. Но развѣ не была полной и безконтрольной хозяйкой всего, что касалось узницы сидѣлка съ острымъ непріятнымъ взглядомъ и тонкими поджатыми губами?!..

— Уѣхали! — Фрося вбѣжала съ радостнымъ лицомъ. — А теперь то какъ же быть? Ужъ вы меня вызвольте, Маріанна Макаровна, а то докторъ и Никита Афанасьевичъ со свѣту сживутъ.

— Тебѣ бояться нечего, Фросенька. Развѣ ты могла бы моихъ приказаній ослушаться? Если будутъ допрашивать, отвѣчай что, молъ, Маріанна Макаровна въ дверь постучалась и приказала тебѣ, отъ имени доктора, сей же часъ на пароходную пристань отправляться и къ матери Серафимѣ въ монастырь ѣхать, потому тамъ нужна сидѣлка къ больной; сама же постеречь больную осталась, пока, значитъ, докторъ другую сидѣлку приведетъ. А теперь, Фросенька, чтобы разговоровъ не было, отправляйся, пока я тебя не вызову обратно, къ сестрицѣ Елисаветѣ Ивановнѣ въ монастырь, а я тутъ всю грозу сама разведу.

Фрося, на скорую руку, сбросила свой бѣлый больничный халатъ и завязала въ маленькій узелокъ нужныя вещи.

— Ну, и быть же грозѣ! То-то разгнѣваются, то-то накричатся! Счастливо вамъ оставаться, Маріанна Макаровна! Поскорѣе побѣгу отъ грози то подальше. Я чернымъ ходомъ проскочу. — Фрося поцѣловала руку Маріанны и, волнуясь и посмѣиваясь, выскочила черезъ заднiй ходъ на улицу, накидывая на ходу косынку. Она наняла извозчика на пароходную пристань, гдѣ маленькій пароходъ семьи Бурлаковыхъ обслуживалъ «Береговое» и монастырь. Для себя лично, Бурлаковы пользовались пристанью у монастыря рѣдко, такъ какъ подъемъ на крутой, почти отвѣсный берегъ былъ тяжелъ.

Въ означенный для доктора часъ, Тишка, востроглазый, поминутно дергающій носомъ

мальчикъ для побѣгушекъ, въ синей сатиновой косовороткѣ и жирно напомаженныхъ коровьимъ масломъ волосахъ, потоптался и покашлялъ у дверей Маріанниной комнаты.

— Что тебѣ надо, Тишка?—обозвала она его.

— Дохтуръ пріѣхали; въ пріемной дожидаются.

— Скажи, что сейчасъ выйду. Ну, Анфисушка, гроза начинается; сейчасъ и Григорій Афанасьевичъ домой вернется. То-то на меня накинется.

Анфисушка, сидѣвшая подлѣ Маріанны съ вязаньемъ чулка и шопотомъ переговаривавшаяся съ свой любимицей о происшедшемъ, отложила работу и дрожащей рукой перекрестилась.

— Помоги тебѣ Господи, касатка моя. За правое дѣло вступилась..

Маріанна тоже перекрестилась и спокойно направилась въ гостинную, обставленную безвкусно, хотя и очень дорогой мебелью. Глазъ утомлялся излишкомъ позолоты на потолкѣ и на карнизахъ и тяжелой золоченой бронзой громадныхъ канделябръ. Слишкомъ много было всевозможныхъ вазъ; рядомъ съ полотнами большихъ мастеровъ, попадались картины рыночной работы.

— Какъ ваша больная?.. А вы что то блѣдны, Маріанна Макаровна. Здоровы ли? — Докторъ озабоченно взглянулъ на ея поблѣднѣвшее лицо, задерживая протянутую ему руку.

— Анфисушкѣ совсѣмъ лучше стало, но я очень поджидала васъ, потому надо сказать вамъ про одно секретное дѣло.—Маріанна отошла подальше отъ дверей. Докторъ послѣдовалъ за ней.

— Я слушаю васъ, Маріанна Макаровна.

— Зачѣмъ это вы, докторъ, на преступное дѣло пошли и здоровую, въ своемъ полномъ умѣ Елисавету Ивановну за сумасшедшую выдаете?..

—Что вы говорите, Маріанна Макаровна?! Кто могъ сообщить вамъ подобную нелѣпость?! Вы оскорбляете меня!.. Ужъ не Фрося ли пустила этотъ слухъ?! — Трущовъ гнѣвно сдвинулъ брови.

— Я это давно поняла и ждала только случая, чтобы вызволить несчастную.

Докторъ вздрогнулъ:

— То есть, какъ это вызволить?!

— А такъ,—увезти. Лизаньку я увезла и мы ее спрятали подальше.

Докторъ поблѣднѣлъ и ближе шагнулъ къ ней:

— Маріанна Макаровна, да въ своемъ ли вы умѣ?! Что вы надѣлали?! Что скажетъ Никита Афанасьевичъ?! Вѣдь я, я отвѣчаю за больную!.. На меня падаетъ вся отвѣтственность за вашъ легкомысленный поступокъ. Она можетъ впасть въ такое буйство...

— Полно, докторъ, что ужъ тамъ говорить! —усмѣхнулась Маріанна.—Вы хорошо знаете, что она здорова. Польстившись на отсыпанныя вамъ деньги, творили вмѣстѣ съ Никитой Афанасьевичемъ и новой его супругой безбожное и преступное дѣло! Лизанька увезена секретно. Кромѣ семьи, никто ничего не знаетъ. Мы то всѣ промолчимъ, потому Никита Афанасьевичъ свой, а вы ужъ какъ хотите...—Маріанна повернулась и пошла къ дверямъ. Трущовъ, пораженный и потрясенный страшнымъ для него извѣстіемъ, нервно кусая губы, стоялъ какъ окаменѣлый. Овладѣвъ собой, послѣ нѣсколькихъ минутъ напряженнаго раз-

мышленія, онъ стремительно спустился по лѣстницѣ, прыгнулъ въ ожидавшую его пролетку и помчался къ Никитѣ Афанасьевичу. Опередивъ слугу, онъ вошелъ въ кабинетъ хозяина, который въ это время обѣдалъ.

— Ну, что у васъ тамъ случилось?—прожевывая недоѣденный кусокъ, флегматично спросилъ Никита Афанасьевичъ.

Трущовъ, не находя словъ, медлилъ съ отвѣтомъ.

— Да ну васъ, говорите же!

Докторъ прикрылъ дверь.

— Елисавету Ивановну тайкомъ увезли и спрятали.

— Что-о?? Увезли?.. Это кто же ее увезъ?

— Маріанна Макаровна.

— Маріанна увезла?! А вы, вы то что же смотрѣли?! Гдѣ же глаза ваши были?! — наступая на доктора, сразу потерявъ самообладаніе, загремѣлъ онъ, дернулъ на себѣ воротъ и ударилъ кулакомъ по спинкѣ кресла.

Трущовъ отступилъ, вытянулся, сильно поблѣднѣлъ, глаза его сузились, на красивомъ лицѣ выступила насмѣшливая улыбка:

— А вы, пожалуйста, не кричите, Никита Афанасьевичъ. Я не изъ трусливыхъ. Чѣмъ крикомъ преждевременный скандалъ подымать, вы обсудите-ка дѣло поразумнѣе и поосторожнѣе, потому что пятьдесятъ тысячъ за экспертизу платилъ не я, а вы, и платили вы эти деньги не мнѣ-съ. Дѣло дрянь, говорить тутъ нечего, но и кричать въ такихъ случаяхъ тоже безполезно. Я бы посовѣтовалъ вамъ о себѣ позаботиться и съ семьей сговориться, а мое тутъ дѣло сторона. — Трущовъ поклонился и вышелъ.

— Ну и ловкачъ! — сжимая кулакъ, бросилъ ему вслѣдъ Никита Афанасьевичъ, тя-

жело опускаясь въ кресло и силясь справиться съ собой, съ бѣшенымъ желаніемъ что-нибудь разбить и сломать.

XXIII.

Григорій Афанасьевичъ, поглощенный секретными отъ жены дѣлами, мало видѣлся съ нею, совершенно не интересовался ея жизнью, предоставляя ей полную свободу заниматься благотворительностью, навѣщать больныхъ и бѣдныхъ и даже посѣщать монастырь; онъ убѣдился, что Маріанна до конца и безропотно останется вѣрной своему долгу и своимъ домашнимъ обязанностямъ, что, насколько бы времени онъ ни отлучался, вернувшись онъ найдетъ домъ въ полномъ порядкѣ, и она встрѣтитъ его привѣтливо, внимательно будетъ выслушивать его разсказы, не докучая никакими ни на кого жалобами, всѣмъ довольная, ничего для себя не требующая.

Вернувшись домой вслѣдъ за быстрымъ отъѣздомъ Трущова, онъ не успѣлъ покричать Тишку, чтобы тотъ смѣнилъ ему запыленные ботинки на домашніе болѣе просторные, какъ въ его комнату вошла Маріанна.

— Доктора я встрѣтилъ на нашей улицѣ. Сюда онъ, что-ли заѣзжалъ?

— Заѣзжалъ. Я вызывала... Дѣло такое приключилось... Лизанька-то вѣдь здорова, какъ есть въ своемъ умѣ. — Маріанна пытливо посмотрѣла Григорію Афанасьевичу въ глаза.

— Ну да, здорова! Коли была бы въ своемъ умѣ, такъ не держали бы подъ замкомъ.

— А кто держитъ-то? Анна Петровна да Никита Афанасьевичъ, а Трущовъ подсобляетъ, благо деньги въ карманъ сыпятся.

— Ну-ну-ну, Маріанна, чего только ни скажешь! Съ чего это тебѣ въ голову-то засѣло? Не наше дѣло.

— Какъ не наше, Григорій Афанасьевичъ? Да чтой-то вы говорите? Нынче утромъ мы съ братцемъ Ильей вызволили ее секретно и отвезли, по приказу матери Серафимы, къ ней въ монастырь.

Григорій Афанасьевичъ уставился на жену и, отъ удивленія, даже ротъ раскрылъ.

— Чуръ тебя, что это ты городишь такое? Да какъ же это вы изловчились? Шутишь ты иль взаправду?

— Нѣтъ, я не шучу. Подлое дѣло они сдѣлали; совсѣмъ извели Лизаньку, въ старуху обратили. Не она, а Никита Афанасьевичъ ума рѣшился, что на такое преступленіе пошелъ. Все это отъ злющей супруги его; это ея ума дѣло.

— А ты-то какъ состряпала увозъ-то? Или Илья?

— Братецъ только въ карету посадилъ, да въ монастырь свезъ.

Григорій Афанасьевичъ потеръ лобъ, развелъ руками и вдругъ прыснулъ со смѣху:

— Ну, и натворили же вы дѣловъ! Сказать нечего,—ловкія ребята! Ай да Маріанна! Вотъ те и тихоня! Воды не замутитъ, а какое дѣло сварганила: изъ подъ замка выволокла... у доктора изъ подъ носа... да въ монастырь!.. Ловко, братъ, ловко!..—Григорій заливался отъ смѣха, хлопалъ себя по колѣнямъ и далеко былъ отъ гнѣва, котораго храбро ждала Маріанна.

— А Никита знаетъ, аль еще нѣтъ?

— Не знаю; я разсказала только доктору.

— Это онъ къ нему и полетѣлъ сломя голову. Нагрѣетъ его Никита за недосмотръ. Ну, ладно! Теперь, значитъ, пойдетъ кутерьма чертямъ на веселье. Никита и Анна Петровна во какъ на тебя взъѣдятся, что носъ сунула не въ свое дѣло.

— Дѣло семейное и преступное. Самъ Господь раскрылъ правду.

— Ну, Богу до нашихъ то дѣловъ касаться времени нѣтъ. Заварила ты кашу, знай теперь сиди да помалкивай. Самъ сговорюсь съ Никитой. Взбѣсится онъ; шуму и крику не оберешься.

— А я его нисколько и не боюсь; пусть кричитъ.

— Никита Афанасьевичъ телефонятъ-съ!— громко звалъ Тишка, опрометью мчась къ комнатѣ Григорія Афанасьевича.—Скорѣй приказали вамъ къ телефону идтить...

— Ладно, крикни тамъ въ трубку, что иду. Ну, пойдетъ теперь потѣха!—Мотнулъ головой Григорій и, не торопясь, направился въ прихожую, гдѣ Тишка на готовѣ держалъ трубку аппарата.

Благодаря бѣшенному гнѣву и несдержаннымъ крикамъ Никиты Афанасьевича, долетѣвшихъ до ушей домашней прислуги, по городу пошли ходить какіе то смутные слухи, что Елисавету Ивановну не то тайкомъ вывезли за границу, не то она выздоровѣла и заперлась у себя въ спальнѣ въ «Береговомъ»...

Набравшись за послѣднее время большой самоувѣренности, сильно располнѣвшая, всѣми командовавшая, Анна не на шутку струсила, растерялась и хотѣла было немедля собрать вещи и уѣхать съ сыномъ въ Петербургъ, опа-

саясь нападенія «сумасшедшей», но Никита Афанасьевичъ, въ которомъ бурлилъ гнѣвъ противъ Ильи, Маріанны, матери Серафимы и доктора, вылилъ его впервые на голову Анны, приказавъ ей смирно сидѣть и никуда не трогаться. Отъ малѣйшаго шума, отъ каждаго звонка она вздрагивала и, наконецъ, упросила Никиту Афанасьевича уѣхать ранѣе обычнаго срока въ «Береговое», гдѣ приказала стеречь домъ и садъ не только ночью, но и днемъ; пристань на время была совсѣмъ закрыта, и пароходъ не ходилъ ни къ монастырю, ни къ имѣнію.

Илья, на гнѣвный зовъ брата, къ нему не пошелъ, давъ знать, что послѣ всего происшедшаго говорить имъ не о чемъ.

Григорій Афанасьевичъ далъ Никитѣ совѣтъ шума не подымать, ибо неизвѣстно кто запутанъ въ дѣлѣ освобожденія, кромѣ родни и какую линію можетъ повести Трущовъ, дабы оградить себя.

— Тонкая бѣстія! — отозвался Никита Афанасьевичъ, злобно стискивая зубы.—Раздѣлаться съ нимъ надо. Пусть убирается ко всѣмъ чертямъ. Кто его разберетъ: можетъ имъ въ руку игралъ и нарочно сидѣлку отпустилъ.

Какъ не бѣсился Никита Афанасьевичъ, а съ матерью Серафимой оказались весьма трудными всякіе переговоры, ибо она отказывалась видѣть своего недостойнаго брата, и объ Елисаветѣ Ивановнѣ не давали никакихъ свѣдѣній, такъ что Никита Афанасьевичъ сталъ думать, что она ее куда нибудь тайно отправила, дабы оградить отъ всякихъ злыхъ попытокъ вернуть ее въ санаторію. На самомъ же дѣлѣ, Елисавета Ивановна до такой степени была напугана, что забилась въ самую

отдаленную часть монастыря, боялась переступить порогъ своей комнаты и, кромѣ матери Серафимы, Ильи и Маріанны никого не хотѣла видѣть.

По истеченіи нѣкотораго времени, докторъ Трущовъ выразилъ желаніе имѣть отпускъ для отдыха. Никита Афанасьевичъ, не желавшій видѣть его со дня исчезновенія Елисаветы Ивановны, пригласилъ его въ контору, сухо подалъ руку, указалъ на стулъ и, глядя мимо его головы, холодно и выразительно спросилъ:

— Сколько-бы вы желали получить, чтобы использовать, какъ вамъ покажется лучше, вашъ длительный отпускъ?

Трущовъ, улыбаясь, раздумывалъ. Никита Афанасьевичъ, молча, барабанилъ пальцами по краю стола.

— Ну-съ? — процѣдилъ онъ.

— Да чтожъ, Никита Афанасьевичъ, чтобы не подвести ни васъ, ни коллегу-эксперта, остановимся на его цифрѣ вдвое,—продолжая улыбаться произнесъ Трущовъ.

Никита Афанасьевичъ выдвинулъ ящикъ стола и досталъ нѣсколько туго связанныхъ денежныхъ пачекъ.

— Получите. Да перечитайте для порядка.

Трущовъ спокойно перечиталъ, поднялся, протянулъ руку за шляпой и поклонился.

— Ну, вотъ и покончили. Какъ съумѣлъ, въ свое время, быть вамъ полезнымъ словомъ и дѣломъ, такъ съумѣю быть полезнымъ молчаніемъ. Желаю вамъ всего лучшаго, Никита Афанасьевичъ.

Довольный и счастливый, Трущовъ вскорѣ покинулъ санаторію. Онъ поселился въ столицѣ на широкую ногу и началъ практиковать весьма успѣшно.

Вѣсть объ отъѣздѣ Трущова, принесенная Маріанной въ монастырь, воскресила упавшій духъ Елисаветы Ивановны. Она поняла, что безъ вѣрнаго соучастника, всецѣло преданнаго санаторіи и ея владѣльцамъ—братьямъ Бурлаковымъ, Никита Афанасьевичъ не рискнетъ тронуть ее, тѣмъ болѣе, что разводъ давнымъ давно былъ полученъ, и ея врагъ и соперница законно заняла ея мѣсто. Ей больше и въ голову не приходило бы оспаривать права или мстить; имя Анны и Никиты Афанасьевича наполняли ея сердце страхомъ и смятеніемъ. Ни за что въ жизни, она не согласилась бы встрѣтиться съ нимъ.

Мѣсяцы, проведенные ею въ полномъ покоѣ и тишинѣ, укрѣпили истерзанные нервы. Она стала выходить на прогулку, дѣлалась разговорчивѣе, радовалась свиданіямъ съ Маріанной и Ильей, но ни о чемъ не спрашивала и никакихъ желаній не выражала. Преждевременная сѣдина сильнѣе просвѣчивала въ волосахъ; во всѣхъ движеніяхъ сказывалась моральная усталость и апатія; прежняя беззаботная веселость не возвращалась и трудно было узнать въ молчаливой, худой и блѣдной фигурѣ, безцѣльно бродившей по дорожкамъ монастырскаго сада, прежнюю жизнерадостную, нарядную, весело болтавшую, смѣющуюся Лизаньку, которая внушала простенькой Маріаннѣ уваженіе и удивленіе. Все измѣнилось: теперь Маріанна успокаивала и подбадривала, ища вызвать въ ней хоть какой нибудь интересъ къ жизни и разсѣять полное ко всему безразличіе. Мать Серафима часто говорила ей о милосердіи Бога, спасшаго ее рукой Маріанны, совѣтовала больше молиться, но Елисавета Ивановна туго воспринимала ея слова, оставаясь, какъ была всегда, безразличной къ

Богу. Напрасно мать Серафима объясняла ей цѣль и искупительную силу страданія. Елисавета Ивановна осталась глуха, потому что была полна мыслями лишь о себѣ и своемъ страданіи. Она не умѣла понять ни цѣль жизни Христа на землѣ, ни Его великой жертвы, ни Его любви. Ея душа, умѣвшая страдать лишь своими печалями, не могла возлюбить Величайшаго Страдальца, тащившаго на своихъ израненыхъ плечахъ тяжесть грѣховъ и заблужденій всего человѣчества.

Елисавета Ивановна часами неподвижно сидѣла на одномъ мѣстѣ и, опустивъ голову, все думала и думала. Ея мысль упрямо и узко кружились лишь въ центрѣ своего маленькаго земного я.

— Лизанька, о чемъ это ты все думаешь? — спрашивала ее мать Серафима, и всегда получался одинъ и тотъ же отвѣтъ:

— А все думаю о томъ, какъ они меня подъ замкомъ держали. Это «она» все придумала. Будь она проклята. Теперь ей сладко моими милліонами пользоваться. А я нищей осталась. Если бы ни Маріанна, да ни вы съ Ильей, такъ бы они меня тамъ и замучили.

— Подумай-ка лучше о томъ, что твоя совѣсть чиста, а на ихъ душѣ тяготѣетъ страшный грѣхъ. Пожалѣй, помолись, попроси у Господа прозрѣнія ихъ душамъ.

— Нѣтъ, дорогая мать Серафима, мнѣ себя жаль и жаль моей изломанной жизни. Не стану я о нихъ молиться.

Мать Серафима безнадежно вздыхала.

Прошелъ почти цѣлый годъ. Гнѣвъ Никиты Афанасьевича улегся, но виновникамъ увоза Елисаветы Ивановны онъ не простилъ дерзкаго вмѣшательства въ свои распоряженія и избѣгалъ встрѣчаться съ ними. Анна про-

должала систематически разжигать въ немъ вражду къ несчастной Елисаветѣ Ивановнѣ глупыми опасеньями возможныхъ съ ея стороны покупеній на нее и ихъ сына. Характеръ Анны становился все болѣе и болѣе властный и непримиримый къ всему, что противорѣчило ея желаньямъ. Всѣхъ она считала ниже и глупѣе себя. Никита Афанасьевичъ, не допускавшій надъ собой и своими дѣлами ничьего контроля, начиналъ все болѣе и болѣе уступать подъ натискомъ не менѣе его властолюбивой, деспотичной и грубой натуры, ловко сумѣвшей забрать его въ руки. Въ былое время, Елисавета Ивановна во всемъ съ нимъ соглашалась, лишь бы онъ не мѣшалъ ей пріятно проводить время и наряжаться. Анна настаивала, чтобы все дѣлалось по ея желанію, чуть что, — хлопала дверьми, кричала что ничего нѣтъ хуже, какъ связаться со старымъ дуракомъ. Она пріучила его вводить ее во всѣ дѣла. То, что онъ считалъ раньше живымъ интересомъ къ нему лично, была не болѣе какъ жадность къ деньгамъ, алчное желаніе все знать, дабы ничего не упустить. Ея надежды быть принятой въ домахъ губернской знати, гдѣ раньше бывала Елисавета Ивановна, остались тщетны, ибо двери лучшихъ домовъ продолжали быть для нея закрыты, на что она, по своему выраженію, плевала и мстила тѣмъ, что ни одной копейки не давала на благотворительность.

XXIV

Прошла зима холодная, тихая, однообразная въ стѣнахъ монастыря. Безцѣльно для ума и души проходили дни Елисаветы Ива-

новны. Чтобы какъ нибудь коротать ихъ, она выучилась шить и машинально, апатично шила и шила монатырское бѣлье, роняя на работу слезы унылой тоски, надъ горькими и страшными воспоминаньями. За окномъ гудѣлъ по верхушкамъ деревъ холодный вѣтеръ, засыпало снѣгомъ всѣ дорожки сада, видны были скованныя льдомъ Волжскія дали. Елисавета Ивановна отрывала глаза отъ работы, глядѣла какъ кружась падали хлопья густого снѣга, наваливая цѣлые сугробы подъ окнами келій, прислушивалась къ монастырской тишинѣ и спрашивала себя, для чего она живетъ, для чего тянутся эти ненужные ей дни... Звонъ колоколовъ къ обѣднѣ, вечернѣ и заутренѣ казался ей погребальнымъ звономъ надъ ея оконченной жизнью.

Наступила весна въ жизни Елисаветы Ивановны сорокъ четвертая. Былъ день ея рожденія. Маріанна пріѣхала съ подарками и большимъ сладкимъ кренделемъ съ изюмомъ и миндалемъ. Она долго искала Елисавету Ивановну и въ кельяхъ у монашекъ, и по всему саду, и въ огородахъ; наконецъ, по указу послушницы, нашла ее у крутого спуска подлѣ самой рѣки. Елисавета Ивановна сидѣла на камнѣ и подперевъ лицо ладонями, печально глядѣла передъ собой. Глаза ея были заплаканы.

— Лизанька, ангель мой, да что жъ это съ вами? Ищу васъ, ищу, а вы тутъ укрылись. Я вамъ нарядный костюмъ въ подарокъ привезла и модные полосатые чулочки... Да вы никакъ плачете?! Взаправду, плачете!... О чемъ, Лизанька? — Маріанна опустилась на траву рядомъ съ ней

—Подумай сама, Маріанночка; ну что у меня за жизнь?! Ни кола, ни двора, ни гроша за

душой. Теперь я окрѣпла, нервы успокоились, не могу же я на всегда въ монастырѣ оставаться. Во мнѣ нѣтъ на это призванія. Тоска одолѣваетъ, хочется въ свой домъ, къ своимъ вещамъ; а гдѣ мой домъ? Гдѣ всѣ мои вещи? Куда я сунусь? — Она закрыла руками лицо и горько заплакала.

Маріанна растерялась.

— Лизанька милая, да вы не плачьте. Вѣдь матушка Серафима думаетъ какъ бы вамъ получше и поспокойнѣе, а не то чтобы васъ неволить. Довольно вы настрадались. Коли угодно вамъ, я сегодня же съ ней про вашу печаль поговорю. Она мудрая и любящая: живо найдетъ какъ вамъ угодить.

— Ты не думай, Маріанночка, что я вамъ всѣмъ неблагодарна, но такъ тяжело на душѣ отъ мыслей... Вышвырнули какъ негодную тряпку, а сами живутъ, наслаждаются; она въ золотѣ и брилліантахъ купается...

Маріанна молчала. Ей было грустно, что Елисавета Ивановна все еще не могла отойти сердцемъ отъ мірской суеты, и червь обиды точилъ и точилъ тамъ, гдѣ надо было давно смириться и успокоиться.

Тихо и плавно катилась мимо нихъ широкая рѣка. Длинной вереницей, соединенные толстымъ канатомъ, скользили плоты плавляемаго строевого лѣса. Босоногіе мужики, закативъ штанины по самое колѣно и свѣсивъ къ водѣ ноги, сидѣли на толстыхъ бревнахъ. Молодой парень, растянувшись во весь ростъ, подложивъ подъ голову шапку, закинувъ руки и глядя въ свѣтло синее небо, заливался звонкой незатѣйливой, какъ и его простая жизнь, пѣсней, далеко и переливчато разносившейся по берегамъ.

«Э-эй, ты-ы Во-о-олга, д' ма-атушка-а-а!...

«Э-эй, ты-ы Во-оолга д‘ корми-и-ли-ца!

— Ишь заливается то какъ!— улыбнулась Маріанна. — Я Лизанька, до страсти люблю, когда этакъ съ Волги пѣсня разливается. Родное вѣдь это, съ колыбели любимое. Полно вамъ, Лизанька, печалиться и про нихъ вспоминать. Пусть ихъ живутъ какъ хотятъ. Что толку отъ золота и брилліантовъ! Камень и прахъ. Только и есть, что блеститъ.

Маріанна убѣдила Елисавету Ивановну, что вопросъ о ея жизни внѣ стѣнъ монастыря не такъ сложенъ, какъ ей кажется, и что она поговоритъ съ матерію Серафимой въ тотъ же день.

Старая монахиня выслушала Маріанну и вздохнула:

— Да, не по ней наша трудовая затворническая жизнь. Я надѣялась было, что послѣ пережитыхъ страданій, она привяжется къ нашей мирной обители; но нѣтъ, — иного она склада. Сердце неразумное, душа трепетная, мысли перемѣнчивыя. Надо обдумать. Пусть доживаетъ свой вѣкъ какъ ей хочется. Не худого ищетъ, а того, что ей по закону полагается. Нечего дѣлать: придется на переговоры вызвать Никиту.

Мать Серафима не любила откладывать принятыхъ ею рѣшеній и въ одинъ ихъ ближайшихъ дней послала Никитѣ Афанасьевичу срочное письмо, вызывая его для неотложныхъ переговоровъ.

Никита Афанасьевичъ прочелъ, нахмурился, хотѣлъ было отвѣтить, что не пріѣдетъ, но передумалъ и прямо изъ конторы, ничего не говоря Аннѣ, отправился на параходикѣ къ сестрѣ въ монастырь.

Мать Серафима встрѣтила его молча; строгимъ внимательнымъ взглядомъ поглядѣла на него и покачала голова:

— Очень ужъ ты постарѣлъ, Никита! Или совѣсть мучаетъ?

— Устаю сильно. Дѣла растутъ, а силы уменьшаются. — Онъ грузно опустился на стулъ и поморщился отъ боли. — Ноги болятъ, а даже и на воды съѣздить полѣчиться не успѣваю.

— За то милліоны сотнями считаешь.

— Коли взялся, такъ и считаю. Помру, — есть кому передать ихъ и кому дѣла продолжать.

— Ну, это какъ Господь укажетъ. И завтрашній день не въ нашей власти, не то что далекое будущее. Я вызвала тебя по серьезному дѣлу. Жену свою Елисавету Ивановну пришло тебѣ время обезпечить и дать ей чѣмъ жить.

— Не я увозилъ ее изъ санаторіи, не я опредѣлялъ ее жить тамъ, гдѣ она сейчасъ находится, ничего я о ней не знаю и знать не хочу. Съ сумасшедшими дѣлъ не имѣю.

— Оставь басни повторять, Никита. Отойди отъ содѣяннаго грѣха. Елисавета, щадя имя Бурлаковыхъ и честь всей нашей семьи, великодушно обо всемъ умолчала и предала забвенію. Теперь твой чередъ воздать ей за то, что никому не открыла о своихъ мукахъ и оскорбленіяхъ, когда твой докторъ далъ позволеніе сидѣлкѣ чуть что — по щекамъ ее бить, опаивалъ снотворными каплями, смирительную рубашку надѣвалъ на здороваго человѣка за то, что по праву подлецомъ его называла и вонъ отъ себя гнала.

— Врачу лучше знать, какъ съ больными обращаться. — глядля всторону, буркнулъ Никита.

— А зачѣмъ же вы его спроводили изъ санаторіи коли такъ довѣряли? Молчи, Никита. Самъ знаешь, что взялъ на душу великій грѣхъ. По силамъ исправь сдѣланное зло. Все обойдется безъ шума: за Елисавету я ручаюсь. А коли добивать ее станете, тогда ужъ и я голосъ подыму.

Долго пришлось матери Серафимѣ спорить и доказывать брату то, что въ глубинѣ души онъ сознавалъ, но отъ чего отступился подъ сквернымъ вліяніемъ своей второй жены.

Едва онъ вернулся съ нѣкоторымъ запозданіемъ домой, какъ она, пытливо и безпокойно глядя ему въ глаза, спросила:

— Для чего ты въ монастырь ѣздилъ?

— А кто это тебѣ доложить успѣлъ? — невольно насупилъ онъ брови.

— Чего тамъ докладывать. Случайно узнала.

— Очень ужъ эти случаи тебѣ часто подворачиваются. Насчетъ Елисаветы Ивановны сестра вызывала.

— Опять Елисавета Ивановна?! Господи, да когда же это мы развяжемся съ ней?! Что ей отъ насъ нужно?

Никита Афанасьевичъ подробно передалъ разговоръ съ матерью Серафимой и ея категорическія требованія обезпечить Елисавету Ивановну приличнымъ капиталомъ и отдать ей пожизненно «Береговое». Со стороны Анны послѣдовалъ взрывъ самаго грубаго и злобнаго гнѣва:

— Еще этого не доставало, чтобъ я ей отдала «Береговое». Какіе еще тамъ капиталы на нее записывать! Пусть радуется, что не

кончаетъ жизнь въ сумасшедшемъ домѣ! Никто другой, а самъ профессоръ призналъ ее рухнувшейся. Говорила я тебѣ, что Трущовъ дуракъ и кисляй: трудно ли ему было каплями или микстурой разъ на всегда успокоить эту сумасшедшую дуру. Вотъ и раззоряйся теперь на нее. У насъ сынъ, о немъ думать нужно, да и самымъ жить надо. Мало ли расходовъ?! Деньги такъ и плывутъ десятками тысячъ...

— Кричать безполезно. Надо обдумать и рѣшать.

— Какія тутъ могутъ быть рѣшенія! Ни «Береговаго», ни капиталовъ она не получитъ. Сунь ей пятьсотъ рублей въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы навсегда за границу убиралась.

— Вижу, что въ этомъ дѣлѣ ты совсѣмъ дура. Не знаешь сестры. Голова у нея толковая, а воля желѣзная. Спорить съ ней безполезно. Ея слову всякій повѣритъ и никакіе милліоны не помогутъ, если она подымется на защиту правъ Елисаветы Ивановны.

— Тоже монахиня, а въ мірскія дѣла носъ суетъ! Не умѣешь ты ее отчитать хорошенько. Ужъ я бы сговорилась съ ней.

— Ну и сговаривайся, я не мѣшаю.

— А ты думаешь, я побоюсь? Завтра же поѣду и ее вмѣстѣ съ этой сумасшедшей на мѣсто поставлю. Развѣ монастырь смѣетъ сумасшедшихъ изъ санаторіи тайкомъ увозить и у себя скрывать? Не она, а мы можемъ противъ нея дѣло поднять...

Весь день Анна злилась, бранилась, швыряла все, что ей подъ руку попадалось, на всѣ лады повторяла, что она не позволитъ никому совать носъ не въ свои дѣла и никакихъ денегъ никто не получитъ.

На слѣдующій день, она рѣшительно объявила мужу, что ѣдетъ въ монастырь объясняться съ игуменьей.

— Поѣзжай, коли не боишься, что за ворота не впустятъ, — безразлично пожалъ плечами Никита Афанасьевичъ.

Надѣвъ на себя платье подороже и навѣсивъ не малое количество цѣнныхъ побрякушекъ, Анна покатила въ монастырь. На сердцѣ кипѣла злоба; она заранѣе предвкушала свое торжество и готовила одна за другой ѣдкія фразы и дерзкія слова. Она давно привыкла къ тому, что окружившіе ее люди безмолвствовали передъ властью милліоновъ. Такъ же какъ и Никита Афанасьевичъ, она соразмѣрила свою вѣжливость съ количествомъ денежныхъ средствъ у того, съ кѣмъ имѣла дѣло; такъ же какъ и онъ, она была груба съ подчиненными и бѣдными.

— Я желаю видѣть мать игуменью, — не отвѣчая на поклонъ старой монахини привратницы, бросила Анна.

— Пожалуйте въ пріемную. Какъ о васъ доложить матушкѣ?

— Я по дѣлу.

Старая монашка привычнымъ глазомъ разобрала, что пріѣзжая хоть и съ большимъ форсомъ, но не изъ именитыхъ посѣтительницъ. Не понравилось ей и то, что она имени своего сказать не желаетъ. Монашка вернулась къ воротамъ, заглянула въ оконце калитки, признала давно знакомаго Бурлаковскаго кучера и, смекнувъ кто отъявился, сама доложила матери Серафимѣ.

Старая монахиня строго повела бровями, подумала и велѣла позвать мать благочинную, свою будущую замѣстительницу, умную

представительную мать Анастасію. Съ нею вмѣстѣ и вошла въ пріемную.

Анна сидѣла, заложивъ нога на ногу, помахивая носкомъ, отвалясь на спинку стула.

— Здравствуйте, мать Серафима здравствуйте, мать Анастасія, — развязно поднялась она.

Монахини молча наклонили головы.

— Вы не узнаете меня? Анна Петровна Бурлакова, жена вашего брата.

— Не знаю такой. Знаю жену его Елисавету Ивановну, которую люблю и уважаю за ея честную жизнь и за ея страданія.

— Разъ мы съ Никитой Афанасьевичемъ обвѣнчаны вы не можете не признавать...

— При живой женѣ или живомъ мужѣ, не признаю иныхъ женъ и мужей, ибо таковъ законъ Христа.

Строгій взглядъ матери Серафимы, упорно устремленный на нее, началъ смущать развязность Анны.

— Мнѣ нужно поговорить съ вами относительно вздорныхъ претензій Елисаветы Ивановны, предъявляемыхъ мужу. Мы ихъ выполнить не можемъ.

— Вамъ лично ничего выполнять и не слѣдуетъ, ибо это обязательство мужа къ своей женѣ; вы лицо постронное и для семьи Бурлаковыхъ — чужое.

— Разъ я ношу фамилію Бурлаковыхъ, значитъ и принадлежу къ вашей семьѣ.

— По закону людскому, но не по совѣсти и не передъ Богомъ. Съ какими мыслями ѣхали вы сюда? Для чего вырядились въ дорогія тряпки и разукрасились цѣнными камнями? Сюда люди пріѣзжаютъ молиться Богу. Никакими богатствами не укроете отъ Всевидящаго вашу душу. Вы отдали ее во власть дья-

вола и властью тьмы творите зло и вовлекаете брата моего въ дѣла, за которыя грозитъ суровая кара Божья. Уѣзжайте отсюда и передайте отъ меня брату моему Никитѣ Афанасьевичу, что еще немного — и надъ нимъ разразится Божій гнѣвъ... а надъ вами — погодя.

Мать Серафима, не отрывая суроваго пристальнаго взгляда отъ лица Анны, постояла еще минуту и безшумно вышла. Мать Анастасія, съ опущенными глазами, послѣдовала за ней.

Первый разъ въ жизни, Анна испытывала что-то похожее на робость; ни одно изъ заранѣе приготовленныхъ словъ не слетѣло съ ея устъ, какъ бы парализованныхъ строгимъ взглядомъ праведной монахини. Что-то тоскливое, темное и тяжелое шевельнулось въ сердцѣ. Незнакомая тоска глянула въ щелочку; слезливымъ безцвѣтнымъ глазомъ уставилась и, не спуская взгляда, сопутствовала всю дорогу, пока она возвращалась домой.

— Ну ее совсѣмъ! Старая ворона... раскаркалась, — нехотя бросила Анна, когда Никита Афанасьевичъ освѣдомился относительно результатовъ ея поѣздки къ матери Серафимѣ.

XXV.

Проходили мѣсяцы и Никита Афанасьевичъ тянулъ и тянулъ съ рѣшительнымъ отвѣтомъ. Наконецъ объявилъ, что согласенъ выдавать Елисаветѣ Ивановнѣ тысячу рублей въ мѣсяцъ, но съ тѣмъ, чтобы она уѣхала жить за границу.

Услышавъ объ этомъ, Елисавета Ивановна сильно испугалась и на отрѣзъ отказалась.

— Никуда я не уѣду, — со страхомъ повторяла она. — Здѣсь я подъ защитой своихъ спасителей, а тамъ за границей они меня опять упрячутъ и ужъ тогда раздѣлаются со мной какъ захотятъ. Видно такова ужъ моя доля закончить жизнь затворницей.

— А вы бы, Лизанька, попробовали, въ присутствіи матери Серафимы, сами съ нимъ поговорить, — предложила ей Маріанна. — Вѣдь все это онъ по наущенію Анны Петровны дѣлаетъ. Быть можетъ, увидя васъ, совѣсть заговоритъ, и сердце смягчится.

Но Елисавета Ивановна, съ испуганнымъ лицомъ, замахала руками:

— Ни за что, ни за что, Маріанночка! Не могу я его видѣть! Умирать буду, а къ себѣ не позову. Пусть лучше нищей оставляютъ жить на рукахъ матери Серафимы, — все же она мнѣ не чужая, а ужъ съ нимъ увидѣться я никогда не соглашусь. Какъ вспомню, что сумасшедшую изъ меня сдѣлалъ и позволилъ мучить и подъ замкомъ держалъ, такъ меня морозъ по кожѣ пробираетъ; я его боюсь какъ звѣря.

Илья, хоть и обладалъ сравнительно скромными средствами, предложилъ подѣлиться ими и дать подъ своей крышей спокойный пріютъ Елисаветѣ Ивановнѣ; но мать Серафима отклонила, предвидя, что такой выходъ изъ положенія будетъ противной сторонѣ настолько удобнымъ, что всякія дальнѣйшія попытки окажутся тщетными. Она молилась и крѣпко задумывалась, какой путь она должна избрать, чтобы сломить злобное и жадное упрямство обидчиковъ своей невѣстки. Она

крѣпко вѣрила, что Господь слышитъ ея молитвы, видитъ неправду и обиду, чинимую темной, злой силой и вступится за несчастную Елисавету Ивановну.

Вѣра ея была не напрасна.

Въ день рожденія своего сына, которому исполнилось шесть лѣтъ, Никита Афанасьевичъ устроилъ пышный банкетъ, назвалъ гостей, наготовилъ множество дорогихъ яствъ и винъ, осыпалъ ребенка не по лѣтамъ для него цѣнными подарками, съ гордостью вывелъ къ собравшимся гостямъ и посадилъ рядомъ съ собой къ столу на почетное мѣсто. Избалованный, капризный ребенокъ мѣшалъ разговорамъ, своенравно выражалъ свои требованія, грубо обращался къ слугамъ. Ни мать, ни отецъ не видѣли въ этомъ ничего предосудительнаго, спѣша выполнять всѣ его капризы.

— Видите, каковъ у меня наслѣдникъ! Тоже съ характеромъ, и голова умнѣйшая: знаетъ чего хочетъ,—любуясь мальчикомъ, хвалился отецъ.

И родители, и гости много пили, ѣли и веселились. Въ концѣ обѣда, Никита Афанасьевичъ поднялся и, съ бокаломъ шампанскаго въ рукахъ, началъ говорить рѣчь о томъ, какъ велико и безоблачно его счастье, какъ спокойно онъ идетъ по уклону своего жизненнаго пути, зная, что виновникъ торжества— его любимый сынъ и наслѣдникъ, со временемъ приметъ въ свои руки всѣ его сложныя дѣла и дастъ ему на старости лѣтъ покой и отдыхъ. Не договоривъ, Никита Афанасьевичъ качнулся, выронилъ бокалъ и грузно, всей тяжестью тѣла повалился на бокъ.

— Какой ты, папа, дуракъ! — раздался капризный испуганный возгласъ ребенка, среди всполошившихся гостей.

Никиту Афанасьевича, съ большимъ трудомъ, подхватили на руки, потащили въ его комнату и положили на кровать въ безчувственномъ состоянiи, съ пѣной у открытаго рта и прилившей къ головѣ кровью. Вызванный изъ санаторiи докторъ озабоченно покачалъ головой и долго возился подлѣ громаднаго недвижнаго тѣла.

Засуетились слуги; гости, смущенные и испуганные, стали одинъ за другимъ разъѣзжаться съ праздника, прерваннаго въ самомъ разгарѣ веселья. На слѣдующiй день, въ городѣ говорили о томъ, что младшаго Бурлакова хватилъ ударъ, и вся правая сторона у у него отнята.

— Боже мой, что жъ теперь будетъ?!— металась Анна, рыдая и заламывая руки. Вопли ея не помогали; и Никита Афанасьевичъ, грузно уйдя въ перины, лежалъ съ однимъ глазомъ закрытымъ, еле-еле ворочая языкомъ, такъ что трудно было его понять, съ неподвижной, безчувственно откинутой правой рукой и ногой.

Такъ прошелъ цѣлый мѣсяцъ. Всѣ его дѣла перешли въ вѣдѣнiе Григорiя Афанасьевича. Анну это до крайности безпокоило, ибо Григорiй Афанасьевичъ много пьянствовалъ и велъ жизнь до крайности распутную, швыряя громадныя суммы на кутежи. Хотя издавна заведенная машина какъ будто бы и не страдала, двигаясь тѣмъ же темпомъ по инерцiи, но Анна, не безъ основанiя, боялась упущенiй въ дѣлахъ мужа, требовавшихъ со стороны его брата удвоенной энергiи и труда. Она по-

пробовала было проявить свою инициативу, но, Григорій Афанасьевичъ рѣшительно возсталъ:

— Ну ужъ, какъ угодно, а пока я тутъ хозяинъ, вамъ соваться, Анна Петровна, нечего. Не бабьяго это ума дѣло. Не извольте въ контору жаловать, иначе я все брошу; тогда и справляйтесь какъ сами знаете.

Когда Анна вышла, онъ хихикнулъ ей вслѣдъ:

— Съ куцымъ то умомъ, и тоже въ мужскія дѣла лѣзетъ! Нѣтъ, братъ, ужъ это дудки!

Аннѣ на яву и во снѣ мерещилось, что золотой потокъ, со всѣхъ концовъ Россіи стекающій по Волгѣ въ контору Никиты Афанасьевича, благодаря недосмотрамъ, неминуемо начинаетъ съуживаться; она охала, подсчитывала расходы, приходила въ отчаяніе отъ затяжной болѣзни мужа.

Однажды, сидя подлѣ него, она вспомнила свой визитъ къ матери Серафимѣ:

— Тебѣ эту болѣзнь накаркала твоя сестрица-монахиня, чтобъ ей пусто было!

Никита Афанасьевичъ уставился открытымъ глазомъ въ уголъ и долго о чемъ то думалъ. На другой день, въ его несвязномъ мычаніи поняли, что онъ требуетъ къ себѣ брата Григорія.

Съ большимъ трудомъ и послѣ долгихъ усилій, ему удалось каракулями начертить на листкѣ бумаги: «Береговое» отдать Е. Ив. пожизненно».

Анна вскинулась было, запротестовала, но Никита Афанасьевичъ такъ грозно замычалъ и заволновался, такъ гнѣвно метнулъ въ ея сторону здоровымъ глазомъ, что она замолчала, а Григорій Афанасьевичъ поспѣшилъ его успокоить, что его желаніе будетъ выполнено.

Маріаннѣ было поручено извѣстить объ этомъ мать Серафиму и Елисавету Ивановну. Отъ неожиданной радости она расплакалась, а у матери Серафимы дрогнуло сердце, ибо одному Господу были вѣдомы ея непрестанныя жаркія молитвы, мольбы Господу вразумили брата, пораженнаго Его праведнымъ гнѣвомъ.

Анна, пользуясь безпомощнымъ положеніемъ Никиты Афанасьевича и строгимъ приказомъ доктора ограждать его отъ всякихъ дѣлъ и тревогъ, самостоятельно дала приказъ вывезти изъ «Берегового» все, что ей нравилось. Илья Афанасьевичъ, случайно узнавъ объ этомъ, отправился въ имѣніе и категорично воспротивился вывозу вещей. «Береговое» было куплено Никитой Афанасьевичемъ передъ его первой женитьбой и было обставлено по вкусу Елисаветы Ивановны. Вывозъ цѣнной хорошо подобранной обстановки обширной усадьбы былъ равносиленъ ея раззоренію. Тихій, уравновѣшенно-спокойный Илья Афанасьевичъ оказался весьма рѣшительнымъ защитникомъ правъ обиженной невѣстки и, не взирая на брань и крики Анны, не позволилъ вывезти ни одного стула. Анна помчалась съ жалобой къ Григорію, требуя устранить Илью отъ вмѣшательства. Григорій Афанасьевичъ, по своему обыкновенію, увильнулъ. Скосивъ въ сторону глаза, развелъ руками:

— Онъ такой же братъ Никитѣ, какъ и я. Что я могу сдѣлать?. Я тутъ сторона. Сказано —отдать «Береговое», значитъ и надо отдать. Вещи не убѣгутъ; отнять всегда успѣете...

На очереди всталъ сложный вопросъ, на какой же капиталъ жить и поддерживать имѣніе, доходность котораго не превышала требуемыхъ для его содержанія расходовъ. Надо

было ждать выздоровленія Никиты Афанасьевича, чтобы снова заговорить о капиталѣ.

Елисавета Ивановна торопилась переѣхать въ любимое «Береговое», и въ тоже время она боялась оставаться тамъ одной. На выручку пришелъ Илья, предложивъ вернуться туда на житье и взять въ свои руки управленіе имѣніемъ. Елисавета Ивановна, обнимая съ благодарностью Илью, плакала отъ радости. Она и не подозрѣвала, что весь свой небольшой капиталъ онъ рѣшилъ дѣлить съ нею, дабы дать ей возможность спокойно существовать. Маріанна поддерживала ее деньгами, которыя мужъ щедро выдавалъ ей на личные расходы.

Въѣздъ Елисаветы Ивановны въ «Береговое» былъ однимъ изъ самыхъ ея свѣтлыхъ и счастливыхъ дней. Сопровождала ее Маріанна. Илья Афанасьевичъ ожидалъ съ хлѣбомъ и солью у парадинаго крыльца. Собралось нѣсколько прежнихъ слугъ, всегда любившихъ и уважавшихъ жизнерадостную, безпечную и и ласковую госпожу. Увидя не по лѣтамъ состарившуюся, посѣдѣвшую, худую, скромно одѣтую во все черное фигуру, они жалостливо качали головами и перешоптывались:

— Ишь какъ горе то уходило ее сердечную!.. Видно, Бурлаковскіе милліоны не на радость ей дались!.. Ужъ подлинно бѣсъ попуталъ: промѣнялъ Никита Афанасьевичъ кукушку на ястреба.

Елисавета Ивановна любовно обходила всѣ комнаты, переставляя на прежній ладъ гдѣ столикъ, гдѣ кресло. Войдя въ свою комнату, гдѣ Илья Афанасьевичъ озаботился все привести въ прежній видъ, она, взглянувъ на себя въ широкое туалетное зеркало, горько разрыдалась: оно отразило ей, рядомъ съ по-

сѣдѣвшей и отцвѣтшей худой фигурой, красивую нарядную женщину въ длинной вереницѣ счастливыхъ, безвозвратно исчезнувшихъ годовъ...

Въ бывшемъ кабинетѣ Никиты Афанасьевича, переставленномъ по иному, поселился Илья. Большой любитель всякихъ птицъ, онъ перевезъ туда клѣтки съ канарейками и скворцами, и ихъ веселый щебетъ и пѣсни звонко доносились въ сосѣднія комнаты. Никита Афанасьевичъ никогда не потерпѣлъ бы въ своемъ домѣ такого нарушенія покоя, котораго внутри себя онъ, однако, никогда не находилъ.

Въ «Береговомъ» потекли тихіе, однообразные и счастливые для Елисаветы Ивановны дни; страданіе сдѣлало ее мало требовательной и, не въ примѣръ прежней жизни, она избѣгала людей, никого не хотѣла видѣть, кромѣ Маріанны и самыхъ близкихъ друзей, навѣщавшихъ ее за послѣднее время въ монастырѣ.

Матери Серафимѣ удалось пріучить ее къ рукодѣлію, и теперь Елисавета Ивановна шила себѣ бѣлье изъ тонкаго голландскаго полотна, цѣлыми кусками подаренными ей Маріанной. Въ монастырѣ же, отъ скуки помогая трудолюбивымъ монашкамъ, она выучилась садоводству. На удивленіе Ильи, она съ большой любовью, стала сама разводить въ саду цвѣты. Говорила она мало и была всегда задумчива. Никогда не спрашивала о Никитѣ Афанасьевичѣ и просила въ ея присутствіи не произносить именъ тѣхъ, кто содѣйствовалъ ея несчастію.

Григорій Афанасьевичъ хотѣлъ было изъ любопытства пріѣхать въ «Береговое», чтобы повидать ее, но Маріанна удержала, зная, что

Елисавета Ивановна спрячется отъ него въ свою комнату.

— Чудачка тоже! Не я же сажалъ ее въ санаторію; сама просила свезти. Я свезъ, бережно сдалъ, по лѣстницѣ идти помогалъ, за локотокъ поддерживалъ, а теперь я же и виноватъ остался! Ну и шутъ ее дери, коли не желаетъ видѣть,—усмѣхнулся Григорій, желая казаться въ этомъ дѣлѣ чистымъ передъ своей чистой, прекрасной женой, хранившей молчаніе о всемъ томъ, что она отгадывала или что было ей доподлинно извѣстно.

XXVI.

Выздоровленіе Никиты Афанасьевича подвигалось очень туго. Докторъ совѣтовалъ увезти больного за границу, чтобы удалить отъ всякихъ дѣлъ и помѣстить въ лучшей санаторіи подъ наблюденіемъ профессора специалиста. Анна медлила, ибо была увѣрена, что въ отсутствіи Никиты Афанасьевича Григорій будетъ слѣдить за дѣлами брата спустя рукава. Она называла Маріанну идіоткой за то, что та «не прибирала къ рукамъ» своего мужа, позволяла ему кутить, распутничать и бросать на сторону деньги. Однако, зная съ какимъ умѣніемъ и энергіей Маріанна управляла дѣлами санаторіи и основаннаго ею дѣтскаго пріюта съ богадѣльней, она не могла не признавать за ней административныхъ способностей и ума, который скрывался подъ покровомъ большой скромности и смиренія. Въ первый разъ Анна пожалѣла о своихъ далекихъ съ ней отношеніяхъ, не позволявшихъ ей обратиться съ просьбой повліять на своего мужа, дабы онъ приглядывалъ за дѣлами

брата. Наканунѣ отъѣзда, она все же рѣшила поѣхать къ ней. Дверь открыла Анфисушка— ея непримиримый врагъ, винившая во всѣхъ бѣдахъ не столько Никиту Афанасьевича, кокораго она, какъ и всѣхъ дѣтей Парасковьи Ивановны, выходила, сколько его вторую жену, которую иначе не называла, какъ« аспидъ»и «распутная дѣвка». Ей была извѣстна исторія съ поползновеніемъ Анны вывезти вещи изъ «Береговаго», крики, брань и ссора съ Ильей, котоваго Анфисушка особенно нѣжно любила. Она сразу узнала Анну, однако не посторонилась и, придерживая полуоткрытую дверь, молча и неодобрительно оглядывала ее: изъ подъ распахнутой шубки виднѣлось, пропитанное крѣпкими духами, яркое платье, какъ и всегда, увѣшанное брилліантами и жемчугами. Анфисушку она ставила наравнѣ съ прислугой, а потому отношеніе къ ней было презрительное. Слугъ, какъ и все простонародіе, она за людей не почитала и была съ ними до крайности груба.

— Маріанна Макаровна дома?—стряхивая съ собольей муфты пушинки перваго снѣга, небрежно спросила она не глядя и не здороваясь съ Анфисушкой.

— А что надоть?

— Я спрашиваю дома ли Маріанна Макаровна? Скажите, что завтра уѣзжаемъ, и я пріѣхала проститься.

— Знаемъ, что Никита Афанасьевичъ завтра уѣзжаетъ... Ну, а Маріанны Макаровны дома нѣту-ти.

— Какъ нѣту?! Мнѣ изъ санаторіи сказали, что она сейчасъ дома. Ступайте и скажите, что я хочу ее видѣть, — сильно повышая голосъ, нетерпѣливо приказала Анна.

— А ты не кричи! Въ приличный домъ пріѣхала, а не въ кабакъ. Сказано дома нѣтъ, и все тутъ.

— Я знаю, что она дома.

— А коли дома, то не для всякаго.

— Ну, ужъ это я пожалуюсь Григорію Афанасьевичу... Безобразіе какое!

— Кому хошь, тому и жалься. Ишь, духъ то какой отъ тебя несетъ... а отъ души то смердитъ.

Анфисушка захлопнула дверь подъ носомъ Анны. Ворча и негодуя, она разсказала Маріаннѣ какъ спроводила за дверь «аспидку».

— Что ей тутъ дѣлать?! Только чертей съ собой въ домъ нанесетъ, а потомъ выметай всѣ углы. Сама скажу Григорію, что пущать ее къ тебѣ не слѣдъ. Отъ нея жди только сплетневъ да скандаловъ. Не ко двору намъ это.

Никиту Афанасьевича, въ сопровожденіи опытнаго фельдшера, увезли за границу. Анна, недовольная отъѣздомъ, была всю дорогу рѣзка и раздражительна. Капризный мальчикъ не слушался ее, грубилъ ей и нянькѣ, топалъ ногами, плевался, кричалъ во все горло и лѣзъ въ драку.

Ослабѣвшій, неподвижно лежащій отецъ потерялъ всякій авторитетъ въ глазахъ недобраго ребенка. Съ перваго же дня его заболѣванія, мальчикъ отстранился отъ отца. Когда его убѣждали подойти и пожалѣть бѣднаго больного папу, онъ капризно выдергивалъ руку, упирался и не шелъ.

— Тебѣ развѣ не жаль его?

— Нѣтъ не жаль. А зачѣмъ онъ со мною не играетъ?

— Онъ боленъ, и его надо пожалѣть.

— Не хочу жалѣть. Пусть онъ мнѣ сдѣлаетъ подарки.

Надъ недобрыми отвѣтами смѣялись и забавлялись, не видя въ сердцѣ дитяти злыхъ сѣмянъ, уже пустившихъ ростки, благодаря окружавшей его обстановкѣ ничѣмъ не замаскированнаго эгоизма, грубости и жадности къ деньгамъ. Ребенокъ жилъ среди взрослыхъ, заимствуя отъ нихъ то, что они могли ему дать, чѣмъ сами жили. При полномъ отсутствіи духовной культуры, всѣ ихъ интересы сводились къ доставленію своему жадному «я» наибольшее количество удовлетвореній, хотя бы и въ ущербъ ближнему. Никогда не слыша о любви къ Богу, о любви къ ближнему, чувствуя себя центромъ заботъ и вниманія всѣхъ окружавшихъ, ребенокъ росъ подобно звѣрьку, которому потакали въ его кровожадныхъ инстинктахъ.

Полъ года, проведенные Никитой Афанасьевичемъ и его семьей за границу, быстро прошли для всѣхъ членовъ Бурлаковскаго семейства, безъ всякой видимой для нихъ перемѣны.

Молилась, уставала и старѣла мать Серафима, заваленная хлопотами и заботами не только въ однѣхъ стѣнахъ своего монастыря. Маріанна, изо дня въ день, строго выполняла всѣ взятыя на себя обязательства и по дому, и по санаторіи, и по пріюту съ богадѣльней. Дѣла прибавлялось, приходилось не мало уставать, умиротворяя, утѣшая, безпрестанно видя страданія, болѣзни и смерть. Маріанна молчаливо и бозшумно выполняла долгъ своей жизни. Шла тихая и чистая рядомъ съ распутнымъ, пьянствующимъ мужемъ, не имѣя въ немъ ни опоры, ни друга. Шла кротко и терпѣливо, ибо крѣпость духа ея черпалась въ источникахъ живой воды, которые указала ей,

однажды, престарѣлая мать Серафима. Красота Маріанны не отцвѣтала, дѣлалась все строже и тоньше. Илья Афанасьевичъ съ большимъ рвеніемъ хозяйничалъ въ «Береговомъ», окружая Елисавету Ивановну заботами и братской любовью. Послѣ увоза ее изъ санаторіи, онъ относился къ ней какъ къ несчастному ребенку.

Какъ и въ былое время, въ воскресные дни онъ отправлялся пѣшкомъ къ обѣднѣ въ монастырь, а Елисавета Ивановна пріѣзжала въ экипажѣ; лошадьми правилъ мужъ Фроси, парень сосватанный ей Маріанной. Фрося исполняла обязанноси горничной и экономки. Хотя во многомъ пришлось сжаться и не было средствъ жить, какъ жили въ «Береговомъ» раньше, но никто не жаловался, будучи подъ опекой добраго хозяина Ильи Афанасьевича.

Елисавета Ивановна жила въ «Береговомъ» какъ улитка въ своемъ домикѣ. Кромѣ монастыря, она никуда не выѣзжала. О Никитѣ Афанасьевичѣ и его семьѣ какъ будто навсегда забыла. Было въ ней что то странно молчаливое. Иногда, она сидѣла въ креслѣ часами, ничего не дѣлая, о чемъ то думая.

— Экая ты неумѣлая, Лизанька! — пошутилъ какъ то Илья. — Ну какъ ты безъ меня тутъ управишься, коли я помру?

— Нѣтъ, ужъ ты этого мнѣ говори, Илья. — Въ глазахъ Елисаветы Ивановны отразился испугъ. — Если ты умрешь, я сейчасъ же обратно въ монастырь уѣду. Ни за что одна и одного часу не останусь.

Въ этотъ день она ходила разстроенная, ни за что не могла взяться.

Илья покачалъ головой и про себя подумалъ:

— Засадили то зодровую, и вывезли чуть-чуть тронутую.

Зима прошла тихо, однообразно, день въ день. Въ саду лежали высокіе сугробы снѣга. По расчищенной отъ крыльца тропиночки гуляла Елисавета Ивановна, накинувъ на плечи свою старенькую бархатную шубку, радостно найденную въ кладовыхъ.

Подъ ногами хрустѣлъ и искрился снѣгъ, солнце заливало холоднымъ сіяніемъ бѣлыя дали и застывшую ледяную броню рѣки.

Въ полушубкѣ и валенкахъ, всюду доглядывая, всюду поспѣвая, обходилъ и объѣзжалъ хозяйство Илья Афанасьевичъ. Возвращался къ завтраку веселый и добрый.

Потрескивалъ въ печкахъ перебѣгающій по дровамъ огонь. Въ комнатѣ было тепло и бѣло отъ далеко раскинувшейся снѣжной пелены. Звонко пѣли канарейки, подолгу застаивался въ столовой самоваръ, пахло березовымъ не перегорѣвшимъ углемъ. Чаще пріѣзжала погостить Маріанна вмѣстѣ съ Анфисушкой, которую устраивали поближе къ Фросѣ. Безконечно пился въ прикуску горячій какъ кипятокъ кофе и велись въ буфетной полушопотомъ нескончаемыя бесѣды, о томъ, какъ засадили и какъ увезли Елисавету Ивановну, какъ рубилъ параличъ Никиту Афанасьевича.

Какъ прежде въ отдаленныхъ комнатахъ Парасковьи Ивановны, такъ теперь въ тишинѣ отдаленнаго отъ города помѣстья, чувствовала себя хорошо и спокойно Маріанна, коротая длинные зимніе вечера за шитьемъ.

— Скажи, Маріанночка, скучно тебѣ жить? — спросила ее однажды Елисавета Ивановна.

— Первый годъ какъ вышла за Григорія Афанасьевича, было страсть до чего скучно;

душа въ монастырь рвалась и казалось, что въ міру не смогу угодить Богу. А теперь я вовсе и не думаю скучно мнѣ иль нѣтъ. Живу да и живу какъ Богъ велитъ. Вижу, что больнымъ, убогимъ да сиротамъ всякимъ угодить могу; ну значитъ, Господу и угождаю. Теперь о монастырѣ и не думаю: нельзя мнѣ всѣхъ моихъ сиротъ, старухъ, да больныхъ на чужія руки сбросить. Вотъ и живу этакъ день за днемъ, а годы идутъ да идутъ.

Илья Афанасьевичъ, мастерившій на углу стола новую клѣтку для любимаго скворца, одобрительно посмотрѣлъ на Маріанну поверхъ очковъ:

— Намедни, и я такъ же Лизанькѣ говорилъ. Что тамъ задумываться да зря надъ прошлымъ тужить. Вѣдь и завтрашняго дня отгадать не можемъ, а какъ же познать къ чему то или иное клонится. Маріаннушка тужила зачѣмъ ей не дали въ монастырь уйти, да и я не мало огорчался изъ за того же, а Господь не пускалъ насъ, потому что нужны мы Ему были для иного дѣла: тебя вызволить, Лизанька, изъ подъ руки молодца Трущова да его хваленой сидѣлки, чтобы сюда устроить. Развѣ не такъ?

— А вѣдь это вѣрно! — удивилась Елисавета Ивановна.

Никита Афанасьевичъ вернулся домой, когда Волга, освободясь отъ тяжелыхъ льдинъ, опять мирно текла въ начинавшихъ зеленѣющихъ берегахъ, съ которыхъ, торопливо бурля, стекали мутные потоки таявшаго снѣга.

За нѣсколько дней до его пріѣзда, слуги засуетились, прибирая, чистя, выколачивая, обметая всюду залежавшуюся пыль.

— Каковъ то пріѣдетъ? — спрашивали себя.

Пріѣхалъ онъ совсѣмъ оправившійся отъ болѣзни, но сильно постарѣвшій, осунувшійся, съ еще болѣе сжатыми тонкими, блѣдными губами и не глядящимъ въ глаза взглядомъ. Видимо, радъ былъ къ себѣ вернуться. Обошелъ, слегка волоча правую ногу, всѣ комнаты, опустился въ кабинетѣ на любимое кресло и облегченно вздохнулъ:

— Ну, слава Богу. Наконецъ то домой вернулся!

Домъ наполнился бѣготней, шумомъ и крикомъ сильно выросшаго Игоря и громкими, сыпавшимися какъ градъ, приказаніями Анны.

Къ вечеру пріѣхалъ Григорій. Долго сидѣлъ съ братомъ въ кабинетѣ; говорили о дѣлахъ, о новыхъ предпріятіяхъ.

— Ну, а что Елисавета Ивановна?—глядя въ сторону, спросилъ Никита Афанасьевичъ.

— Сидитъ въ «Береговомъ», никуда носа не кажетъ. Илья опекаетъ. Я не видалъ ее, а Маріанна говоритъ, что совсѣмъ иная стала.

— Пора угомониться. А живетъ то на что?

— Илья помогаетъ.

Вошла Анна. Услышавъ послѣднія слова, поняла о чемъ рѣчь идетъ и презрительно усмѣхнулась:

— Съ пустымъ карманомъ, а въ рыцаря играетъ.

— Илья нашъ съ молоду таковъ: и съ деньгами и безъ денегъ всѣмъ доволенъ. Это онъ въ маменьку покойницу пошелъ, — улыбнулся Григорій, не то одобрительно не то подъ ладъ усмѣшки Анны. — Сестра Серафима велѣла сказать, чтобы ты Елисаветѣ Ивановнѣ денегъ на житье ассигновалъ.

— Какихъ еще денегъ?!—поспѣшила вмѣ-

шаться Анна. — Мало ей «Берегового»? Этакій кладъ ей отдали! Простить не могу.

— Подохнуть собирался, оттого и отдалъ; не брать же назадъ, — не безразличнымъ тономъ отозвался Никита Афанасьевичъ. — На счетъ денегъ—это надо подумать.

— Пусть за двадцать тысячъ возвратитъ мнѣ «Береговое», вотъ и деньги будутъ.

Григорій залился захлебывающимся смѣшкомъ.

— Ловко!.. Экъ ловко придумала! За двадцать тысячъ! Коммерческая голова!

— Хватитъ съ нее на старости лѣтъ. Въ свое удовольствіе пожила и довольно. Надо и другимъ дать жить. — Такими ничего не говорящими общими фразами Анна разрѣшала сложныя, невыгодныя для себя положенія, усыпляя совѣсть Никиты Афанасьевича.

Вопросъ о денежномъ обезпеченіи такъ и остался открытымъ. Прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ, пока, наконецъ, Никита Афанасьевичъ,—подъ неустаннымъ вліяніемъ Анны, вмѣшивавшейся во всѣ дѣла, сообщилъ сестрѣ своей настоятельницѣ монастыря, что онъ будетъ ежемѣсячно выплачивать Елисаветѣ Ивановнѣ пятьсотъ рублей, считая это вполнѣ достаточнымъ и никакихъ обезпеченій на ея имя записывать не будетъ. Если же Елисавета Ивановна желаетъ имѣть капиталъ, то онъ предлагаетъ ей двадцать пять тысячъ за возвращеніе «Берегового», предоставленнаго ей на пожизненное пользованіе.

Мать Серафима, прочтя это увѣдомленіе, съ сокрушеніемъ и негодованіемъ покачала головой. Она вызвала для совѣщанія брата Илью.

— На-ка, полюбуйся на щедрость извѣст-

нѣйшаго по всей Волгѣ милліонера Никиты Бурлакова.

Илья Афанасьевичъ прочелъ, вздохнулъ и, молча, отложилъ бумагу.

— Какъ же теперь быть? Судомъ, что-ли, требовать?

— Какіе ужъ тутъ суды! —махнулъ рукой Илья. — Нечистыми путями нажитыя деньги, нѣтъ отъ нихъ и проку. Никита жаденъ сталъ. Срываетъ сотни тысячъ гдѣ и какъ можетъ. Совѣсть давно придушилъ. А все мало да мало. Не стоитъ намъ грязнаго съ ними дѣла затѣвать. Пусть даетъ что хочетъ; я Лизаньку не оставлю, да и Маріанна поддерживаетъ то тѣмъ, то инымъ.

— Ну и хорошо! Слава Господу, что ты такъ разсудилъ. А все же больно за Никиту. Вѣдь онъ братъ намъ, не чужой. А про Григорія слышалъ? Срамота одна. Докладывалъ мнѣ отецъ Павелъ, что по всему городу шепчутся да смѣются: не молиться въ церковь ходитъ, а распутствомъ своимъ соблазнять, да еще и похваляется. Пристаетъ къ дамамъ и дѣвицамъ. Самъ же, для виду, Апостола читаетъ, поклоны кладетъ. Шесть десятковъ стукнуло, а страху Божьяго какъ не было, такъ и нѣтъ. Все смѣшки, да смѣшки. И этотъ не лучше Никиты.

Илья промолчалъ. Онъ не хотѣлъ огорчать сестру и многое скрывалъ отъ нея о старшемъ своемъ братѣ Григоріи. Чѣмъ дальше, тѣмъ распутнѣе и безобразнѣе была его жизнь, тѣмъ циничнѣе были его поступки, тѣмъ менѣе онъ считался со своей кроткой женой. Илья часто стыдилъ и усовѣщевалъ брата, но Григорій, по своему обыкновенію, сводилъ разговоръ на шуточки.

— Что и говорить, жена моя красавица, по всей губерніи не сыскать такой. Зато и балую ее: дѣлай что хошь, бери денегъ сколько хошь, живи барыней. Уважать я ее уважаю, а веселиться съ ней скучаю. И выходитъ, что веселимся врозь и живемъ каждый по своему. Нынче такъ водится, братецъ Илья. Это, значитъ, на манеръ европейскій.

— Пьянствуешь ты много, денегъ просаживаешь уйму, годы свои забываешь.

— Не вижу грѣха въ пьянствѣ. На свои деньги пью, а не на чужія. Самъ наживаю, самъ и проживаю. А про годы, — такъ и это, братецъ мой, ты не вѣрно говоришь. Каковъ нравъ далъ мнѣ Господь, такимъ и пользуюсь, а другихъ не неволю. Раньше, съ Никитой, бывало, покучивали, звону задавали, а теперь, шалишь: Нюрочка Петровна совсѣмъ его въ руки загребла. Безъ себя — ни-ни не пускаетъ. Тоже сквалыгой она становится, не приведи Богъ! Изъ-за какой-нибудь сотенной въ драку готова лѣзть. Такъ и сгребаетъ деньги. Никита хотѣлъ Елисаветѣ Ивановнѣ тысячу выдавать, такъ она такого крику надѣлала, что въ ушахъ звенѣло. Эта милліоны любитъ не по нашенски. Такъ и дрожитъ надъ каждымъ грошемъ. Не люблю я этого.

Елисавета Ивановна, узнавъ о ничтожной суммѣ въ пятьсотъ рублей, ассигнованной ей получать какъ ежемѣсячную подачку изъ рукъ Никиты Афанасьевича, сперва сильно заволновалась и испугалась.

— Ничего, Лизанька, проживемъ. Моего капитала на насъ двоихъ хватитъ, — успокоилъ ее Илья. — Коли захочется, на будущій годъ и за границу поѣхать сможешь. Молочное хозяйство, куры да свиньи у насъ стали хорошій

доходъ давать. Съѣздишь, и, какъ въ былое время, развлечешься.

— Что это ты, Илья, придумалъ, — замахала она руками. — Ни заграницу, и никуда я одна не поѣду. Довольно настрадалась. Развѣ я знаю, что у нихъ на умѣ?! Если съ тобой какъ-нибудь поѣхать, это другое дѣло, а одна я и на пароходѣ въ Астрахань не поѣду.

— Ну, чтожъ: можетъ, когда-нибудь доходовъ хватитъ и вдвоемъ съѣздить. Деньги, Лизанька, что рѣка: то текутъ да текутъ, изъ береговъ выступаютъ, а то вдругъ высохнутъ и тутъ тебѣ не поплыть, ни нырнуть, а только по камешкамъ босикомъ переступать. И то, и другое въ Божьей власти.

XXVII.

Послѣ того, какъ соотношенія членовъ Бурлаковской семьи вполнѣ выяснились, жизнь вошла въ свои рамки и потекла по тому руслу, по какому, каждый изъ нихъ, ее направилъ. Прошло десять лѣтъ.

Въ круговоротѣ дней, съ изумительной быстротой, съ жуткой стремительностью мелькали недѣли, мѣсяцы и годы, видоизмѣняя наружность людей, неожиданно вырывая ихъ и унося за грани невѣдомой, непроницаемой тайны смерти. Такъ умерла неожиданно и просто Анфисушка, схвативъ гдѣ-то простуду. Докторъ назвалъ это инфлуэнцой. Маріанна поила ее липовымъ и малиновымъ чаемъ до третьяго пота, растирала уксусомъ съ водкой, ставила банки, но Анфисушка всетаки изъ жизни исчезла. Попрощавшись съ Маріанной и благословивъ ее, она указала въ какомъ ящикѣ комода заготовлено ею самой сшитое

погребальное платье, чулки и туфли, въ какомъ узелкѣ завязаны деньги на похороны и на крестъ, просила позвать отца Павла, причастилась и умерла безъ особыхъ страданій, съ той простой вѣрой, съ какой прожила свой вѣкъ.

Григорій Афанасьевичъ совсѣмъ состарился и видъ его былъ неблагообразенъ. Съ обрюзглой желтой кожей, съ краснымъ носомъ, неопрятно висящими усами, со слезящимися глазами, по привычкѣ, всегда хихикающій, отпускающій циничныя шуточки, онъ внушалъ брезгливое чувство. То и дѣло, привозили его подъ утро домой въ полубезчувственномъ пьяномъ, безобразномъ видѣ. Случалось, что при немъ не оказывалось ни бумажника, ни часовъ. На утро, присылались изъ ресторановъ громадные счета, гдѣ значилось невѣроятное количество выпитаго вина и разбитой посуды. Григорій Афанасьевичъ лежалъ съ компрессомъ изъ уксуса на головѣ, охалъ, хныкалъ, жаловался на головную боль. Молча, платила Маріанна по счетамъ, молча мѣняла смоченное полотенце. Она знала, что дѣла сильно пошатнулись, что, подъ пьяную руку, его надували и оббирали. Это мало трогало ее, ибо деньги лично ей никогда нужны не были, кромѣ какъ на самое необходимое; на ея же благотворительность, Никита Афанасьевичъ записалъ капиталъ. Отъ пьянства и разгульной жизни, у него сильно слабѣла память, онъ забывалъ о срочныхъ дѣлахъ, путалъ назначенные дни. Надъ нимъ посмѣивались, обходили въ дѣлахъ и денежныхъ разсчетахъ. Бывая въ нетрезвомъ видѣ, онъ проговаривался Маріаннѣ о такихъ вещахъ, которыя вызывали въ ней еще большее отвращеніе къ Бурлаковскимъ милліонамъ. Внѣшне, ея жизнь

не измѣнилась: по прежнему, она отдавала себя для заботъ о страждущихъ, нищихъ, сиротахъ и убогихъ; по прежнему жила отдѣльно отъ всего городского веселящагося круга, но всѣ знали, всѣ уважали и любили тихую, красивую жену распутнаго пьяницы и богача. Кому нужна была помощь или пособіе, всѣ безбоязненно шли въ пріемную санаторіи, гдѣ Маріанна принимала безъ разбора всѣхъ просителей.

Мать Серафима, по наслѣдственной болѣзни отъ своей покойной матери Порасковьи Ивановны, сильно ослабѣла на ноги, съ трудомъ двигалась, а потому управленіе монастыремъ передала матери Анастасіи; сама же жила въ полномъ затворничествѣ, предаваясь молитвѣ. Принимала она въ свою узкую, темноватую келью рѣдко и мало кого. Даже братъ ея Илья и Маріанна посѣщали ее лишь въ крайней надобности мудраго совѣта, остерегаясь нарушать ея непрестанную молитву. О матери Серафимѣ далеко пошла молва какъ о праведницѣ и угодной Господу молитвенницѣ.

Въ «Береговомъ», за десять протекшихъ лѣтъ, произошли чудесныя вещи. Илья Афанасьевичъ, не умѣвшій не только пріумножить, но даже и удержать въ своихъ рукахъ оставшагося ему отъ отца крупнаго состоянія и давшій себя обобрать ловкому мошеннику, сумѣлъ трудолюбіемъ и аккуратностью преобразовать малодоходное имѣніе въ богатую сокровищницу; хозяйство разросталось, были прикуплены новые участки земли, была построена обширная ферма куда, по просьбѣ Маріанны, на лѣтніе мѣсяцы привозили слабыхъ пріютскихъ дѣтей.

Илья, съ утра до ночи, былъ занятъ, ибо имѣніемъ и его разростающимся хозяйствомъ

управлялъ самъ, любилъ и благословлялъ свой трудъ, былъ всѣми любимъ. Несмотря на то, что на отдыхъ имѣлъ совсѣмъ мало времени, все же, какъ будто бы не уставалъ и не старѣлъ. Голова посѣдѣла, а лицо оставалось моложавымъ, съ ласковымъ открытымъ и веселымъ взглядомъ.

Елисавета Ивановна хозяйства не касалась; какъ и въ былые годы, его не любила и не понимала. Единственно что ее продолжало занимать — это цвѣты. Садъ былъ полонъ прекрасныхъ самыхъ рѣдкихъ сортовъ всевозможныхъ цвѣтовъ. Съ весны до осени хлопотала о нихъ Елисавета Ивановна, выписывая изъ за границы сѣмена и луковицы. Зимой, ихъ взращивали въ теплицахъ и переносили въ комнаты. Ничто, кромѣ цвѣтовъ, ее не занимало. И зимой, и лѣтомъ она жила среди ихъ благоухающей красы. Она сильно состарилась, но никакими недугами не страдала, кромѣ нѣкоторой слабости сердца. Характеръ у нея сохранился ровный и не трудный; она жила съ Ильей въ большой дружбѣ, часто высказывая благодарность за то, что онъ для нея дѣлалъ.

— Ну, Лизанька, теперь мнѣ и помирать не страшно: въ рукахъ твоихъ окажется не малый капиталъ, — сказалъ онъ ей, однажды, послѣ годового подсчета всѣхъ приходовъ и расходовъ.

— Сколько разъ я тебя просила, Илья, не говорить мнѣ объ этомъ! — воскликнула Елисавета Ивановна и вдругъ расплакалась.

— Лизанька, да вѣдь я отъ радости сказалъ; хотѣлъ утѣшить, что ни отъ кого ты больше не зависишь; все что зарабатываемъ, все тебѣ останется.

— Ничего мнѣ не останется; если ты умрешь, они все отъ меня отберутъ и опять засодятъ...

Илья понялъ, что на этомъ пунктѣ разумъ Елисаветы Ивановны ослабѣлъ: два съ лишнимъ года, проведенные подъ замкомъ, сдѣлали свое страшное дѣло.

Объ Никитѣ Афанасьевичѣ и его семьѣ, въ присутствіи ее никто никогда не заикался, ибо одно имя его приводило ее въ крайнее безпокойство, и періоды неподвижной молчаливой задумчивости учащались. За всѣ десять лѣтъ, ни разу не удалось уговорить ее выѣхать куда нибудь, хотя бы на самый короткій срокъ.

— Зачѣмъ выѣзжать, — мнѣ и тутъ очень хорошо, — уклончиво отвѣчала она. Въ тѣхъ случаяхъ, когда Ильѣ необходимо было отлучаться по дѣламъ, пріѣзжала Маріанна, ибо на Елисавету Ивановну нападалъ паническій страхъ остаться одной, хотя бы и окруженной вѣрно преданными ей слугами.

Десять лѣтъ, такъ же быстро пролетѣвшіе и надъ домомъ Никиты Афанасьевича, во многомъ измѣнили его жизнь. Благодаря не остывающей энергіи и все возростающей любви къ деньгамъ, милліоны его умножались. Имя Никиты Бурлакова было извѣстно теперь не только по всей Волгѣ. По умножающемуся количеству милліоновъ, умножалась ему и людская почесть. Но счастіе въ личной жизни отплывало. Въ домѣ его завелся злой недугъ — страшная, подозрительная скупость и жадность его жены Анны Петровны. Она дрожала надъ каждой копейкой; урѣзывала на самые необходимые расходы, сокращала число слугъ, боялась гостей, а когда они являлись— ея гостепріимство было такъ скупо, что по

всему городу сдѣлалось предметомъ насмѣшекъ. Никита Афанасьевичъ, то и дѣло гнѣвно гремѣвшій въ своей конторѣ, дома — молчалъ, терпѣливо переносилъ брань и окрики жены, во всемъ уступалъ даже и тогда, когда видѣлъ неправоту или вредъ. Второй, еще болѣе тяжкій недугъ, былъ его семнадцатилѣтній сынъ Игорь. Красивый, отъ природы развитой, мальчикъ становился дряннымъ человѣкомъ. Безсердечный и черствый, воспитанный внѣ всякихъ принциповъ, онъ очень рано сталъ проявлять злую волю искверные инстинкты, ничѣмъ не сдерживаемые тогда, когда еще было время съ ними бороться. Родителей своихъ онъ не уважалъ; благодаря природному уму, онъ подсознательно отдавалъ себѣ отчетъ, что то что онъ видѣлъ и слышалъ въ своемъ домѣ, не достойно уваженія. По черствости сердца, онъ никого, а также и своихъ родителей — не любилъ; былъ жаденъ и скупъ какъ мать, какъ она — любилъ только деньги и самого себя; какъ они оба, былъ грубъ съ людьми, презиралъ бѣдность, не зналъ чувства состраданія и жалости ни къ кому, былъ лживъ, хвастливъ и самоувѣренъ.

Во всѣхъ этихъ отрицательныхъ качествахъ сына, Никита Афанасьевичъ усматривалъ для жизни оборонительную силу. Но въ одинъ невеселый для него день, эта оборонительная сила ударила въ самое его сердце, заставъ врасплохъ авторитетъ отца. Никита Афанасьевичъ никогда не задумывался надъ тѣмъ, что не можетъ быть авторитета, если онъ не опирается на принципы морали. Возможна лишь власть, удерживаемая страхомъ. Но и страха къ отцу и матери его сынъ никогда не имѣлъ, ибо все ему было дозволено и наказаній за свои проступки онъ не зналъ.

Семнадцатилѣтній Игорь, жившій съ колыбели въ чрезмѣрной для своихъ лѣтъ роскоши, не знавшій ни въ чемъ отказа, пожелалъ имѣть револьверъ и приставалъ съ этой просьбой то къ отцу, то къ матери.

— Зачѣмъ тебѣ револьверъ?

— Я хочу его носить въ карманѣ. Мало ли что: собака укуситъ — вотъ я ее и пристрѣлю, — отвѣтилъ Игорь, стоя передъ отцомъ съ заложенными въ карманы руками.

— Глупости! Никакого тебѣ револьвера не надо. Не доросъ еще.

— Я хочу имѣть револьверъ... Дай денегъ

— Ну-ну, не приставай. Ступай ка, я занятъ, — успокоительно и миролюбиво произнесъ Никита Афанасьевичъ, любуясь высокимъ, стройнымъ юношей, съ изломанной капризной линіей темныхъ бровей.

— А я хочу! — повысилъ онъ голосъ и вышелъ, бросивъ на отца сердитый взглядъ.

Черезъ нѣсколько дней, изъ письменнаго стола Никиты Афанасьевича пропало пятьсотъ рублей. Поднялся шумъ, крикъ и брань. Заподозрили молодого недавно нанятаго парня, прибиравшаго комнаты и натиравшаго воскомъ полы. Обыскали его маленькій тощій сундучекъ, обшарили сѣнникъ и подушку, ничего не нашли, но все же отъ мѣста отказали по распоряженію Анны Петровны, увѣренной, что деньги стащилъ онъ. Игорь, не менѣе другихъ, негодовалъ и бранился, утверждая, что «всѣ они воры и мошенники».

Прошло много дней, какъ вдругъ изъ его комнаты раздался по всему дому выстрѣлъ. Сломя голову, бросились къ нему. Игорь стоялъ среди комнаты блѣднымъ, съ разряженнымъ револьверомъ въ рукахъ. Выстрѣлъ

произошель отъ неосторожнаго и неумѣлаго обращенія.

— Ты гдѣ взялъ револьверъ? — строго спросилъ Никита Афанасьевичъ.

— Дядя Григорій потихоньку подарилъ,— солгалъ онъ, первое что попалось на умъ.

Никита Афанасьевичъ револьверъ отнялъ. Ложь выяснилась. Начались допросы, кто осмѣлился дать опасную запрещенную игрушку. Старый лакей показалъ. что револьверъ онъ видѣлъ давно, и что барчукъ ему сказалъ, будто подарилъ его самъ Никита Афанасьевичъ, но велѣли никому не сказывать, потому что барыня, молъ, осерчаютъ.

Послѣ долгихъ запирательствъ, мальчикъ сознался, что деньги изъ стола взялъ онъ для покупки револьвера.

— А какъ же ты посмѣлъ уворовать? — допрашивалъ его отецъ.

— Никакое не воровство. Ты не давалъ, такъ я и самъ взялъ,—хмуро глядя исподлобья, проговорилъ онъ.

Отвѣтъ показался Никитѣ Афанасьевичу весьма умнымъ, свидѣтельствующимъ, яко-бы, о силѣ въ достиженіяхъ желаемаго.

— Пошелъ вонъ и не смѣй больше лазить въ мой кабинетъ.

Этимъ и закончилось. Мальчикъ затаилъ злобу противъ стараго слуги, показавшаго противъ него и изрѣзалъ ему подушку и одѣяло. Слуга пожаловался Аннѣ Петровнѣ. Та велѣла ему молчать, чтобы никто не узналъ.

Прошло немного времени, какъ, благодаря сыну, надъ головой Никиты Афанасьевича разразилась страшная гроза.

Въ городѣ стала извѣстна небольшая кучка молоденькихъ купчиковъ, позволявшая

себѣ въ городскихъ и загородныхъ ресторанахъ бурные кутежи и даже скандалы, которые миролюбиво улаживались, благодаря вмѣшательству ихъ вліятельныхъ отцовъ. Игорю очень хотѣлось попасть въ кружокъ молодыхъ кутилъ, но онъ зналъ, что для этого нужны деньги и не малыя. По секрету отъ отца и матери, ему удалось познакомиться съ нѣкоторыми изъ нихъ, и вскорѣ онъ былъ принятъ какъ участникъ ихъ кутежей и сквернаго поведенія. Когда всѣ укладывались спать, онъ тайкомъ уходилъ изъ дому чернымъ ходомъ и такъ же возвращался. Нѣсколько разъ это обошлось благополучно; но вскорѣ произошелъ скандалъ: въ общій залъ ресторана ворвались наиболѣе перепившіеся, на глазахъ у публики перебили посуду, безобразничали и дрались. Вмѣшалась полиція. Игорь оказался однимъ изъ наиболѣе дерзкихъ буяновъ, чѣмъ пріобрѣлъ уваженіе и большой вѣсъ среди своихъ новыхъ товарищей. Полиція составила протоколъ и на слѣдующій же день объ этомъ стало извѣстно Никитѣ Афанасьевичу. Открылось, что Игорь не въ первый разъ принималъ участіе въ кутежахъ. На вопросъ отца откуда у него деньги, онъ солгалъ, что занялъ у товарища; однако, отказался отвѣтить сколько и у кого занялъ. На приказъ отца прекратить вредныя знакомства, онъ дерзко возразилъ, что ему скоро восемнадцать лѣтъ, и чтобъ отецъ вспомнилъ, съ какихъ поръ самъ онъ началъ пьянствовать и кутить.

— Ну, ты, молокососъ, не разсуждай, а слушай что тебѣ говорятъ,—строго оборвалъ его Никита Афанасьевичъ.

— Чего мнѣ слушать! Я у тебя денегъ не спрашиваю.

— Ну и дуракъ! Не спрашиваешь, а долгъ заплатить то надо! Изъ какихъ же денегъ?

— Справлюсь и самъ; авось заработаю какъ нибудь.

Никита Афанасьевичъ сдержалъ улыбку.

— На, возьми деньги: разсчитайся у кого взялъ, чтобъ это было въ послѣдній разъ.

Игорь взялъ деньги, не сказавъ отцу и спасибо, а черезъ нѣсколько дней, Анна Петровна замѣтила исчезновеніе нѣсколькихъ цѣнныхъ вещей изъ своей шкатулки. У Никиты Афанасьевича потемнѣло въ глазахъ. Онъ позвалъ въ кабинетъ сына:

— Говори правду, ты взялъ у матери брилліанты? Коли не скажешь, хуже будетъ: заявлю полиціи, она живо найдетъ, и по всему городу скандалъ разнесется.

— Говорю, не я. Мнѣ что: зови полицію, я не боюсь.

Никита Афанасьевичъ, съ большими предосторожностями, заявилъ полиціи о цѣнной пропажѣ, просилъ не оглашать и впередъ щедро поблагодарилъ за услугу. Черезъ два дня, частный приставъ, глазъ на глазъ, доложилъ Никитѣ Афанасьевичу, что драгоцѣнности перепроданы однимъ жидкомъ извѣстному въ городѣ ювелиру, а жидку онѣ были проданы особой изъ его собственнаго дома...

Частный приставъ покашлялъ и ничего больше не прибавилъ.

Никита Афанасьевичъ долго сидѣлъ запершись въ своемъ кабинетѣ. Никогда раньше не испытываемая тоска сжала сердце.

— ...Игорь... мой сынъ, мой наслѣдникъ — воръ!.. Крадетъ изъ подъ замка у отца и матери!.. Въ восемнадцать лѣтъ—воруетъ... сынъ милліонера... — Никита Афанасьевичъ уронилъ на грудь голову и, если бы умѣлъ плакать, то

заплакалъ бы. Трудно ему было, но онъ велѣлъ позвать къ себѣ Игоря.

Нѣсколько секундъ Никита Афанасьевичъ молчалъ. Собрался съ силами и, глядя на сына, сурово произнесъ:

— Я узналъ, что брилліанты изъ материнской шкатулки взялъ ты. Мой сынъ, сынъ Никиты Бурлакова — воръ!!

— Коли я воръ, такъ и вы сами — воръ! — нагло отрѣзалъ Игорь. — Я взялъ брилліанты изъ собственнаго дома, гдѣ ящики ломятся отъ золотыхъ слитковъ да всякихъ цѣнностей, а вы вонъ купца Сырятина на акціяхъ ограбили; да и не его одного; думаете, что я всего не знаю?! Мнѣ товарищи не мало про всякія ваши дѣлишки разсказали.

Никита Афанасьевичъ почувствовалъ легкое головокруженіе. Онъ поднялся, сжалъ кулаки и, задыхаясь, хрипло выкрикнулъ:

— Молчи, паршивецъ!.. Какъ ты смѣешь... отцу!!. Прощенія проси!.. слышишь?!

— Чего мнѣ прощенія просить! Я не малолѣтній. Коли денегъ давать не станете, я опять стащу.

У Никиты Афанасьевича кровью налились глаза. Онъ размахнулся и тяжелой рукой ударилъ сына по лицу. Игорь весь ощетинился, поблѣднѣлъ, какъ звѣренышъ оскалилъ зубы, красивое лицо исказилось отвратительнымъ выраженіемъ, и онъ со злобой плюнулъ въ лицо отцу, какъ плевалъ въ дѣтствѣ и даже въ отрочествѣ въ лицо матери и слугамъ.

Никита Афанасьевичъ заревѣлъ. Со сжатыми кулаками хотѣлъ броситься на сына, но вмѣсто этого всей тяжестью повалился на турецкій диванъ, подлѣ котораго стоялъ, задѣвъ и уронивъ рядомъ стоявшій столъ съ хрустальной вазой. Игорь, не оборачиваясь, вышелъ

изъ кабинета. Сбѣжались всѣ домашніе, вызвали врача. Оказался второй ударъ и въ болѣе тяжелой формѣ, чѣмъ былъ первый.

XXVIII.

Первое время, никто не зналъ, какія причины вызвали нервное потрясеніе, ибо никому, ни даже матери Игорь не сказалъ, что произошло въ кабинетѣ.

— Я попросилъ у него денегъ, а онъ какъ закричитъ, да вдругъ и повалился, — лгалъ онъ матери, доктору и всѣмъ домашнимъ. Но правда выплыла, ибо старикъ лакей, которому Игорь изрѣзалъ одѣяло и которому было поручено позвать его къ отцу, по привычкѣ, задержался у дверей кабинета, приложивъ глазъ къ скважинѣ. Онъ все слышалъ и видѣлъ, и все разсказалъ Аннѣ Петровнѣ и Григорію Афанасьевичу, а затѣмъ и всѣмъ слугамъ.

Послѣ первыхъ самыхъ тяжелыхъ дней, врачъ высказалъ мнѣніе, что больного необходимо отвезти въ ту же санаторію, гдѣ онъ былъ подъ наблюденіемъ извѣстнаго профессора спеціалиста, хорошо ознакомленнаго съ его предыдущей болѣзнью.

На этотъ разъ, Анна Петровна весьма рѣшительно отказалась везти мужа заграницу.

— Никакого особаго леченія тамъ нѣтъ; точно такъ же и дома за нимъ походимъ. Куда я Игоря потащу? Что онъ тамъ будетъ безъ толку валандаться. Прошлый разъ, такую уйму денегъ просадили, столько передавали тысячъ профессору, да въ санаторію, что я за голову хваталась. Этакъ и милліоновъ не хватитъ...

Докторъ, хотя считалъ положеніе больного крайне тяжелымъ и даже опаснымъ, пе-

ресталъ настаивать, убѣдясь, что это безполезно. Опять была парализована вся правая сторона, лѣвая нога и слегка правая рука. Языкъ еле двигался. Опять лежалъ Никита Афанасьевичъ безъ движенія, безъ рѣчи, съ еле понятнымъ молчаніемъ, напоминая большого, свалившагося съ ногъ звѣря.

Къ болѣзни отца Игорь относился не только съ полнымъ безразличіемъ, но даже и съ раздраженіемъ. Ему и въ голову не приходило, со слезами раскаянія, прильнуть къ безжизненно протянутой рукѣ, облегчить страданія лаской и любящимъ словомъ.

— Не пойду я къ нему. Зря на меня разорался. Увидитъ меня, чего добраго, хуже станетъ; я же виноватымъ окажусь, — упрямо отвѣчалъ онъ матери и Григорію Афанасьевичу, предполагавшимъ, что присутствіе любимаго сына благотворно повліяетъ на больного.

— Да тебѣ, никакъ, совсѣмъ отца не жалко? Болѣзнь то его трудная! Что жъ это ты и носа къ нему не кажешь? — укорилъ племянника Григорій Афанасьевичъ.

— Что мнѣ жалѣть, коли самъ виноватъ. Никто не заставлялъ орать и бѣситься изъ-за пустяковъ.

— Я слышалъ вчерась, что ты опять съ оболтусами по кабакамъ шатаешься. Не гоже безобразничать и веселиться, когда отецъ безъ чувствія пластомъ лежитъ.

— А если онъ будетъ этакъ полгода или годъ лежать, такъ я долженъ полгода ходить носъ повѣся?

— Прыткій ты на слова... Далеко пойдешь!.. — усмѣхнулся Григорій Афанасьевичъ.

Прошло не мало времени, а положеніе больного почти не улучшилось. Докторъ былъ

недоволенъ уходомъ. Въ домѣ привыкли къ его болѣзни, стали относиться небрежно къ предписаніямъ врача.

— Долго ли онъ будетъ колодой лежать?— съ раздраженіемъ жаловалась Анна Петровна въ присутствіи сына. — Только одинъ изводъ денегъ. Фельдшеръ опять прибавки требуетъ, говоритъ, что тяжело ходить за нимъ. Доктору, что ни день, то трешницу выложи, да лѣкарства всякія. Раззореніе одно! Приходится всѣ дѣла на руки повѣренному сдать. Честный то честный, пока хозяинъ за спиной стоялъ, а какъ теперь будетъ, ужъ не знаю.

— А докторъ что говоритъ? — сухо спросилъ Игорь.

— Докторъ самъ не знаетъ. Говоритъ, что болѣзнь затяжная.

Игорь свистнулъ.

— Ну, коли затяжная, такъ пожалуй и на годъ хватитъ. Этакая скучища въ домѣ стала! Ни товарищей позвать, ни пошумѣть, ни покричать. Точно въ гробу живемъ. Лежитъ безо всякаго проку и другимъ жизнь портитъ,— все чаще и чаще жаловался Игорь.

Болѣзнь отца отчасти ему была на руку, ибо онъ выучился требовать и получать отъ матери не малыя суммы денегъ, которыя тратилъ вмѣстѣ съ кутящими товарищами, но его раздражало присутствіе тяжело больного, мѣшало устраивать дома пирушки, на которыя его подбивали молодые кутилы. Кончилось тѣмъ, что Никита Афанасьевичъ былъ переведенъ въ самую отдаленную часть дома, подъ предлогомъ покоя. Все рѣже и рѣже забѣгала къ нему жена, предоставивъ весь уходъ простому фельдшеру, который зачастую отлучался часами или проводилъ время на кухнѣ и въ буфетной, бесѣдуя съ челядью,

попивая кофе, угощаясь крадеными кусками отъ барскаго стола. Никита Афанасьевичъ мычалъ, гнѣвно поводилъ здоровымъ глазомъ и сжималъ кулакъ лѣвой руки, но никто не отзывался, никто не обращалъ вниманія: онъ сталъ никому не страшенъ и не нуженъ.

Прошло еще не мало времени, пока наконецъ, Илья, узнавъ черезъ прислугу, что Никита Афанасьевичъ переведенъ въ дальнюю часть дома близъ кухонь и лакейскихъ, пробрался черными ходами къ брату. Видъ больного, покинутаго на руки челяди, произвелъ на него угнетающее впечатлѣніе. Илья могъ навѣстить его впервые, ибо Анна Петровна, злобствуя за невыданныя ей изъ «Берегового» вещи, не допускала его въ свой домъ.

Никита Афанасьевичъ жалобно мычалъ, силясь что-то сказать Ильѣ, не привыкшему къ этимъ страннымъ звукамъ, трудно было понять его; наконецъ, онъ уловилъ слово «увези» и съ радостью отгадалъ и докончилъ вслухъ:

— Отсюда увезти тебя? Да?

Никита Афанасьевичъ сжалъ полуздоровой рукой руку брата.

— Не волнуйся, Никита, я обдумаю и, чего бы то ни стоило, увезу тебя отсюда.

Выходъ бытъ вскорѣ найденъ: Маріанна вызвала къ себѣ врача и просила его настоять на перевозѣ больного въ ихъ санаторію, гдѣ она сможетъ предоставить необходимый для него комфортъ и уходъ.

И жена, и сынъ, съ большой готовностью, приняли совѣтъ врача перевезти больного.

— Какой ужъ тутъ уходъ! Онъ хоть и разбитъ параличемъ, а не очень то слушается,— оправдывалась Анна.—Тоже вѣдь и сынъ: мо-

лодъ онъ, хочется пошумѣть, повеселиться, а тутъ все—тише, да тише.

Никиту Афанасьевича уложили въ коляску и перевезли въ имъ же основанную санаторію въ отдѣльное помѣщеніе семьи Бурлаковыхъ.

Докторъ выбралъ самую свѣтлую, выходящую на солнечную сторону комнату, съ окнами и отдѣльнымъ ходомъ въ садъ. Это была комната, въ которой два съ половиной года томилась, подъ видомъ умалишенной, его несчастная жена. Съ оконъ давно были сняты, по приказанію Маріанны, желѣзныя рѣшетки, сдѣланныя преданнымъ Никитѣ Афанасьевичу Трущовымъ; послѣ увоза Елисаветы Ивановны, все было заново отдѣлано и комната выглядѣла нарядно и весело. Съ тѣхъ поръ, никто въ Бурлаковскомъ отдѣленіи и не лежалъ.

Ни докторъ, замѣнившій Трущова, ни старые служащіе при санаторіи не знали при какихъ обстоятельствахъ выѣхала Елисавета Ивановна, ибо Трущовымъ былъ распущенъ слухъ, что ее увезли на поправку за границу. Только Ильѣ и Маріаннѣ былъ понятенъ трагическій смыслъ случайнаго выбора комнаты для помѣщенія въ нее виновника страданій Елисаветы Ивановны.

Первое время, Анна заѣзжала въ санаторію ежедневно, затѣмъ стала все чаще и чаще пропускать дни, ссылаясь на недостатокъ времени. Однажды случилось, что Игорю явилась охота изъ любопытства заѣхать въ санаторію. Онъ вошелъ въ комнату больного отца, безъ предварительнаго разрѣшенія доктора, который по счастію оказался при больномъ. При видѣ развязно вошедшаго сына помахивавшаго тросточкой, Никита Афанасьевичъ такъ замычалъ и заволновался, что докторъ запретилъ Игорю

приходить, пока отецъ его самъ ни позоветъ. Игорь не только не огорчился, но съ циничнымъ смѣхомъ разсказывалъ товарищамъ о своемъ неудачномъ посѣщеніи больного отца.

Маріанна навѣщала Никиту Афанасьевича два раза въ день; входила съ ласковой улыбкой и добрымъ словомъ, умѣла ободрить, утѣшить, окружала заботой, справлялась выполняются ли малѣйшія предписанія врача, продолжавшаго ежедневно навѣщать паціента. Врачъ, хорошій спеціалистъ по нервнымъ болѣзнямъ, высказалъ Маріаннѣ мнѣніе, что врядъ ли удастся больного поставить на ноги, ибо въ его собственномъ домѣ уходъ за нимъ былъ настолько плохъ, что не укрѣпилъ, а ослабилъ и безъ того разбитую нервную систему.

На второй мѣсяцъ пребыванія мужа въ санаторіи, Анна не внесла въ кассу денегъ за визиты врача пользовавшаго мужа. Маріанна велѣла послать ей на домъ счетъ. Встрѣтивъ Маріанну въ санаторіи, Анна заявила, что визиты врача спеціалиста считаетъ безполезными, ибо совершенно достаточенъ присмотръ доктора санаторіи.

— И безъ того, денегъ на него много уходитъ: всякія заграничныя лѣкарства, да особая кухня, да то, да другое. Скажите доктору, что коли хуже будетъ, тогда позовемъ.

Маріанна не противорѣчила, но докторъ визиты продолжалъ, и она платила изъ своего кармана за все то, на что не давала денегъ жена извѣстнаго милліонера. Чѣмъ рѣже были ея визиты, не приносившіе больному ни покоя, ни утѣшенія, тѣмъ лучше онъ себя чувствовалъ, ибо, съ укорами и раздраженіемъ, она вводила его во всякія подробности неудавшихся, по причинѣ его болѣзни, дѣлъ, вѣчно

жаловалась на служащихъ, передавала всякія дрязги съ прислугой, ужасалась, до чего денегъ много уходитъ.

Никита Афанасьевичъ сталъ открыто тяготиться ея посѣщеніями и иногда дѣлалъ видъ, что спитъ, дабы сократить свиданіе. Когда открывалась дверь, и она шумно входила, онъ съ недовольной миной отворачивалъ взглядъ. Ему становилась все болѣе и болѣе непріятна ея толстая фигура съ расплывшимися боками, жирная шея, безпокойный взглядъ, вульгарная, грубоватая рѣчь.

Благодаря неустаннымъ заботамъ и тщательному уходу, Никита Афанасьевичъ могъ уже полусидѣть на передвижномъ креслѣ, которое прикатывалось къ открытому окну: несло первымъ теплымъ вѣяніемъ весны, и была видна любимая родная Волга, на которой онъ выросъ, созрѣлъ и состарился...

— ...Волга!..—медленно, но связно произнесъ Никита Афанасьевичъ, съ печальной улыбкой глядя въ распахнутое окно, къ которому впервые подкатили его кресло.

— Вотъ и слава Богу, что опять Волгу увидѣли, — отозвалась Маріанна, помогавшая сидѣлкѣ укутывать ему ноги.

— Маріанна... спасибо... тебѣ, что... Волгу... опять... увидѣлъ. .—Никита Афанасьевичъ первый разъ въ жизни испытывалъ приливъ благодарности и неувѣренной трясущейся рукой первый разъ поднесъ къ губамъ руку Маріанны.

— Полно, Никита Афанасьевичъ, не я, а Господь охранилъ васъ.

Не спуская глазъ, онъ долго смотрѣлъ на голубую, знакомую даль рѣки.

— А что... Елисавета... Ивановна? Жива? Въ «Береговомъ»?..—спросилъ онъ, какъ бы черезъ силу, какъ бы боясь отвѣта.

Маріанна, пораженная неожиданнымъ вопросомъ, не сразу отвѣтила:

— Лизанька здорова. Изъ «Берегового» ни шагу не выѣзжаетъ. Чудесные цвѣты она тамъ разводитъ. Изъ саду прямо рай сдѣлала.

— По...старѣ...ла?

— Охъ, совсѣмъ старушкой стала. Худенькая такая, тихая.

Маріанна понимала, что въ душѣ Никиты Афанасьевича происходитъ тяжелый, сложный процессъ.

Долго молчалъ. Потомъ тихо спросилъ:

— Знаетъ... что... я... калѣка?

— Нѣтъ, не знаетъ. Мы ничего не говоримъ ей; боимся растревожить.

Въ словѣ — растревожить Никита Афанасьевичъ усмотрѣлъ особый скрытый смыслъ, котораго Маріанна въ ту минуту въ виду не имѣла. Онъ понялъ то, что было въ дѣйствительности: не растревожить воспоминаній о прошломъ, о томъ прошломъ, которое, со времени болѣзни, терзало его совѣсть, воскрешая въ памяти яркіе мучительные образы. Сбылись пророческія слова сестры его — матери Серафимы о гнѣвѣ Божьемъ, о возмездіи за все сдѣланное имъ зло

Когда Маріанна подошла съ микстурой, онъ, упорно глядя ей въ глаза, спросилъ:

— Она... въ этой... комнатѣ... была?

Маріанна смутилась. Боясь сказать правду, она замедлила отвѣтомъ.

— Знать... хочу... правду, — нетерпѣливо заволновался онъ.

Маріанна подумавъ, помедлила еще секунду, и твердо отвѣтила:

— Да, Никита Афанасьевичъ, она страдала въ этой самой комнатѣ...

Въ одно изъ своихъ нечастыхъ, непріятныхъ для больного посѣщеній, Анна, безпокойная и раздраженная, уходя, обратилась къ мужу:

— Хорошо, что поправляешься. Пора тебѣ на ноги стать, за дѣла приняться и домой вернуться, а то Игорь совсѣмъ отъ рукъ отбился; озорничаетъ, грубитъ, деньги швыряетъ.

— А ты... не давай.

— Гдѣ мнѣ справиться съ нимъ! Легко сказать не давай. Изъ подъ руки тащитъ.

— Ну, иди... иди... — со страданіемъ въ глазахъ, прервалъ ее Никита Афанасьевичъ.

— То-то, иди! Все на мои плечи свалилъ.

На слѣдующій день, Никита Афанасьевичъ былъ крайне безпокоенъ и просилъ вызвать къ нему Григорія. Тотъ явился къ вечеру. Онъ рѣдко навѣщалъ брата, ибо часто бывалъ пьянъ,

— Я къ тебѣ на минуту, меня ждутъ по дѣламъ, — объявилъ Григорій, усаживаясь подлѣ кровати.

— И я долго... не могу... усталъ что-то.

Григорій поразсказалъ ему городскія новости, похихикалъ и поднялся:

— Ну, мнѣ пора.

— Скажи ка... да, построже... Аннѣ, чтобъ она... ко мнѣ не часто... И пусть про .. — онъ запнулся, заволновался. — Про сына... ничего не... говоритъ. Не хочу я... ничего... знать.

Григорій, выйдя за дверь, свистнулъ отъ удивленія.

— Вотъ-те и сынъ наслѣдникъ!..

Григорій Афанасьевичъ, давно потерявшій въ глазахъ Анны всякій вѣсъ за то, что распустилъ дѣла, и доходы его что ни годъ то

уменьшались, сторонился и побаивался ее; а потому счелъ за лучшее остаться всторонѣ и не передавать непріятнаго порученія.

— Ну ихъ, пусть сами сговариваются! — Махнулъ онъ рукой и, вмѣсто всякихъ дѣлъ, отправился, съ ожидавшимъ его пьянчужкой отставнымъ ротмистромъ, въ клубъ играть въ лото, на которое просаживалъ много денегъ, платя и свой и ротмистра проигрыши.

Настали теплые, солнечные дни, и Никиту Афанасьевича выкатывали въ креслѣ въ садъ. Съ сильно осунувшимся пожелтѣвшимъ лицомъ, совершенно сѣдой, съ безкровными сжатыми губами, опустивъ голову на грудь, онъ дремалъ на солнышкѣ, счастливый ужъ и тѣмъ, что могъ свободно двигать правой рукой, могъ самъ ѣсть, хотя съ трудомъ, но говорить. Онъ сильно привязался къ Маріаннѣ, проводившей подлѣ него ежедневно много часовъ, читавшей ему газеты, всѣми силами облегчавшей его страданія. Илья Афанасьевичъ посѣщалъ брата часто. Его визиты радовали больного; слабая улыбка озаряла его лицо каждый разъ, какъ входилъ Илья. Онъ ему подробно разсказалъ про всѣ работы, постройки и улучшенія, производимыя въ «Береговомъ», внимательно выслушивалъ краткіе совѣты Никиты Афанасьевича, вводилъ во всѣ мелочи по хозяйству. Илья и не подозрѣвалъ, какую благотворную струю онъ вливалъ въ сердце брата, терзаемое горькими мыслями о неудавшемся сынѣ, о черствости и сердечномъ неуютѣ въ своемъ второмъ гнѣздѣ, для котораго пожертвовалъ даже справедливостью, даже совѣстью... Мысленно, онъ возвращался къ прошлой жизни, къ первому гнѣзду, свитому въ «Береговомъ», вмѣстѣ съ Елисаветой Ивановной — пустоватой, мало углублявшейся въ жизнь,

но никогда не причинившей ему серьезныхъ обидъ, заботившейся о домашнемъ уютѣ, во всемъ уступавшей, умѣвшей поддерживать престижъ его дома и его имени. Все, что касалось «Берегового», наполняло его мысль живымъ интересомъ. Если Илью задерживали дѣла, и онъ не являлся, Никита Афанасьевичъ нетерпѣливился, просилъ Маріанну вызвать его.

Выздоровленіе его подвигалось слишкомъ медленно. Докторъ озабоченно качалъ головой и на полное выздоровленіе надеждъ не подавалъ, отгадывая неустранимыя семейныя причины, лишившія больного внутренняго покоя. Никита Афанасьевичъ, по скрытности характера и по нѣкоторой двойственности, всю жизнь скрывавшій подъ молчаніемъ то, что его мучило или особенно озабачивало, молчалъ и теперь, ничѣмъ не выдавалъ своихъ моральныхъ страданіяхъ; молчалъ, хотя и догадывался, что здоровье его непоправимо. Менѣе всего онъ думалъ о своихъ дѣлахъ и, съ непонятной для своей жены, пассивностью выслушивалъ ея раздраженные доклады о дѣйствіяхъ повѣреннаго, которому довѣрять она боялась. Нѣкоторыя дѣла она забрала въ свои руки и повела ихъ весьма толково; стала отлучаться то въ Астрахань, то въ Царицынъ. Торговцы смотрѣли на нее косо, называя выжигой и сквалыгой.

Иногда, Никита Афанасьевичъ, утомленный длинными разговорами жены, останавливалъ ея рѣчь слабымъ движеніемъ руки и безразлично замѣчалъ:

— Нечего суетиться. Въ банкѣ капиталовъ много. На тебя съ сыномъ хватитъ.

— Не очень то хватитъ! Игорь деньгамъ счету не знаетъ...

— Ладно!.. Не хочу слышать про это, — безпокойно повышалъ онъ голосъ.

— Не хочешь слышать, а коли онъ состояніе все спуститъ, тогда что будетъ?! Лежишь тутъ, ничего не знаешь...

— Ахъ, уходи, пожалуйста, — съ тревогой и нетерпѣніемъ просилъ онъ.

Однажды утромъ, только что Никиту Афанасьевича перевели съ кровати въ передвижное кресло и, въ виду грозовыхъ тучъ, въ садъ не вывезли, умостивъ у открытаго окна, какъ вошелъ Илья. Въ высокихъ сапогахъ, незатѣйливомъ сѣромъ костюмѣ, уже успѣвшій сильно загорѣть, онъ принесъ съ собой запаха деревенской свѣжести, запахи полей и рѣки.

—Я къ тебѣ не во время, да и рановато. Спѣшу на пристань, чтобы присмотрѣть за погрузкой выписанныхъ, только что полученныхъ, новыхъ косилокъ. Ну, какъ ты? Вижу, совсѣмъ молодцомъ.

— А мельница окончена? — сразу оживился больной.

— Прямо и сказать не могу, до чего доволенъ! Недорого обошлась, и постройка вышла пресолидная.

— Коровъ рѣшилъ прикупать или нѣтъ?

— Обязательно прикупаемъ двѣ тирольскія. Ужъ я высмотрѣлъ и по сходной цѣнѣ. Огороды тоже расширяемъ. Разсаду возьмемъ изъ монастыря...

— А свиней выпасаешь по моему совѣту?

— Ну еще бы! Какъ научилъ, такъ и дѣлаю. Нынче на ярмарку пошелъ...

Никита Афанасьевичъ слушалъ, одобрительно кивалъ головой, удерживалъ за рукавъ брата, чтобы тотъ повременилъ уходить.

Неожиданно, ибо это былъ далеко не урочный для свиданія часъ, распахнулась

дверь. Не здороваясь съ Ильей, котораго Никита Афанасьевичъ крѣпче ухватилъ за рукавъ, Анна, съ лицомъ разстроеннымъ и гнѣвнымъ, забывая что находится въ комнатѣ больного, еще съ порога, возбужденно заговорила:

— Да что жъ это, Никита Афанасьевичъ, долго ли этакъ будетъ тянуться?! Что я могу съ нимъ подѣлать! Отпросился въ Астрахань къ Курдюковымъ, а самъ въ Казани на ярмаркѣ оказался. Вернулся, слова не сказалъ, а сейчасъ вотъ что получаю: на двадцать тысячъ долговъ тамъ надѣлалъ! — Она вытащила изъ кармана пакетъ и швырнула его на закутанныя плэдомъ колѣни больного.

Никита Афанасьевичъ нервно дернулся здоровымъ плечомъ, и глазами полными тоски и отчаянія, посмотрѣлъ на Илью.

— Анна Петровна, все это можно обсудить и безъ Никиты. Ему всякое волненіе вредно. — Илья незамѣтно протянулъ руку назадъ и нажалъ электрическій звонокъ, давая тревожный сигналъ къ доктору.

— А я, сударь, вашего мнѣнія не спрашиваю. Дѣло семейное и васъ не касается. Свалилъ все на мою шею... Мальчишкѣ девятнадцатый годъ, управы на него никакой нѣту; деньги просаживаетъ, кутитъ, грубитъ ..

— Знать не хочу... Уходи! — стараясь владѣть собой, въ предвѣденіи грозящей для себя опасности, замахалъ рукой Никита Афанасьевичъ.

— Коли знать ничего не хочешь, такъ я...

Дверь стремительно открылась. Вбѣжала Маріанна и за ней больничный докторъ.

— Анна Петровна слишкомъ взволнована; для брата это вредно, — бросая выразитель-

ный взглядъ на Маріанну, произнесъ Илья, уступая доктору свое мѣсто подлѣ больного.

— Никита Афанасьевичъ порученъ нашимъ попеченіямъ. Мы обязаны охранять его покой и соблюдать тишину. Ужъ вы лучше не приходите, Анна Петровна, когда разстроенной себя чувствуете. Онъ помочь вамъ сейчасъ не можетъ, а вы ему вредъ большой причиняете, — мягко, но убѣдительно проговорила Маріанна.

— Да что вы всѣ отчитывать меня вздумали! Подъ опеку вашу я попала, что ли?! — вульгарнымъ жестомъ кладя руку на бокъ, грубо крикнула Анна.

— На правахъ врача, я прошу васъ оставить комнату больного, — сердито обратился къ ней больничный докторъ.

— Итакъ нога же моя здѣсь больше не будетъ. Ну васъ всѣхъ!!!

Никита Афанасьевичъ, откинувъ голову на подушку съ раскрытыми глазами, еще болѣе поблѣднѣвшій, съ трудомъ переводя дыханіе, молчалъ. Рука, которую докторъ держалъ, провѣряя пульсъ, сильно дрожала.

— Маріанна Макаровна, дайте скорѣе капель... Пусть вспрыскиваніе приготовятъ. Эхъ, всю музыку она намъ испортила! — докторъ сердито мотнулъ головой.

Илья хотѣлъ незамѣтно уйти, но докторъ, зная его успокоительное на больного вліяніе, указалъ ему на стулъ рядомъ съ Никитой Афанасьевичемъ.

Сдѣлавъ вспрыскиваніе, убѣдясь, что все обошлось благополучно, онъ вышелъ, оставивъ съ больнымъ Маріанну и Илью Афанасьевича. Прошло нѣсколько тихихъ минутъ. Изъ груди Никиты Афанасьевича вырвался тяже-

лый вздохъ, похожій на стонъ. Маріанна склонилась къ нему:

— Что, Никита Афанасьевичъ? Не надо ли чего?

Не открывая глазъ, онъ качнулъ отрицательно головой; и вдругъ, двѣ крупныхъ слезы тяжело вытекли изъ закрытыхъ глазъ и остановились на впалыхъ небритыхъ щекахъ.

Маріанна прижала къ губамъ платокъ, боясь громко расплакаться.

— Тяжко... мнѣ!... — простоналъ Никита Афанасьевичъ и опять умолкъ.

— Илья...Маріанна!—Никита Афанасьевичъ открылъ глаза полные слезъ и тоски. — Скажите Елисаветѣ, что... прощенія прошу. Пусть проститъ меня. Скажите ей, что прошу... прошу подобрать меня калѣку... принять до конца недолгихъ дней моихъ... къ себѣ... туда— въ «Береговое»... Подальше отъ этой... забыть, не знать... въ покоѣ умереть...

Илья и Маріанна переглянулись, не зная, что сказать въ отвѣтъ на эту скорбную просьбу.

— Свезите... въ «Береговое», чтобы тамъ... умереть, — со слезами въ голосѣ, повторилъ онъ.

— Все сдѣлаемъ какъ хотите, Никита Афанасьевичъ. Не волнуйтесь, берегите себя. Вамъ теперь уснуть бы надо.

— Хорошо. Позовите сидѣлку.

Илья и Маріанна вышли.

— Во всей своей справедливости, сказалось возмѣздіе Божье, — вздохнулъ Илья, идя съ Маріанной по корридору. — Пригвожденный къ креслу, лишенный свободы, страдаетъ въ той же комнатѣ, въ которой лишилъ свободы и причинилъ столько страданія. Во истинну: «Мнѣ отмщеніе, и Азъ воздамъ».

XXIX

Въ тотъ же вечеръ, въ «Береговомъ» сидѣли на террасѣ и пили чай. Въ саду стоялъ свѣжій ароматъ отъ только что политыхъ цвѣтовъ, разсаженныхъ пестрыми узорами, на подобіе яркаго ковра.

— Послѣ чаю, я покажу тебѣ, Маріанночка, мои новыя штамповыя розы. Ну, и красота! А махровая гвоздика такъ просто на удивленіе. Чуть ли ни въ кулакъ величиной,— съ радостной улыбкой говорила Елисавета Ивановна, протягивая до верху налитую чашку чаю и проливая нѣсколько капель на новую узорчатую скатерть, купленную наканунѣ у коробейника, зашедшаго со всякими товарами въ усадьбу. Елисавета Ивановна до страсти любила посѣщенія коробейниковъ; заставляла раскладывать всѣ товары и накупала всякой-всячины.

— Вотъ и закапали обновку. А кто на меня за это ворчитъ? — поддразнилъ Илья.

— Ну ничего, не замѣтно, — махнула она рукой и, съ увлеченіемъ, продолжала свой разговоръ о цвѣтахъ.

— Да, чудесно, тутъ у васъ, Лизанька. Садъ, словно рай.

— Съ утра до вечера провожу въ немъ; жаль и на минуту разстаться, такая красота!— Елисавета Ивановна, вдыхая ароматы, съ любовью глядѣла на свой цвѣтущій садъ.

— А я сегодня подлѣ одного больного поплакала, Лизанька, глядя на его тяжелыя страданія. Больше полугода параличемъ разбитъ, двигаться не можетъ. Недавно языкъ развязалъ ему Господь, говорить сталъ, а то мычалъ, понять ничего нельзя было: въ глазахъ мука, а высказать не можетъ.

— Бѣдняга! Онъ у тебя въ санаторіи лежитъ? Въ отдѣльной или въ общей?

— Да, въ санаторіи, въ отдѣльной комнатѣ. Лѣчимъ, лѣчимъ, а докторъ надежды мало даетъ. Врядъ ли подымется. Годы не молодые, силъ нѣтъ. Жалъ его. Очень онъ страдаетъ и тѣломъ, и душой.

— Охъ, страданіе! Знаю его я, — тяжело вздохнула Елисавета Ивановна.— Оттого, можетъ, и къ цвѣтамъ такъ привязалась, что отъ нихъ сердцу только одна радость, — никакой обиды и печали.

— Взглянуть бы ему на ваши любимые цвѣточки; можетъ быть тоже сердцу радость принесли бы.

— А ты свези ему отъ меня цвѣтовъ. Я съ удовольствіемъ велю букетъ приготовить, а то и въ вазонахъ можно послать. Пусть на окно поставятъ; сидѣлка присматривать будетъ.

— Спасибо, Лизанька. Ему радостно будетъ, что пожалѣли его.

— Развѣ у него семьи нѣтъ?

— Семья есть, только трудная ужъ очень. Много отъ нея горя; оттого и поправиться не можетъ. Сынъ никогда не приходитъ, жена бываетъ рѣдко, а какъ придетъ, такъ ему хуже становится.

— Несчастный человѣкъ! А средства-то у него есть на лѣченіе? — участливо освѣдомилась Елисавета Ивановна. Послѣ всѣхъ пережитыхъ страданій, она стала лучше понимать нужды и печали другихъ людей.

— Денегъ много, а что толку въ нихъ, когда лежитъ безъ движенія, а на сердцѣ тоска и мука. Увезти бы его. И то просить объ этомъ сталъ; видно силъ больше не хватаетъ.

— Не мало страданій видѣли и видятъ стѣны этой санаторіи,—печально глядя передъ собой, вспомнивъ минувшее, произнесла Елисавета Ивановна.

— Вездѣ есть, Лизанька, страданіе. Каждому человѣку Господь его посылаетъ, — прервалъ Илья молчаніе. — однимъ для большаго просвѣтленія души, для прощенія грѣховъ близкихъ и дорогихъ намъ людей, а другимъ— для искупленія своихъ собственныхъ тяжкихъ, злыхъ поступковъ и обидъ ближнему. Помнишь, Лизанька, не разъ мы съ матерью Серафимой повторяли тебѣ: предоставь все Господу, ибо «Мнѣ отмщеніе, и Азъ воздамъ.»

— Почему ты это вспомнилъ?—удивилась Елисавета Ивановна.

— Почему?.. — Илья бросилъ нерѣшительный взглядъ на Маріанну.

— Братецъ Илья потому вспомнилъ, что несчастный параличемъ разбитый больной — Никита Афанасьевичъ.

Елисавета Ивановна опустила голову и задрожавшими руками суетливо стала перетирать чистыя серебряныя ложечки и вилки.

— Докторъ не подаетъ надеждъ на выздоровленіе; протянуть, говоритъ, можетъ и даже долго, потому что организмъ хоть и очень попатнулся, а все же крѣпкій, — продолжалъ Илья. — Въ той же санаторіи, въ той же комнатѣ, связанъ Господомъ безъ движенія... Вотъ и воздалъ Господь, круто воздалъ, ибо и отъ семьи новой получилъ одно только страданіе.

Елисавета Ивановна продолжала молчать, безцѣньно перебирая и, по нѣсколько разъ, перетирая лежавшее на подносѣ серебро. Маріанна пересѣла ближе къ ней и просительно положила руку на ея руку:

— Лизанька, душечка, очень ужъ онъ страдаетъ. Силъ нѣтъ смотрѣть. Просилъ сказать вамъ, что прощенія за все проситъ. Когда говорилъ, слезы у него изъ глазъ потекли. Пусть, говоритъ, проститъ меня... прощенія у нея прошу...

— Прощенія проситъ!.. — со странной, неопредѣленной улыбкой произнесла Елисавета Ивановна, пожавъ плечами.

— Да, Лизанька. Коли проситъ, значитъ прощеніе нужно ему, — осторожно настаивала Маріанна. — Вѣдь вы же пожалѣли его и цвѣтовъ даже послать хотѣли, не зная, что это онъ.

— Я давно простила, но что же изъ этого?! Развѣ мое прощеніе можетъ для меня и для него уничтожить то, что было, что исковеркало мою жизнь, что изувѣчило мое сердце ужасными непередаваемыми муками?! Его страданія легче, ибо они на людяхъ; онъ боленъ, его лѣчатъ, къ нему приходятъ, его жалѣютъ, а я?! А меня?.. О, нѣтъ, нѣтъ, не напоминайте мнѣ! Здоровую заперъ, хотѣлъ съ ума свести!.. били, издѣвались! — Она всѣмъ тѣломъ задрожала и схватилась за голову.

— Лизанька, Лизанька, полно!.. успокойся! — бросился къ ней Илья.

— Хочу забыть — хочу не думать, не вспоминать!.. но встаютъ ужасныя картины мукъ и оскорбленій, о которыхъ говорить не могу... мысли путаются... Кто засадилъ? Кто въ обиду далъ? Тотъ, который любилъ, ласкалъ, клялся быть другомъ и опорой до гроба! Съ кѣмъ противъ меня пошелъ?

— Лизанька, да полно тебѣ обиду въ сердцѣ хранить! Выкинь ее,—слегка повысивъ голосъ, заговорилъ Илья.—Ну оскорбляли, ну мучили, а что со Христомъ дѣлали за то, что

училъ любви и состраданію; за то что исцѣлялъ калѣкъ, возвращалъ слѣпымъ зрѣніе, за то, что жалѣлъ матерей и возвращалъ жизнь ихъ дѣтямъ?! Мало надъ Нимъ глумились?! Мало Его заушили и били?! Гвоздями руки и ноги продырявили, къ доскамъ приколотили и на посмѣяніе выставили! Эхъ, Лизанька, что ужъ намъ грѣшникамъ обиды въ сердцѣ таить, коли Онъ—невинный Агнецъ, Онъ—Сынъ Божій и Господь всѣ эти обиды прощалъ людямъ. Не вѣдаютъ, что творятъ,—сказалъ Онъ. Не вѣдалъ и Никита, что творилъ. Теперь понялъ, тянетъ къ тебѣ руки, кричитъ—прости!.. Ну и прости; прости сполна, чтобы слезы умиленія потекли, чтобы сердцу легко и радостно стало. Ты простишь ему, а Господь проститъ тебѣ все то зло, что невѣдомо и ты въ жизни творила... «И остави намъ... яко же и мы должникомъ нашимъ оставляемъ»...

Илья поднялся съ мѣста. Просвѣтленный и воодушевленный, онъ протянулъ обѣ руки къ небу и, въ безмолвной молитвѣ, устремилъ взглядъ въ синеву небесъ, подернутую розовой дымкой заката.

Елисавета Ивановна затихла, опустила обѣ руки на колѣни и, глядя въ садъ на свои цвѣты, переживала въ сердцѣ то, что говорилъ Илья.

— Ну, Лизанька,—простила?

— Простила, Илья.

— До глубины? До забвенія всего? Если такъ простила, то Господь задернетъ прошлое завѣсой, и воспоминанія не будутъ больше тревожить твой покой.

Елисавета Ивановна подняла на Илью грустные, блестѣвшие слезой, глаза:

— Простила, Илья, обоимъ простила до глубины души...—Голосъ ея дрожалъ, отцвѣтшія губы хотѣли улыбнуться, но скривились, и она заплакала, прижавъ къ лицу руки.

Слѣдующая за этимъ минута была для всѣхъ легка и свѣтла. Елисавета Ивановна вмѣстѣ съ Маріанной спустилась съ террасы въ садъ и долго выбирала лучшіе цвѣты для букета, долго совѣтовалась съ садовникомъ, какіе вазоны послать въ санаторію къ больному.

Желаніе Никиты Афанасьевича переѣхать въ «Береговое» не рѣшились въ этотъ вечеръ передать Елисаветѣ Ивановнѣ, отложивъ на нѣсколько дней, чтобы дать окрѣпнуть и созрѣть чувству прощенія, чувству жалости и милосердія къ тому, чье имя болѣе десяти лѣтъ остерегались произнести въ ея присутствіи.

XXX.

Врачъ, посвященный лишь отчасти въ переживанія Никиты Афанасьевича, просилъ дѣйствовать съ возможно большей осторожностью, ограждать больного отъ всякихъ волненій. Онъ считалъ необходимымъ извѣстный срокъ, чтобы пріучить его къ мысли о переѣздѣ въ «Береговое» и встрѣчѣ съ первой женой. Эта же осторожность необходима была и по отношенію Елисаветы Ивановны.

Илья, собираясь однажды въ городъ, какъ бы мимоходомъ, спросилъ ее, не пожелаетъ ли она навѣстить больного, что, вѣроятно, доставило бы ему большую душевную радость.

— Не нужно этого, Илья; прошу тебя; не нужно—сразу заволновалась Елисавета Ива-

новна.—Никакой пользы для его здоровья это не принесетъ; да и мнѣ не слѣдуетъ выѣзжать изъ «Берегового»... хорошаго изъ этого ничего не выйдетъ.

— Да ты не волнуйся, Лизанька; вѣдь я не думаю настаивать.

— Да, да, голубчикъ. Я приросла къ «Берегому», и въ этомъ весь мой покой, — сразу успокоилась она.—Ты не подумай, что я опять прежнее вспомнила... нѣтъ, нисколько. Видишь, вотъ я и цвѣтовъ ему наготовила.

— Такъ въ чемъ же дѣло? — улыбнулся Илья.

— Ахъ, Илюша, стрѣляная ворона всего боится. Такъ и я.

— Ну, дѣлай, Лизанька, какъ хочешь. Коли самъ заговоритъ, я скажу, что ты прихварываешь, оттого и не выѣзжаешь.

— Вотъ-вотъ, такъ и скажи, — обрадовалась она. — И еще, какъ нибудь при случаѣ, скажи, что я совсѣмъ никого не вижу и не могу видѣть; только ты да Маріанна. Знаешь, вѣдь, доктора часто преувеличиваютъ болѣзнь. Можетъ, Богъ дастъ, онъ еще и поправится, кто его знаетъ. Организмъ то у него могучій!

— Врядъ ли, Лизанька.

— Ну, а все таки. Нельзя вѣдь знать.

Этимъ разговоръ и кончился. Илья понялъ, что въ сердцѣ Елисаветы Ивановны, очищенномъ и умиротворенномъ полнымъ прощеніемъ, живетъ болѣзненный непреодолимый страхъ, побѣдить который никакіе логическіе доводы не въ силахъ.

Между тѣмъ, Никита Афанасьевичъ тосковалъ все сильнѣе и сильнѣе. Каждый разъ, какъ входила Маріанна или братъ, онъ устремлялъ на нихъ тоскующій вопросительный взглядъ, ожидающій радостной вѣсти, ко-

торую они все еще не приносили. Въ одно изъ посѣщеній Ильи, когда онъ выкатилъ брата въ садъ и поставилъ кресло на излюбленномъ Никитой Афанасьевичемъ пригоркѣ, откуда видна была широкая даль рѣки съ зелеными берегами, больной долго глядѣлъ въ синѣющую даль, не слушая разсказы брата и вдругъ повернулъ къ нему глаза, полные слезъ:

— Волга!.. «Береговое»!.. Стосковался я... нѣтъ больше силъ!..

У Ильи отъ жалости защемило сердце.

—Голубчикъ мой, дѣло въ томъ, что Лизанька захворала... такъ вотъ, мы думали не лучше ли повременить.

— Вѣдь я не помѣшаю... буду смирно лежать въ саду... или на террасѣ... Братъ мой дорогой... увези меня въ «Береговое»...

— Увезу, Никита,—твердо произнесъ Илья, сжимая вялую, безкровную руку Никиты Афанасьевича.

— Когда?.. Когда же?

— На будущей недѣлѣ. Приберу твою спальню, все тебѣ хорошо устрою и будемъ рядомъ: ты въ спальной, а я въ кабинетѣ. Ладно?

— Не откладывай... нѣтъ силы ждать!

Илья Афанасьевичъ уѣхалъ крайне озабоченный, ибо твердо рѣшилъ выполнить данное обѣщаніе. Его безпокоила мысль, какъ приметъ это Елисавета Ивановна. Вѣря въ убѣдительную силу Маріанниныхъ словъ, онъ просилъ подготовить ее. Едва только Маріанна произнесла имя Никиты Афанасьевича, какъ Елисавета Ивановна вся насторожилась, въ глазахъ ея отразилось безпокойство. Маріанна подходила осторожно, шагъ за шагомъ,

говорила о его нравственныхъ страданіяхъ, о томъ что создалъ себѣ невыносимую жизнь.

— Ахъ, Боже мой, зачѣмъ ты мнѣ все это разсказываешь, Маріанна?! Чѣмъ я могу помочь?! Ни помочь, ни утѣшить я не въ силахъ. Я сама вишу на ниточкѣ, прячусь отъ всѣхъ за спину Ильи и забываюсь среди моихъ цвѣтовъ.—Въ голосѣ Елисаветы Ивановны дрожали слезы.—Ну, а если она ужъ такъ невыносима стала, уѣхалъ бы куда нибудь подальше. Взялъ бы доктора да и уѣхалъ бы... Деньги вѣдь есть.

— Лизанька, а развѣ вамъ не было спокойно жить у матушки Серафимы? Развѣ васъ тревожили тамъ? А какъ вы были счастливы вернуться въ свое родное гнѣздо, чтобы спрятаться въ немъ отъ жизни! Вотъ такъ то и его душѣ тяжко и скорбно: такъ же и его тянетъ...

— Что... въ «Береговое»?! — У Елисаветы Ивановны отъ страха округлились глаза.

— Ну да, Лизанька. Какъ и васъ, его тянетъ въ родное гнѣздо.

— Кончено, все для меня кончено!! Недаромъ я дрожала за каждый слѣдующій день... — Схватившись за голову, она закружилась на мѣстѣ. Черная шаль соскользнула съ одного плеча и длиннымъ угломъ съ бахромой волочилась по полу.

— Что начинается? Что съ тобой, Лизанька?! — вышелъ изъ своей комнаты Илья Афанасьевичъ.

— Ты слышалъ? Онъ сюда хочетъ пріѣхать. Неужели вы оба не понимаете, что все это ея штуки! Они хотятъ отнять «Береговое», и опять за меня приняться. Ихъ страшные щупальцы всюду меня настигнутъ; я имъ мѣшаю, я жива, они думаютъ, что я стану имъ мстить...

— Да вѣдь онъ больной, параличный, двинуться не можетъ.

— А милліоны?! Всю жизнь онъ повторялъ мнѣ, что милліоны всесильны. И доказалъ, доказалъ! Такъ и теперь будетъ. Говорю я вамъ, что какъ только онъ въѣдетъ сюда, такъ и выздоровѣетъ и опять начнется для меня ужасъ.

— А я? А Маріанна?! Насъ то развѣ нѣтъ подлѣ тебя?

— Не только вы, но и маменька была, и Анфисушка, и весь городъ меня зналъ и любилъ, и Трущовъ, — этотъ подлецъ въ струнку тянулся, когда я въ санаторію заѣзжала, а кто же изъ васъ всѣхъ посмѣлъ противъ пойти?

— Всѣ бы посмѣли, еслибы правду знали. Тогда было иное, а теперь, Лизанька, онъ слабъ и вы сильны; онъ страдаетъ, и вы можете уменьшить эти страданія. Ни я, ни братецъ Илья не смѣетъ васъ неволить. Коли не желаете или боитесь чего, по вашему слову все и будетъ. Пусть, значитъ, умираетъ тамъ, гдѣ вамъ страданіе создавалъ.

— Господи, Господи, что же я могу сдѣлать! Вѣдь я знаю, что если онъ сюда пріѣдетъ, то мнѣ конецъ.

— Вотъ что, Лизанька: ты успокойся. Совсѣмъ успокойся. Все будетъ какъ ты скажешь. «Береговое» пожизненно твое, хозяйка тутъ ты, значитъ, тебѣ и рѣшать. Черезъ денька три, скажи намъ свое послѣднее слово, и больше разговору объ этомъ не будетъ. Помолись, съѣзди къ нашей молитвенницѣ и праведницѣ, съ ней поговори. Она вѣдь, сама знаешь, стѣной за тебя стояла и стоитъ. Хотя Никита и совсѣмъ плохъ, но мать Серафима болѣзни его радуется, видитъ въ ней для него очищеніе и искупленіе. Слабости въ ней нѣтъ, и страшиться тебѣ совѣта ея — нечего. Она

твоя защита и опора. Ну вотъ, сказалъ и будемте спокойны. Господь научитъ. Коли Онъ спасъ тебя нашими руками, такъ не для того, чтобы черезъ насъ огорченіе или горе тебѣ доставлять.

Елисавета Ивановна растерянно и неловко подобрала конецъ валявшейся по полу шали, сѣла къ раскрытому въ садъ окну, задумалась, какъ бы забыла о присутствіи Маріанны и Ильи и ни слова больше не сказала о томъ, что заполнило всѣ ея мысли, но была разсѣянна, не слышала обращенныхъ къ ней словъ, не договаривала начатаго разговора.

Провожая Маріанну къ ожидавшему ее экипажу, она обратилась къ Ильѣ съ просьбой распорядиться, чтобы на утро была пораньше заложена карета, такъ какъ она поѣдетъ въ монастырь къ ранней обѣднѣ.

Ночь провела Елисавета Ивановна плохо. Нѣсколько разъ звонила къ себѣ Фросю, прося то окно открыть, то дать лавровишневыхъ капель. Жаловалась на сердце. Фрося, хорошо знавшая всѣ слабыя стороны ея организма и ея хрупкихъ нервовъ, умѣла успокаивать и помогать ей. Но на этотъ разъ, Елисавета Ивановна такъ и не уснула; поднялась съ первыми лучами солнца и поѣхала къ матери Серафимѣ.

— Сердце сердцу вѣсть подаетъ, Лизанька, — сказала ей мать Серафима, когда, по окончаніи службы, опираясь одной рукой на палку, — память матери своей Парасковьи Ивановны, — другой на ея руку, она шла корридоромъ къ своей крошечной кельѣ. — Ночью, молилась я о тебѣ много и ждала тебя сегодня къ обѣднѣ.

Елисавета Ивановна не обратила вниманія на слова старой монахини, не поняла ихъ.

— Дорогая моя, я къ тебѣ за совѣтомъ, за защитой. Вѣрю, что въ обиду меня не дашь, — безпокойно заговорила она, переступая порогъ кельи, въ которой не разъ находила успокоеніе и утѣшеніе, когда мысли о прошломъ тѣснымъ кольцомъ сдавливали слабую голову и мучили душу.

— Господь тебя хранилъ, Онъ же тебя и ведетъ къ полному покою и радости. Бояться тебѣ, Лизанька, нечего.

Елисавета Ивановна, нервно и сбивчиво начала было разсказывать за какимъ совѣтомъ пріѣхала къ ней, но мать Серафима, ласково и пристально глядя на ея взволнованное лицо, провела высохшей рукой по ея блѣдной щекѣ, по сѣдымъ волосамъ, и опустила руку на ея плечо:

— Эхъ ты, усталая птица Божья! — Что ты мнѣ жалуешься! Говорю я тебѣ, что кончены всѣ печали и страхи твои. Открываетъ Господь клѣтку твою... — Старая сгорбленная монахиня, съ блѣднымъ, какъ изъ воска лицомъ, смотрѣла на Елисавету Ивановну, какъ будто видѣла въ ней что то новое и чудесное.

— Ахъ, родная моя, ты вѣрно не поняла въ чемъ дѣло. Никита Афанасьевичъ хочетъ...

— Оставь Никиту дѣлать какъ ему вздумается, — перебила ее мать Серафима. — Что тебѣ до всего этого, коли, повторяю тебѣ, Господь готовитъ тебѣ великую радость... И не ахнешь даже, какъ въ радости взмахнешь крыльями.

Елисавета Ивановна, какъ и многіе, знала, что указанія праведной матери Серафимы давались ей силой пламенной молитвы и любви къ Богу; сомнѣваться въ нихъ она не могла,

но голосъ ея все же задрожалъ, и она боязливо схватила ея руку:

— Такъ, значитъ, пусть ѣдетъ въ «Береговое»?

— Пусть ѣдетъ. Касательства его къ тебѣ больше не существуетъ; въ желаніи же его, Господь уготовилъ для тебя чудесное освобожденіе.

— Родная моя, если я вдругъ вздумаю опять сюда къ тебѣ переѣхать... Очень я боюсь, чтобы «она» не пожаловала въ «Береговое»... ужъ ты пріюти меня.

— Не вздумаешь, и говорить не стоитъ. А «ее» никогда и не увидишь.

Мать Серафима тяжело опустилась на больныя колѣни, сложила ладони и склонила голову въ черномъ клобукѣ съ длиннымъ покрываломъ. Взглядъ неподвижно устремился на Ликъ Христа, благословляющаго изъ рамокъ стариннаго Складья. Въ крошечной кельѣ было полутемно отъ густыхъ вѣтвей разросшагося дуба, тихо шелестѣли за оконцомъ листья; мигая, теплилась лампада и въ пламенной молитвѣ, безвучно тянулась за предѣлами земной жизни праведная душа матери Серафимы.

— А теперь, поѣзжай съ Богомъ, — медленно поднимаясь съ колѣнъ, обернулась она къ Елисаветѣ Ивановнѣ. — Коли на душѣ тревожно станетъ, побольше молись эти дни. Въ радости своей вспомяни и мою грѣшную душу, — не позабудь.

— Могу ли я забыть тебя. Ты такъ много сдѣлала для меня. — Елисавета Ивановна обняла старую монахиню и крѣпко прижала голову къ ея плечу. Слезы закапали изъ ея глазъ.

— Грустно мнѣ что то уѣхать отъ тебя. Какъ то свидимся?!

Мать Серафима загадочно улыбнулась:

— Свидимся, Лизанька. Знаю, что свидимся. Поѣзжай съ Богомъ.

Она открыла дверь своей келейки и смотрѣла ей во слѣдъ, пока та не скрылась въ концѣ корридора за тяжелой дубовой дверью.

Елисавета Ивановна вернулась домой къ обычному часу, когда подавался утренній кофе. Илья ждалъ ее на террасѣ, покуривая трубку. Онъ пытливо посмотрѣлъ ей въ лицо. Оно было спокойнѣе, чѣмъ наканунѣ.

— Ну какъ мать Серафима? Какъ съ ногами справляется?

— Ноги плохи совсѣмъ: едва передвигаетъ, а такъ ничего, — по прежнему. — Елисавета Ивановна сѣла къ столу.

— Чтожъ это ты, Лизанька, въ шляпѣ?

— Забыла совсѣмъ, что она у меня на головѣ. Видишь, какъ я стала разсѣянна. Илюша, мать Серафима успокоила меня. Говоритъ, чтобы Никита переѣзжалъ въ «Береговое»; для меня, говоритъ, отъ этого худа никакого не будетъ, даже какую то радость большую пророчитъ.

— Да что ты, Лизанька! Ну, так я радъ, что и словъ не нахожу. Ей-то не вѣрить нельзя. Не было случая, чтобы невѣрно сказала.

— И подумай только, вѣдь такъ прямо и сказала, что отъ пріѣзда его мнѣ будетъ великая радость. Чтожъ это можетъ быть? Кромѣ покоя, мнѣ ничего ужъ больше и не нужно.

— Чтожъ она еще тебѣ сказала, Лизанька, коли не секретъ?

— Какіе же секреты! Я ее спрашиваю, могу ли, въ случаѣ чего, опять въ монастырь

переѣхать, а она даже засмѣялась: не захочешь, и «ее» никогда больше не увидишь; такъ и сказала.

— Ну, Лизанька, съ моей души великая тяжесть упала, потому что Никита совсѣмъ измучился, ожидая твоего разрѣшенія. Все глядитъ и глядитъ на Волгу. А глаза у самого печальные, тоскливые. Когда же ему переѣхать?

— А ужъ дѣлайте, какъ сами знаете. Ничего не могу... Вѣрю и не сомнѣваюсь въ словахъ матери Серафимы, а сердце все таки бьетъ тревогу.

— Помолись, Лизанька, и совсѣмъ успокоишься.

— Да, она велѣла мнѣ эти дни побольше молиться. Я рѣшила поговѣть: какъ разъ въ воскресеніе, въ день моего рожденія причащусь. Ужъ ты, Ильюша, не разсердись на меня, что не буду принимать участія въ приготовленіяхъ и хлопотахъ для его пріѣзда,

— Для чего же тебѣ безпокоиться, Лизанька: сами управимся.

— Наканунѣ его пріѣзда скажете мнѣ, и дѣлайте какъ сами лучше найдете.

Илья понялъ, что Елисавета Ивановна, подобно страусу, прятала подъ крыло голову, въ ожиданіи волнующаго ее событія. Онъ распорядился, чтобы приготовленія и уборки дѣлались утромъ до ея выхода изъ своей комнаты, находившейся въ противуположномъ концѣ дома отъ кабинета и бывшей спальни Никиты Афанасьевича.

Вечеромъ, въ день рожденія Елисаветы Ивановны, Маріанна, уѣзжая домой и беря изъ ея рукъ приготовленные для больного цвѣты, воспользовалась удобнымъ моментомъ, чтобы

сообщить о назначенномъ на слѣдующій день пріѣздѣ Никиты Афанасьевича.

— Цвѣточки ваши завянутъ не успѣютъ, какъ онъ и самъ сюда пожалуетъ. Завтра, съ Божьей помощью, братецъ Илья вмѣстѣ съ докторомъ доставятъ его къ вамъ.

Елисавета Ивановна поблѣднѣла и схватилась за руку Маріанны.

— Ужъ... завтра?! Маріанночка, останься, не уѣзжай.

— Я пріѣду завтра раненько. Вмѣстѣ и встрѣтимъ его. Вы, Лизанька, не тревожьтесь. Ужъ такъ то радъ онъ, бѣдняга; такъ жалостно справлялся у братца Ильи скоро ли сюда его привезутъ?

Но Елисавета Ивановна не слушала. Она стояла, опустивъ руки, твевожно глядя передъ собой.

— Чтожъ вы сразу такая скучная сдѣлалась?

— Не знаю.... Тоска меня охватила.

— Я понимаю, очень хорошо понимаю, что трудно вамъ, но, повѣрьте мнѣ, Лизанька, какъ увидите его сѣдого, исхудавшаго, калѣчнаго, такъ ничего кромѣ жалости и не останется.

— Маріанночка, прошу и тебя и Илью, скажите ему, ради Бога, что я больна... что я еще не выхожу изъ своей комнаты... Дайте мнѣ привыкнуть... Нѣтъ, ни за что я не смогу завтра его увидѣть. Ты не думай, что я это изъ за дурного чувства. О нѣтъ, я причастилась сегодня, на сердцѣ у меня тихо и никакого зла нѣтъ. Я думаю, что докторъ одобритъ меня: для него лучше будетъ, если повременитъ съ нашей встрѣчей; и для моего слабаго сердца — тоже.

— Какъ хотите, Лизанька, такъ мы и сдѣлаемъ.

— Ты завтра, Маріанночка, обязательно пріѣзжай, — не бросай меня одну: я буду слишкомъ волноваться, если ты не пріѣдешь.

XXXI.

Послѣ отъѣзда Маріанны, Елисавета Ивановна весь остатокъ вечера ходила взадъ и впередъ, заложивъ руки за спину, вдоль широкой аллеи передъ террасой, засаженной великолѣпными штамповыми розами. Въ этотъ вечеръ, она не любовалась ихъ пышной красой, не слышала ихъ тонкаго аромата. Мысли стремительно смѣнялись одна за другой, перескакивали отъ настоящаго къ прошлому, забѣгали впередъ. Какъ бывало въ минуты волнующихъ переживаній, Елисавета Ивановна громко говорила сама съ собой, кого-то оспаривая, кому то что то доказывая. Сердце ея было неспокойно. Вспомнивъ наказъ матери Серафимы побольше молиться, старалась перебить безпорядочное теченіе мыслей обращеніемъ къ Богу, просила Его дать покой и миръ ея душѣ, просвѣтленной утреннимъ Причастіемъ и отпущеніемъ всѣхъ грѣховъ. Ушла къ себѣ въ спальню раньше обыкновеннаго, чтобы передъ сномъ еще помолиться.

Долго бѣжалъ сонъ отъ ея глазъ. Въ комнатѣ было душно. Сквозь полузадернутыя портьеры, изъ раскрытаго окна вѣяло мягкой свѣжестью и ароматами цвѣтовъ. Сонная тишина нарушалась трещоткой сторожа. Мало по малу, отягощенныя мысли стали рѣдѣть, подобно тающимъ облакамъ куда то медленно

уплывать, и спокойный сонъ осѣнилъ усталую голову.

Елисавета Ивановна проснулась позже обыкновеннаго, торопливо одѣлась и вышла на террасу, гдѣ Илья Афанасьевичъ, поглядывая на свои серебряные большіе часы луковицей, собирался пить кофе одинъ, чтобы не опоздать въ санаторію въ условленный часъ.

— А я ужъ хотѣлъ въ дверь къ тебѣ постучать: безпокоился какъ ночь провела.

— Ничего, я хорошо отдохнула. Ты ѣдешь сейчасъ? Сдѣлай милость, скажи ему отъ моего имени нѣсколько ласковыхъ словъ, чтобы не подумалъ чего нибудь... Когда привезете и устройте его, зайди ко мнѣ, чтобы разсказать все какъ было. Прислугѣ объяснимъ, что нервы его очень слабы, и докторъ не велѣлъ сразу безпокоить встрѣчей со мной. Прокатите его въ креслѣ по всему саду; пусть полюбуется на мои цвѣточки... — Елисавета Ивановна говорила съ лихорадочной поспѣшностью, отгоняя внутри себя опять наростающую тревогу.

— Ну, Лизанька, пора мнѣ въ санаторію ѣхать, чтобы Никиту задаромъ не волновать. Будь спокойна. Помни слова матери Серафимы: все обойдется хорошо.

Илья, съ радостнымъ сердцемъ, сѣлъ въ большую умѣстительную коляску, предназначенную для перевоза больного и покатилъ въ санаторію.

Докторъ, весьма довольный желаніемъ Елисаветы Ивановны отсрочить болѣзненную встрѣчу съ Никитой Афанасьевичемъ, предупредилъ его такъ, какъ было условлено.

— Скажи мнѣ правду, Илья, не сердится ли на меня Елисавета Ивановна за то, что я въ «Береговое» къ ней ѣду? — съ тоскливымъ

безпокойствомъ спросилъ онъ Илью. Но тотъ сумѣлъ его вполнѣ успокоить и увѣрить въ ея добрыхъ къ нему чувствахъ.

День былъ тихій, не слишкомъ жаркій послѣ ночной грозы. Больной выглядѣлъ бодрѣе. На носилкахъ вынесли его во внутренній дворъ черезъ тѣ же двери, которыя торопливой рукой открывала, много лѣтъ тому назадъ, Фрося, чтобы освободить несчастную жену его, запертую по его же приказанію. Осторожно уложили на подушки въ просторную коляску. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ докторъ, противъ — Илья.

— Ну братецъ, съ Богомъ и полегонечку къ намъ въ «Береговое» — весело отдалъ Илья приказъ кучеру.

Никита Афанасьевичъ вздохнулъ глубокимъ, облегченнымъ вздохомъ.

— —

Послѣ отъѣзда Ильи, Елисавета Ивановна отправилась въ оранжереи, оттуда въ питомникъ, обошла всѣ клумбы въ саду, срѣзала отцвѣтающія розы, дѣлала букетъ для вазъ, но мысли волнующія, безпокойныя владѣли сердцемъ, дрожали руки, сердце билось учащенно. Услышала шумъ колесъ подъѣзжающей пролетки, выронила изъ рукъ садовыя ножницы и побѣжала навстрѣчу Маріаннѣ.

— Наконецъ то ты пріѣхала! Ни за какое дѣло я толкомъ взяться не могла. Все слушаю да слушаю: ѣдетъ или нѣтъ.

— Я прямо изъ санаторіи. Благодареніе

Господу, тамъ все благополучно. Видѣла доктора. Въ два часа выѣдутъ. Я велѣла кресло на колесахъ впередъ доставить, чтобы можно было его сразу же въ садъ или на террасу выкатить.

— Вотъ это ты очень хорошо распорядилась. А то что жъ его въ кровати держать въ этакій чудесный день.

Маріанна замѣтила, что Елисавета Ивановна не спокойна, но дѣлаетъ надъ собой усиліе. Чтобы отвлечь ея мысли, она стала разсказывать о сироткѣ, только что принятой въ пріютъ.

За завтракомъ, Елисавета Ивановна ни къ чему не притронулась, сказавъ, что поздно утренній кофе пила. Послѣ завтрака, поднялись въ бесѣдку въ концѣ сада, откуда разстилался чудесный видъ на Волгу. Маріанна, всегда съ работой, развернула шитье дѣтской рубашки. Елисавета Ивановна велѣла подать корзину съ малиной и, безпрестанно задумываясь и глядя въ свѣтлыя дали рѣки и небесъ, чистила ягоды для варки варенья.

Украдкой, Маріанна посматривала на золотые часики, на длинной цѣпочкѣ запрятанные за кушакъ простенькаго лѣтняго платья.

— Ѣдутъ!... Ѣдутъ!..—запыхавшись, подбѣжала къ бесѣдкѣ краснощекая дочь садовника.—Ужъ за гумно повернули... Егорка побѣгъ ворота открывать.

— Маріанна!.. идемъ, идемъ скорѣй въ мою комнату... Боже мой, какъ я волнуюсь!..

Подобравъ спереди подолъ длиннаго платья, Елисавета Ивановна, чуть ни бѣгомъ

спустилась съ пригорка и задыхаясь, бросилась по кратчайшимъ дорожкамъ сада къ дому.

— Лизанька, да не бѣгите вы такъ! Вѣдь вамъ вредно,—вдогонку звала ее Маріанна, но Елисавета Ивановна, не слушая, еле переводя духъ, стремительно поднялась на террасу, перебѣжала залъ, гостинную, столовую и вбѣжавъ къ себѣ въ спальню, задыхаясь тяжело дыша, опустилась въ кресло. Лицо ея было очень блѣдно, рука дрожала, не попадая въ карманъ, чтобы достать платокъ и вытереть на лбу капли крупнаго пота.

— Ахъ, Лизанька, какъ вы неосторожны! Съ вашимъ ли слабымъ сердцемъ этакъ бѣгать?! Да что вы такъ то взволновались?! Я вамъ сейчасъ капель приготовлю...

Послышался стукъ колесъ. Коляска въѣзжала на площадку къ главному подъѣзду, куда выходили окна спальни Елисаветы Ивановны.

Она сорвалась съ кресла, метнулась къ дверямъ, повернула ключъ, хотѣла было опять опуститься въ кресло, но вмѣсто этого, конвульсивно ухватилась за руку Маріанны, приблизилась къ окну, полузадернула штору и прильнула лицомъ къ кисейной занавѣскѣ. Маріанна обняла ее за плечи. Елисавета Ивановна вся дрожала, громко, съ трудомъ переводя дыханіе.

Коляска подъѣхала къ крыльцу. Илья раскрылъ дверцу, легко спрыгнулъ съ подножки. Никита Афанасьевичъ, лежа на подушкѣ, блѣдный, усталый отъ переѣзда, открылъ глаза и устремилъ взглядъ къ окну спальни своей жены. Надѣялся ли онъ, что окно будетъ открыто настежь, что въ его раскаянную душу

упадетъ ласковый прощающій взглядъ?!.. Елисавета Ивановна отшатнулась. Полные страха глаза округлились, затуманились, ноги подкосились.

— Маріан...— вырвался изъ груди и оборвался крикъ. Елисавета Ивановна упала на руки Маріанны.

Безъ труда она донесла ее до кровати, котѣла окропить водой. Но слабое сердце ужъ больше не билось. Растаяла, исчезла жизнь, со всѣми ея страхами, печалями и скорбями.

ЭПИЛОГЪ.

Спустя два года, на рукахъ заботливаго брата Ильи, постепенно угасая, умеръ въ «Береговомъ» Никита Афанасьевичъ. Его громадное состоянiе перешло въ руки сыну, едва достигшему совершеннолѣтняго возраста, но уже стяжавшаго себѣ по всей Волгѣ скверную славу за скандальные, безобразные кутежи, мотовство и распущенное поведенiе. До смерти отца, онъ дѣлалъ крупные долги, за которые должна была расплачиваться мать. Высокомѣрный, хвастливый и грубый въ обращенiи, онъ отталкивалъ отъ себя людей. Съ матерью были нескончаемыя ссоры и брань Получивъ отцовское наслѣдство, онъ бросилъ всѣ дѣла на руки повѣреннаго, запретивъ матери вмѣшиваться, самъ же отправился за границу швырять деньги и играть въ рулетку.

Анна, собравъ оставшiйся у нея капиталъ, озлобленная, одинокая и несчастная отношенiемъ къ ней сына, поселилась въ Москвѣ. Жадность и скупость развились въ ней до болѣзненныхъ предѣловъ, и она, дрожа надъ каждымъ грошемъ, жила почти такъ же бѣдно, какъ жила въ юности съ матерью, когда ненавидѣла и презирала бѣдность.

Григорій Афанасьевичъ, незадолго до смерти брата своего Никиты, отправившись въ Астрахань, перепился на пароходѣ со знакомыми купцами и пьяный сгорѣлъ въ своей каютѣ отъ зажженной спички.

Маріанна, любимая и чтимая по всей губерніи, расширила свою благотворительность на полученный ею послѣ смерти мужа капиталъ. Домъ она продала, и на эти деньги выкупила «Береговое», которое, послѣ смерти Никиты Афанасьевича должно было принадлежать его сыну. Она поселилась въ немъ, чтобы помогать Ильѣ Афанасьевичу и окружить заботой его одикокую, но свѣтлую старость.

Часто случалось, что сидя на террасѣ и глядя на цвѣтники, которые поддерживались въ память любимой покойницы, они перебирали пережитое трудное прошлое и дивились великой мудрости Творца, соединившаго ихъ въ одну семью, чтобы пройти въ ней нежеланный ими мірской путь, предуказанный имъ для участія въ трагической жизни столькихъ членовъ этой распавшейся, такъ мало схожей между собой семьи.

Мать Серафима старѣла все больше и все неустаннѣе молилась за упокой души грѣшныхъ братьевъ своихъ и отца.

— Полюбили всей душой и всѣмъ сердцемъ прахъ милліоновъ и подъ тяжестью праха этого во грѣхахъ погибли,— повторяла она, скорбно качая головой, выплакавъ въ одинокой кельѣ всѣ свои старческія слезы надъ слѣпотой и духовнымъ нищенствомъ близкихъ и далекихъ ей въ міру людей.

КОНЕЦЪ.

Château Suisnes.
(Seine et Marne).




17 50


2014021173